

Содержание

ОРИЕНТИРЫ	7
Кислицын С.А., д. полит.н., проф. Государство и научная элита на современном этапе	7
АКТУАЛЬНО	12
Кокин А.В., д.г-м.н., проф. Власть, бюджет и природная рента: исторический шанс	12
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	23
Корниенко В.И., д.э.н., проф., Ахба М.М., асп. Развитие организационного человеческого потенциала в системе заинтересованных сторон	23
Шпекторенко И.В., док. наук по гос. управлению, доц. К проблеме компетентностной сущности профессионального опыта кадров	31
Сапрыкина Н. В., д.э.н., проф. Чернобродова Л. А., к.э.н., доц. Маркетинговые аспекты формирования стратегии развития региона	39
Шхагошев Р.В., к.э. н., доц., Полочанская О.Г., асп. Совершенствование управления развитием физической культуры и спорта: региональный аспект	50
Шустов В.Г. к. полит. наук, докторант Разграничение полномочий между органами государственной и местной власти	63
Рубинская Э.Д., к.э.н., доц. Задачи управления процессами международной трудовой миграции на региональном уровне в свете стратегических ориентиров миграционной политики	71

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ 83

Бабанов А.Б., к.э.н., доц., Еременко К.П., асп.
Инвестиционно-налоговый инструментарий поддержки
инновационной сферы в российской экономике..... 83

Максимова Е.Н., к.э.н., доц.
Роль еврорегионов в модернизации и развитии
экономики региона 92

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА..... 102

Понеделков А.В., заслуженный деятель науки РФ, проф., д.полит.н.,
Жученко Е.Н., к.полит.н., Фасс Ю.С.
Место и роль ростовской научной
элитологической школы в изучении региональных
административно-политических элит.....102

Добаев И.П., д. философ. н., проф., Умаров Д.В., асп.
Векторы развития современной идеологической доктрины
радикальных исламистов в мире и на Северном Кавказе..... 111

Кузина С.И., д. полит. н., проф., Федан М.А., зам.декана по заочному
обучению РЮИ РПА МЮ РФ
Этническая идентичность как фактор самокатегоризации групп в
политической системе России 120

Голобородько А.Ю., к.филол. н., доц.
Государственная культурная политика в системе обеспечения
национальной безопасности современной России..... 128

Исаков А.Л., докторант
Возможности, способы и методы моделирования явления архаизации
политических процессов 134

Репинская О.В., докторант
Международные террористические угрозы и сотрудничество России
на постсоветском пространстве 141

Доманов В.Г., д. полит. н. , проф.
Urbis et civis: государство и гражданское общество 150

Петрова С.В., докторант
Геоэтнополитические детерминанты на постсоветском пространстве
Северного и Южного Кавказа..... 157

Тремба В.А., нач. отдела международных связей
ЮРИФ РАНХ и ГС
Миграционные процессы в современном обществе:
политологический анализ 169

Рощина Л.Н., к.э.н. Оценка и прогноз развития потенциала промышленных инноваций с позиции ресурсно-нормативного подхода.....	179
СОЦИОЛОГИЯ.....	188
Зинченко Я.Г., к. соц. н., доц. Бюрократия: динамика и трансформация.....	188
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	201
Кравченко Ю. В., асп. Устойчивость молодой сельской семьи в социально-экономическом пространстве региона (по материалам исследования в Ростовской области)	201
Точиев И.Б., соиск. Основные направления реформирования системы муниципального управления.....	207
Картоева З., асп. Проблемы совершенствования миграционной политики в условиях Республики Ингушетия	213
Косенкова Е.Л., асп. Государственное регулирование процесса сетевой корпоратизации в региональной системе.....	224
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	232
Философия – современному образованию	
РЕЦЕНЗИИ.....	236
Кислицын С.А., д. ист. н., проф.: Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М. Основы политической элитологии: Учебное пособие. (Допущено Министерством образования и науки РФ). 2-е изд., дополн. – Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012. – 608 с.	
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ (Труды ученых ЮРИФ РАНХ и ГС).....	240
Наши авторы.....	244
ABSTRACTS.....	251
Правила представления рукописей авторами.....	256

ОТ РЕДАКЦИИ

В связи с тем, что Северо-Кавказская академия государственной службы решением Правительства РФ была включена в состав Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХ иГС при Президенте РФ), которая и стала учредителем журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС». В июле 2012 г. журнал прошел перерегистрацию в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре). Журналу присвоен новый регистрационный номер ПИ № ФС77-50806.

Место издания, номер телефона, электронный адрес остались без изменения.

По-прежнему журнал остается включенным в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание степени доктора и кандидата наук.

Основная тематическая направленность журнала осталась неизменной: управление, политология, экономика, социология.

Статус рецензируемого журнала, включенного в Перечень ВАК обязывает авторов рукописей, рецензентов и редакцию журнала еще более ответственно относиться к научному уровню, актуальности тематики и грамотности оформления научных статей, представляемых к публикации журнала.

В сентябрьском номере журнала опубликованы статьи и опытных и начинающих исследователей: 9 докторов наук, 12 кандидатов наук, 8 аспирантов и соискателей. Они представляют различные образовательные и научные организации Москвы, Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Пятигорска, Владикавказа, Майкопа, Рязани, Днепропетровска. В них на основе научных и информационных источников, а также результатов собственного научного анализа рассматривается широкий спектр проблем политического, социально-экономического и культурного развития России.

Статья профессора А.В. Кокина «Власть, бюджет и природная рента: исторический шанс» носит дискуссионный характер. Редакция была бы признательна за отклики на нее, обзор которых будет опубликован в одном из очередных номеров журнала.

Редакция журнала по-прежнему открыта для сотрудничества со всеми, кто желает поделиться своими идеями и результатами научной работы по политическим, экономическим, социологическим, организационным проблемам сферы государственного и муниципального управления.

УДК 323.3

Кислицын С.А., д. полит.н., проф.

Государство и научная элита на современном этапе

Аннотация: направления взаимодействия политической власти и научной элиты определяются интересами государства и внутренними потребностями развития науки. Участие ученых в разработке политики России и в других ведущих странах носит опосредствованный характер. Обновление научной политики государства создаст в перспективе новые возможности для появления новой научной элиты.

Ключевые слова: научная элита, политическая власть, научное лидерство, государственное регулирование научной деятельности.

В течение последних лет полностью сохранились основные направления взаимодействия политической власти и научной элиты. Во-первых, это создание государством социально-политических условий для будущего научно-технологического прорыва, обеспечение науки военными заказами; укрепление позитивного имиджа творцов оборонной и космической техники, обеспечение возможности международных контактов ученых, а также контроль над специалистами, способными в ходе таких контактов игнорировать «государственную тайну». Во-вторых, это планирование государством научно-организационной деятельности, совершенствование и сокращение научно-образовательных структур, интеграция науки, производства и высшей школы. В-третьих, это материально-техническое обеспечение научной деятельности в рамках наукоградов, технопарков, исследовательских центров, которые располагают уникальными материально-техническими, интеллектуальными и кадровыми ресурсами. Большое значение имеет бюджетное финансирование, организация системы грантов, финансовое стимулирование молодых ученых, а также привлечение частного бизнеса. Ежегодно ученые за открытия и изобретения награждаются четырьмя Государственными премиями в размере 5 млн. руб. каждая. Президент В.В. Путин в июне 2012 г. особо подчеркнул успех ученых частного научно-инновационного предприятия, которое создало систему радиолокационных станций высокой заводской готовности системы предупреждения о ракетном нападении.

Власть традиционно формирует научную политику, зачастую прямо формирует социально-политический заказ, но при этом возникает про-

тиворечивая ситуация. Если научная элита слишком непосредственно ориентируется на государственные интересы, то она рискует стать субъектом политики и потерять свою идентичность. Некоторые ученые настаивают на том, что для развития науки необходима исключительная свобода от политики и забывают, что именно властные структуры ответственны за принятие решений о развитии того или иного проекта и за его возможные социально-политические, экологические и иные последствия. С точки зрения государства, наука должна не просто служить делу образования и удовлетворять любопытство ученых за государственный счет, а определять инновационные перспективы для экономического роста и повышения уровня благосостояния народа. Обратное влияние научной элиты на политическую власть, конечно, несравнимо с ролью государства. Это последовательное лоббирование конкретных интересов ученых в управленческих структурах, борьба за автономию научных институтов, отстаивание позиций ученых в национальном и международном масштабе, борьба за ограничение процессов разработки оружия массового поражения и средств его доставки и преодоление антигуманитарных последствий научно-технической революции. Степень влияния науки на власть также характеризуется наличием возможности привлечения ученых к процессу обоснования важных управленческих решений. Считается, что в Европе и США ученые более активно привлекаются к управлению, а в современной России власть обеспечивает ученым только определенное содержание, не предоставляя им реальной возможности влиять на состояние дел в стране. Но в американской реальности, по-прежнему, только отдельные политизированные ученые входят в политическое руководство страны, а научные лидеры в России всегда обладали определенными, хотя ограниченными полномочиями, функционируя в рамках государственного контроля над научным процессом. На посты руководителей научных ведомств, как правило, назначались ученые. В 2004-2011 гг. министром науки и образования был потомственный ученый, видный физик А.Фурсенко. В 2012 г. на этот пост был назначен ученый-металлург, ректор МИСИС А.Литвинов. Однако новых Е. Примаковых во главе власти нет.

Целый ряд депутатов Государственной думы в прошлом и настоящем является учеными. При Госдуме функционирует Экспертный совет по законодательным инициативам в сфере научно-технической политики Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям и Комитета Совета Федерации по образованию и науке. С 2004 г. работает преобразованный Совет при Президенте по науке, технологиям и образованию. При этом Совете с 2007 г. существует в качестве постоянно действующей комиссии Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сфере, состоящий из молодых учёных. Ряд академических институтов, ассоциаций ученых, некоммерческих научных центров

входят в разветвленную и влиятельную экспертную сеть, которая даже получила название в публицистке «эксперткратии». Однако экспертиза в лучшем случае только предваряет политическое решение, которое ответственно и самостоятельно принимают власть предержавшие.

Научная элита России остается в целом лояльной правящему политическому режиму и в своей основе не поддержала выступления демократической оппозиции на Болотной площади. Вот мнение одного видного ученого, опубликованное в сети Интернет: *«Где-то половина моих сотрудников ходила на митинги на Чистых прудах и Болотной площади и пойдёт 24-го числа. В принципе, мне кажется, что это не самое продуктивное времяпрепровождение. Подтасовки на выборах недопустимы, но, с моей узкопрактической точки зрения, как учёного, ни одна из партий ничего внятного по поводу развития науки и образования не предлагает (и уж, конечно, независимо от предложений ничего путного не сможет имплементировать). Поэтому молодым ребятам гораздо разумнее проводить время в лабораториях, а не на митингах, хотя бы с целью уехать побыстрее и получить нормальную работу, если вдруг здесь shit hits the fan окончательно».* Ученые провели немногочисленные митинги, на которых выдвигались требования увеличения финансирования науки и социальной политики. Было заявлено, что существующее отношение к фундаментальной науке может вынудить креативных ученых «уйти в интеллектуальную оппозицию, а потом и в политическую». Но в целом, на современном этапе политического развития сколько-нибудь массовое сопротивление в научной элите не прослеживается, оппозиционных лидеров, напоминающих великого физика и одновременно великого оппозиционера А.Сахарова, не наблюдается, очередные попытки создать партию ученых провалились.

Основная группа научной элиты отдает себе отчет в том, что, как сказал академик Ж.Алферов, «если в США начали строить постиндустриальное, информационное общество на основе развития высоких технологий, микроэлектроники, то мы вступили в этот период после варварской приватизации и разрушения индустриальной базы, на основе которой можно было развивать высокие технологии». В 2014-2018 гг. предполагается новый этап НТР, основой которого будут, по всей вероятности, новые биотехнологии, нанотехнологии, медицинские технологии, технологии природопользования, высокие гуманитарные технологии. Для их создания и освоения необходимо обеспечить единство науки и политики. В конце 2000-х гг. правительство РФ, наконец, осознало, что осуществлявшаяся ранее политика в области науки оказалась неспособна поддержать в полном объеме научные исследования в стране, и окончательно остановить научную эмиграцию. В результате было усилено финансирование науки,

стали выделяться средства на поддержку молодых ученых, появился ряд перспективных государственных научных проектов.

Один из последних проектов Минобрнауки России состоял в том, чтобы изъять конкурсное финансирование науки из созданных под эгидой РАН научных фондов — РФФИ и РГНФ и взять дело под свой контроль. Появились министерские финансовые проекты, поддерживающие наиболее важные научные направления, и проекты — так называемые «федеральные целевые программы» (ФЦП). При этом размеры грантов выросли по сравнению с имевшимися в РФФИ и РГНФ в несколько раз.

Другой проект Минобрнауки 2010 г. заключался в проведении конкурса очень крупных грантов (по 150 млн руб. каждый) с целью привлечь в Россию ведущих мировых ученых. 80 ученых должны были работать в России в течение 3 лет, по 4 месяца ежегодно, и за это время создать в выбранном ими вузе лабораторию, способную проводить исследования на мировом уровне. Но этот проект оказался проблемным, т.к. среди участников конкурса не набралось нужного числа ученых, которых можно было бы отнести к научной элите.

Третьим проектом Минобрнауки является проект создания Международного инновационного центра в Сколково — аналога знаменитой Кремниевой долины в США. В 2011 г. выделено 15 млрд руб., набран штат сотрудников около 1000 человек, подписаны соглашения с 13-ю крупными российскими и зарубежными компаниями об открытии в иннограде их исследовательских центров с совокупным бюджетом 12 млрд руб. Самым главным проектом, вероятно, является курс на сосредоточение всей научной инфраструктуры вокруг ведущих суперцентров и научных лидеров.

Академик А.Р.Хохлов настаивает на постепенном переводе отечественной науки на те, принятые во всем мире принципы организации, которые обеспечивают ее эффективность. В лидирующих в плане науки странах центральной фигурой является неформальный Научный Лидер (а не представитель научно-административной элиты). Как правило, научный лидер имеет постоянную должность в университете или научном институте, все остальные сотрудники группы работают на временной основе до тех пор, пока есть финансирование по грантам. В большинстве стран с развитой наукой при проведении конкурсов исходят из принципа "горизонтальной мобильности", когда новые должности получают сотрудники других университетов и научных центров, "вертикальный" карьерный рост ученого в рамках одной организации не приветствуется. Тем самым, более важной становится оценка данного ученого научным сообществом в целом, а не коллегами внутри данной организации. В России уже существ-

вуют положительные примеры решения таких проблем¹. Но такие проекты не могут означать отказа от традиционных для нашей страны институтов, прежде всего, научно-организационной элиты в рамках Академии Наук, которые адекватно отвечают уникальным условиям российской евразийской цивилизации.

В целом, как подчеркивает Д.А.Медведев, в стране в последнее время последовательно расширяются возможности для тех, кто, влияя на развитие мировой науки и культуры, приносит России очевидные преимущества. Формируются условия для роста их творческой свободы, академической мобильности, для обмена идеями и для коммерциализации идей. Создаются новые институты, которые специально направлены на исследовательские программы – как отдельные, так и в рамках высших учебных заведений, – под руководством учёных мирового уровня. Современное состояние науки определяет необходимость государственного регулирования и контроля над темпами и последствиями научно-технического развития, над прикладными инженерными и технологическими приложениями. Подлинной целью политической власти и государственного регулирования деятельности научной элиты должно быть обеспечение роста научного потенциала национального государства и, в конечном счете, всего человечества.

---

¹ Российская газета. 2012. 4 апреля

УДК 336.1 : 504

Кокин А.В., д.г-м.н., проф.

Власть, бюджет и природная рента: исторический шанс

Одной из коррупционных составляющих государства является нецелевое расходование и прямое хищение бюджетных средств на разных уровнях его формирования. Российская Федерация значительную долю бюджета образует за счёт природной ренты, которая согласно Конституции должна принадлежать народу. При условии политической воли властной элиты эта доля из бюджета должна быть изъята и передана гражданам РФ и на развитие минерально-сырьевой базы. Это позволит сократить коррупционную составляющую в процессе сложной процедуры перераспределения бюджетов всех уровней и будет способствовать улучшению социальной защиты населения.

Ключевые слова: природная рента, бюджет, перераспределение, властная элита, благосостояние общества.

Постановка проблемы. Правительство РФ, в рамках своих полномочий, установленных ст. 114 Конституции РФ [1] обеспечивает проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, осуществляет политику в области рационального использования природных ресурсов, отвечает за регулирование природопользования и развитие минерально-сырьевой базы и иных полномочий. При этом политика Правительства должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь своему народу (ст. 7), а на основе ст. 9 Конституции РФ **земля и другие природные ресурсы должны использоваться в качестве основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.**

Как известно, основным источником коррупционной составляющей в государстве является бюджет, а точнее – сложная система его перераспределения и учёта расходов. Поскольку значительную часть бюджета страны составляют доходы от использования недр (энергоресурсы, широкий спектр минеральных полезных ископаемых и др.), Правительство, в случае своей малоэффективной деятельности, имеет возможность использовать часть природной ренты на решение проблем, которые надо было бы решать за счёт заработанных средств, полученных от развития перерабатывающего производства, его технологизации и наукоёмкости, оказания

услуг населению. Неопределённость учёта рентных доходов и расходов от торговли природными ресурсами создает условия для нецелевого расходования средств бюджета или хищения значительной его части в процессе сложных схем его перераспределения в условиях сращивания системы управления и бизнеса. *Вычленение доли рентной составляющей из бюджета и передача дохода, не связанного с производством и оказанием услуг населению, позволило бы уменьшить коррупционную составляющую в процессе перераспределения бюджетных средств.*

Возможные пути решения проблемы.

1. Принятие политического решения властной (законодательной и исполнительной) элитой РФ об изъятии из бюджета доли природной ренты.

2. Передача напрямую средств, получаемых от продажи природных ресурсов: своим гражданам, на развитие минерально-сырьевой базы государства, научные исследования в области внедрения новейших технологий в энерго- и ресурсосбережение, на разработку и внедрение альтернативных источников использования энергии, в первую очередь, в инфраструктурной области.

3. Правительство формирует и управляет только той частью бюджета, которая создаётся за счёт производства (в том числе наукоёмкого, модернизации устаревшей его части, сферы услуг, развития рекреационного хозяйства и т.д.). В этом смысле Правительство будет заинтересовано не только в развитии производства, но и в управлении долей заработанных доходов в рамках функционирования народного хозяйства.

Природная рента. Немало копий сломано относительно представления о природной ренте [2, 3]. Некоторые специалисты также утверждают, что нефтяная рента – миф. Правда, в таком случае резонно задать вопрос, если это действительно миф, то почему существует гигантское расслоение в обществе на богатых и бедных, когда бизнес, ориентированный на добычу, транспортировку, продажу природных ресурсов, способен рождал, как на дрожжах, супербогатых людей вкупе с инвестиционными компаниями и банками? Почему с такой скоростью дорожает земля в мегаполисах, где сосредоточены огромные финансы (Москва, С-Петербург и др.). Почему растут цены на минеральные удобрения, строительные материалы, лес, рыбу и другую продукцию, тесно связанную либо с горно-промышленным комплексом, либо с землёй или с эксплуатацией биоресурсов? Также говорят о том, что, трудно, мол, выделить долю природной ренты [4] и даже Министерство природных ресурсов и экологии не знает, как считать природную ренту, хотя такой опыт есть [5]. Ещё бы! Как они могут её подсчитать, если именно они, являясь ключевым министерством в правительстве, одновременно распоряжаются и контролируют процесс

эксплуатации недр (на основе лицензирования), лесных, водных ресурсов, определяют экологическую политику государства, затраты на которую чрезвычайно трудно не только учесть, но и проконтролировать расходы на воспроизводство её качества?

И всё-таки, куда же девается природная рента? [6]. Оказывается рента сверху не видна [7] и её упорно не хотят замечать те, кто стоит у истоков самого формирования бюджета страны.

Резонен и другой вопрос: если нефтяной и газовой ренты нет или она очень мала, почему наша экономика так сильно зависит от мировых цен на нефть и газ, а формирование бюджета напрямую связано с ценами на нефть? Одна только реклама на телевидении бесхитростно декларирует, что «Газпром» – национальное достояние России, а «Роснефть» – один из основных налогоплательщиков? Почему основная часть производства в России убыточна, а нефтянка, газовая отрасль – сверхприбыльные не для тех, кто добывает полезные ископаемые, а продаёт их?

Ответ на эти вопросы на поверхности – прибыльны, потому как *в экономической эффективности этих производств заложена незаработанная часть прибыли неучтённой цены недр** – дара природы (геологических обстоятельств, которые *случайно* разыгрались на территории отдельных субъектов РФ миллионы лет назад). Для сравнения можем показать, что крестьянин, для того чтобы вырастить хлеб, должен *обработать* землю, посадить зерно и вырастить его, чтобы потом продать на рынке. Горнопромышленники – не сеют и не жнут – но добывают то, что создала сама природа. Стало быть, природа создала стоимость исходного продукта экономики (минеральных ресурсов, востребованных хозяйственной деятельностью человека) в случае его востребованности хозяйственной деятельностью человека. Часть стоимости создают геологи, которую концентрирует государство, формируя фонд недр, из которого формируется национальное богатство недр РФ. Горнопромышленники, образуя часть своей стоимости по добыче полезных ископаемых, делятся с государством, продавцами природных ресурсов, а народу остаётся только та часть стоимости, которая вернётся к нему в форме перераспределения доходной части бюджета на решение его социальных нужд (кстати, самая уязвимая часть бюджета в случае любого кризиса в любой стране). Но именно *в недрах многоступенчатого, непрозрачного перераспределения бюджета и теряется значительная часть природной ренты*. Именно она зачастую и является одним из основных источников коррумпированности власти чиновников и бизнеса путём нецелевого расходования или просто хищения денежных средств. Народу достаются крохи в рамках «гарантированного

---

* Действительно, сами полезные ископаемые не создают стоимость, но их стоимость возникает в условиях востребованности полезных ископаемых хозяйственной деятельностью человека.

доступа к бесплатному образованию, медицине и т.д.». Именно поэтому крестьянский труд дотационный, а нефтяная, газовая (добывающие) отрасли – прибыльные! Потому что у *крестьянина рентный доход может формироваться только как часть ценовой ренты*, полученной только за счёт разницы между среднегодовой ценой продукции по району, области и т.д. и ценой стоимости его товарной продукции с учётом издержек на её производство или между внутренней и мировой ценой на сельхозпродукцию, если крестьянин сам будет торговать ею на мировом рынке. На самом деле его продукцией торгуют другие, в том числе государство. *Горнопромышленники также получают только часть ценовой ренты*, а вот *торговцы ресурсами получают основную её долю* как разность между внутренней и мировой ценой с учётом издержек на продажу природных ресурсов. *Государство же получает абсолютную ренту* (не участвует в создании цены продукции недр), а распоряжается ею Правительство по сложной цепи её перераспределения в бюджете. При этом, чем больше доля природной ренты формируется в бюджете, тем больше свободы у Правительства «затыкать» бюджетные дыры, а не искать способы развития наукоёмкого и эффективного производства.

Так что те экономисты, которые утверждают, что природная рента – это блеф, – лукавят или просто защищают интересы тех природопользователей, кто оплачивает их умозаключения. А ренту подсчитать трудно, было бы желание это сделать и понять сущность её формирования хотя бы на примере национального богатства недр [8]. Именно в этом фундаментальном труде подчёркивается, что **минерально-сырьевые ресурсы России представляют собой важнейший бюджетобразующий и капиталоемкий актив национального богатства России**. Добыча, переработка, использование и экспорт сырьевых ресурсов – это не только первооснова сегодняшнего благополучия страны, но и тот **шанс, подаренный нам природой**, благодаря которому Россия может за исторически короткий срок не только существенно повысить благосостояние своих граждан, но и создать условия для поступательного развития страны в будущем. Это 100 % резервного фонда и фонда национального благосостояния России; более 70 % экспорта и валютной выручки страны; более 50 % доходной части федерального бюджета; около 60 % промышленной продукции, выпускаемой предприятиями минерально-сырьевого комплекса; основа внутреннего регионального продукта зауральских регионов и бюджетов всех регионов-доноров; основа социальной стабильности в Сибири и на Дальнем Востоке России; возможность реализации крупных национальных мегапроектов, таких как нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО)», Балтийская трубопроводная система, транспортный коридор вдоль северного и полярного Урала; наконец, это осязаемая часть мировой экономики минеральных ресурсов [9].

И здесь уместно сделать ещё одно сравнение. Есть страны, которые случайно оказались без богатых ресурсов недр, располагающие только землёй, ограниченными лесными, водными и биотическими ресурсами. Но они не бедны, поскольку их *богатство заработано ими* путем технологизации, производства, его большой наукоёмкости, финансово-экономической деятельностью. Примером могут служить часть развитых в экономическом отношении небольших западных европейских стран.

Так что же такое рента вообще и природная в частности? Рента – это, во-первых, незаработанная прибыль, которая может выступать как дифференцированная (за счёт лучшего качества земель, расположенных вблизи потребителя производимой продукции и т.д.; за счёт эксплуатации богатых месторождений, расположенных вблизи перерабатывающих производств в отличие от бедных, какие находятся вдали от них и др.), абсолютная или монополия (в случае, когда собственником ресурсов является государство или частный владелец ресурсов). Во-вторых, это доход, который возникает вне предпринимательской деятельности (например, при благоприятно сложившейся конъюнктуре в условиях конкуренции). В-третьих, она может выступать в различных категориях её источников: ценовой (разность между мировой и внутренней ценой произведенного товара и др.), ассимиляционной (когда воспроизводством ресурсов или среды обитания управляет естественная ассимиляционная функция природы [10]), экологической ренты [11].

Вся природная рента, таким образом, состоит из незаработанной прибыли, получаемой за счёт использования недр (горная рента), земельных ресурсов (земельная рента), водных ресурсов (водная рента), лесных ресурсов (лесная рента), биотических ресурсов (биотическая рента), ассимиляционная и экологическая ренты. Последние две составляющих природной ренты возникают, по большей части, в условиях использования рекреационных ресурсов и могут в совокупности рассматриваться как *рекреационная рента*. Она, как правило, является источником дохода государств, использующих выгодное климатическое, географическое положение и не стремящихся развивать производство, негативно влияющее на состояние окружающей среды, понижающее способность ассимиляционной функции природы восстанавливать своё качество и ресурсы. Для России рекреационные ресурсы – это один из будущих важных компонентов поступательного развития общества.

Наиболее доходными являются горная, земельная, лесная и биотическая* ренты. А ввиду того, что РФ богата земельными и лесными ресурсами, то цена земли и цена лесных ресурсов не полностью задействована в силу незначительного количества, например, фермеров, желающих брать

---

* Здесь речь идёт, в основном, о морских биоресурсах.

землю сельскохозяйственного назначения в аренду и обрабатывать её, брать лесные ресурсы в аренду по причине отсутствия дорог и инфраструктуры, достаточной ёмкости производств по обработке древесины и т.д. По сравнению с горной рентой, земельная и лесная ренты ещё недооценены в России в силу, например, низкой цены на земли сельхозназначения, отсутствия цивилизованного рынка сельскохозяйственных земель и т.д. Некоторые экономисты в погоне за эпитетами и метафорами взывают к воздуху: с каждого надо брать налог на дыхание. Воздух, как известно, не является ресурсом, как и климат, океан, воздушная влага и т.д.

Резюмируя представления о природной ренте, можно в общем говорить о том, что *природная рента – это часть дохода, которая формируется природопользователем вне зависимости от его предпринимательской деятельности – это сверхприбыль, которая образуется за счёт уникальных свойств месторождений полезных ископаемых, земельных, водных, биотических, рекреационных ресурсов, способных формировать дифференцированную часть ренты.*

Иногда твердят о том, что не надо говорить о природной ренте, надо говорить о налоговой нагрузке на каждую конкретную отрасль в целом [12]. Очередное заблуждение, поскольку налоговый прессинг отбирает заработанную часть прибыли без учета доходов от природной ренты [13]. Да и какая разница, в какой форме изымается часть дохода природопользователей? Само государство (и властная элита в нём) – ничего не производит, а только аккумулирует доход и распределяет его в обществе. А вот здесь-то и кроется основной источник коррупции в государстве. Там, где возможно распределение (перераспределение) доходов (бюджета, например) – там большая заинтересованность лиц обладать их частью. Именно на этом мы и концентрируем внимание настоящей статьи.

В конце концов, не так важна сама доля природной ренты в бюджете страны. Важно то, что, по представлениям С. Глазьева, Д. Львова и других, – это не только мощнейший рычаг (резерв) государства в своём развитии [14], не только и не столько источник улучшения социального благосостояния его граждан, но и важный аспект выражения доверия народа власти, которая печётся о его благополучии, давая ему шанс распоряжаться хотя бы частью природной ренты. Но именно природная рента находится под пристальным вниманием власти, чиновников, бизнеса. Именно рента формирует одну из основных коррумпированных сетей, возникших в государстве. *Отлучить правительство от этой доли незаработанного дохода и есть та возможная историческая необходимость, которая приведёт к уменьшению коррупции в государственной машине управления природоресурсным потенциалом, заставит правительство зарабатывать деньги за счёт организации производства и позволит снять с него ответственность за возможное нецелевое и малоэффек-*

тивное расходование рентных доходов. Однако на это нужна политическая воля всей государственной управленческой элиты.

Предлагаемая модель выделения из бюджета части природной ренты и её перераспределение учитывает следующее:

1. Создаётся независимая комиссия из независимых экспертов, способная вычленивть долю природной ренты из бюджета на основе разработанной методики расчёта.

2. Комиссия докладывает Государственной Думе о результатах своей работы только в части формирования источников природной ренты, её доли от продажи природных ресурсов, совокупной доли в бюджете страны в зависимости от эксплуатации и продажи природных ресурсов.

3. Дума принимает поправки к закону о бюджете закон о выделении доли природной ренты из бюджета страны в процессе принятия самого бюджета.

4. Дума определяет статьи расходов вычлененной природной ренты и контролируется комитетом по бюджету. Остальные статьи доходов и расходов, связанные с непосредственным производством и оказанием услуг, формирует и контролирует Правительство.

5. По окончании каждого финансового года Дума отчитывается перед депутатами и избирателями о расходах рентных доходов. Правительство отчитывается за доходную и расходную части бюджета перед Думой в рамках своей новой компетенции.

Таким образом, Правительство не должно управлять рентными (незаработанными) доходами, полученными, например, хотя бы от продажи природных ресурсов. Это компетенция Думы. Правительство в предложенной модели может управлять доходами и расходами только в рамках развития производства и оказания услуг населению.

Возможные направления перераспределения природной ренты.

1. Часть природной ренты в рамках закона сбалансированного природопользования [15], должна быть направлена на воспроизводство природных ресурсов страны и качества среды. Например, в условиях достижения темпов экономического роста в 5% на воспроизводство природных ресурсов направляется 5 % от доли годового прироста ВВП и столько же на воспроизводство качества окружающей среды для поддержания ассимиляционного потенциала природы РФ.

2. Основная часть всей совокупности природной ренты (50 %) должна быть напрямую возвращена населению с переводом средств на личные счета граждан, от новорождённых до старцев. Это решит часть проблем в достижении социально-экономической защищенности граждан государства (примеров такой государственной политики по перераспределению природной ренты гражданам государств известно много), а с Правительства РФ будет снята часть проблем по социальной

защищенности граждан (или отдельных категорий граждан) и оно сможет концентрировать своё внимание на зарабатывание денег за счёт роста производства, его модернизации, оказания услуг населению. Именно из этих средств Правительство должно формировать и оборонный бюджет.

3. Остальная часть природной ренты должна быть направлена на развитие науки, технологий и производства целевым путём.

4. Дети, достигшие 16-летнего возраста, имеют право получить ренту и расходовать её по своему усмотрению. В случае смерти детей до достижения 16 лет родители получают право на ренту детей.

5. В случае, если дети, достигшие 16-летнего возраста не снимают рентные доходы со счетов, на них насчитывается доход как процент по вкладу, но не выше инфляционного коэффициента.

6. Взрослое население распоряжается рентным доходом по своему усмотрению и может получать доход по вкладу, определенный Думой на уровне, также не превышающем инфляционный коэффициент.

Решит ли природная рента вопрос о благосостоянии общества? Нет, конечно. Общество должно зарабатывать себе на жизнь. Но природная рента, новый механизм её перераспределения поможет:

- честно смотреть в глаза своему народу Правительству, уполномоченному им зарабатывать деньги в условиях поступательного развития производства и оказания сферы услуг;

- направить деятельность Правительства в русле развития экономики не только за счёт использования природных ресурсов;

- постепенно сокращать долю импорта природных ресурсов и увеличивать переработку сырья у себя в стране;

- наконец, политической и управленческой элите РФ во всех её сферах представляется исторический шанс показать своему народу, что она защищает его интересы.

Возможные модели постепенного перехода к вычленению из бюджета части природной ренты и её перераспределению народу и на развитие минерально-сырьевой базы РФ (МСБ РФ).

Модель первая.

1. Принятие политической воли государства о возврате части природной ренты своему народу и её доли на развитие МСБ РФ.

2. В течение первых пяти лет решается вопрос о передаче вычлененной 50 % доли природной ренты за счёт продажи природных ресурсов на счета населению (по 10 % в год нарастающим итогом).

3. В течение первого года в условиях принятия модели целиком (с последующим ежегодным пересчётом этой доли в зависимости от темпов экономического роста) вычленяется доля природной ренты на воспроизводство природных ресурсов и качество окружающей среды в рамках закона сбалансированного природопользования.

4. Остальная часть природной ренты Правительством используется для решения проблем развития науки и технологий по воспроизводству МСБ РФ, фундаментальной науки, модернизации производства.

5. По истечении пятилетнего переходного периода 50 % вычлняемой природной ренты передаётся на счета населения.

6. Доля экспорта природных ресурсов в рамках существующих газотранспортных и нефтетранспортных систем в этот пятилетний срок не наращивается и остаётся постоянной.

7. Правительство отказывается от реализации новых проектов по увеличению экспорта природных ресурсов.

8. Правительство за счёт модернизации перерабатывающих сырьевых производств увеличивает выпуск товарной продукции переработки и пропорционально увеличивает экспорт не сырья, а продукции, полученной из него.

9. По истечении пятилетнего переходного периода принимается вторая модель.

Вторая модель.

1. Вычлняется 50 % доля природной ренты целиком за счёт экспорта природных ресурсов и переводится ежегодно на счета граждан РФ.

2. В течение последующих пяти лет вычлняется 10 % доля рентных доходов от торговли продукцией горнопромышленного комплекса и переводится на счета граждан РФ нарастающим итогом по 10% в год в условиях стабильного экономического роста. К концу пятилетнего срока на счета граждан переводится 50 % доли рентных доходов от экспортируемой продукции горнопромышленного комплекса. В условиях кризисных ситуаций в экономике доля рентных доходов населению может быть сокращена на уровень падения производства.

3. В течение пяти лет сокращается по 10 % в год экспорт природных ресурсов и такими же темпами расширяется их переработка в РФ. В конце этого срока (через 10 лет принятия политической воли государства о перераспределении природной ренты и рентных доходов) доля экспорта природных ресурсов должна быть сокращена на 50 %. Основные доходы населения составляют: 50 % доля природной и 50 % доля рентных доходов от производства горнопромышленного комплекса, рекреационной деятельности, эксплуатации биоресурсов, лесных, земельных и водных ресурсов.

Третья модель.

Реализуется после 10-летнего периода. Её сущность заключается в том, что вычлняется вся доля природной ренты (земельной, водной, лесной, горной, биотической, ассимиляционной, экологической) и в размере 50 % суммы её составляющих передаётся на счета граждан РФ. В рамках реализации модели государственные органы власти принимают решение о

непрерывном возрастании цены (стоимости) земельных, водных, лесных, биотических ресурсов, стоимости платежей на нерациональное использование природных ресурсов, стоимости платежей за негативное воздействие на окружающую среду в рамках пропорционального снижения цены новейших доступных ресурсо- и энергосберегающих технологий. Чтобы бизнесу стало выгоднее вкладывать деньги в новейшие существующие (доступные) технологии по переработке отходов производства, а не платить за нерациональное природопользование и негативное воздействие на окружающую среду.

Четвёртая модель. Может показаться, что смысл написанной статьи заключается в известном принципе: отнять и поделить. Конечно, это далеко не так, поскольку рента является достоянием всех граждан РФ и отнимать её никто не имеет права. В этом смысле четвёртая модель может быть использована только в том варианте, когда вычлененная доля природной ренты хотя бы от продажи природных ресурсов должна быть направлена на поддержку исключительно социально не защищенных людей в РФ, которые в силу своих ограниченных возможностей не могут содержать себя.

В рамках реализации предлагаемого перехода на рентную модель поддержки благосостояния собственного народа субъекты РФ в свои бюджеты должны получать долю природной ренты и рентных доходов от развития производства пропорционально доли формируемой ими ренты (земельной, водной, лесной, биотической, ассимиляционной, экологической). То есть субъекты РФ, богатые природными ресурсами, должны получать больший доход. Субъекты РФ, располагающие меньшим количеством природных ресурсов, развивают свою экономику за счёт концентрации на их территории перерабатывающих производств из сырья, расположенного в других субъектах РФ.

Казалось бы, что в период резкого падения цен на нефть и не окончившегося ещё экономического кризиса, в условиях нарастания политической нестабильности в России не время говорить о таких переменах в обществе. Тем не менее политическая и властная элита должна именно в этот период продемонстрировать своему народу волю к защите его социально-экономических интересов и дать знак всему обществу к масштабным социально-экономическим преобразованиям путём вовлечения малого и среднего бизнеса в производство, свободное от излишней государственной опеки и пресса чиновничества, ограничивающих свободу предпринимательства. Дать посыл крупному бизнесу задействовать внутреннее перерабатывающее производство, форсировать строительство дорог, инфраструктуры на основе использования сырьевого локомотива субъектов РФ.

Литература

1. Конституция РФ с изменениями от 30.12.2008 г. // Российская газета. 2009. 21 января.
2. <http://www.tisbi.org/science/vestnik/2005/issue1/econom13.html>
3. <http://www.geoglobus.ru/ecology/practice16/legislation10.php>
4. *Данилов-Данильян В.И.* Природная рента и управление использованием природных ресурсов // Экономика и матем. методы (РАН). 2004. Т. 40. № 3.
5. *Глазьев С.Ю., Волконский В.А., Кузовкин А.И., Мудрецов А.Ф.* Методика расчета ренты по основным видам полезных ископаемых. М.: ИНЭС, 2003.
6. *Кимельман С.* Куда в России девается нефтяная рента // Золотой лев [Электронный ресурс] – URL: <http://www.zlev.ru>.
7. Рента сверху не видна // Российская Бизнес-газета. 2003. № 438. 9 декабря. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rg.ru/2003/12/09/rehta.html>.
8. Национальное богатство недр России. Стоимостный анализ. Изд. 3-е, доп. СПб: ВСЕГЕИ, 2008.
9. *Кокин А.В., Кокин В.Н.* Природоресурсная база мировой экономики. Состояние, тенденции, правовые аспекты. СПб-М.: ИПК «БИОНТ», 2003.
10. *Кокин А.В.* Ассимиляционный потенциал биосферы. Ростов н/Д.: СКАГС, 2005.
11. *Кокин А.В., Кокин А.А.* Современные экологические мифы и утопии. СПб: БЮионт, 2008.
12. <http://www.rg.ru/2003/10/24/rehta.html>
13. *Буздалов И.* Природная рента как категория рыночной экономики // Вопросы экономики. 2004. № 3.
14. *Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2001; *Голуб А.А., Струкова Е.Б.* Экономика природных ресурсов. М.: Аспект Пресс, 2001; *Пермяков Б.* Рента и природопользование // Волна. Иркутск. 2000. № 24.
15. *Кокин А.В.* Закон сбалансированного природопользования и социальное управление // Социальное управление: региональные аспекты. 2002. С. 214-230.

УДК 331.108.2

*Корниенко В.И.,
д.э.н., проф.
Ахба М. М.,
аспирант*

Развитие организационного человеческого потенциала в системе заинтересованных сторон

В рамках статьи исследуются проблемы управления развитием организационного человеческого потенциала компаний, выступающих как заинтересованные стороны. Исходная посылка анализа - предположение о том, что взаимодействующие компании, опираясь на рациональную оценку ожиданий в удовлетворении взаимных интересов, стремятся к созданию обучающегося партнерства, нацеленного на долговременное стратегическое взаимодействие во имя достижения конкурентных преимуществ на рынке.

Ключевые слова: организационный человеческий потенциал, эффективность управления, партнерство органов власти и компаний.

В течение последних двадцати лет наблюдается значительный рост внимания к проблеме выстраивания взаимоотношений между компаниями как источника повышения конкурентоспособности в условиях глобализации экономики. Многочисленные исследования данного феномена свидетельствуют о том, что "создаваемая в рамках взаимодействия ценность может выступать в качестве показателя эффективности управления отношениями активами компании и успешности усилий по интеграции ресурсов и способностей вовлеченных сторон" [1].

Однако существующие исследования не дают полного ответа на вопрос о факторах, определяющих формирование ценности взаимоотношений с точки зрения внутренних ресурсов компаний. В частности, фактически неисследованным является вопрос «Могут ли компании повысить ценность взаимоотношений за счет взаимного влияния на развитие своих организационных человеческих потенциалов?»

Понимая под организационным человеческим потенциалом единство совокупных индивидуальных способностей работников компании с системой их взаимодействия в формальных и неформальных структурах

как внутри организации, так и за ее пределами, авторы приходят к выводу, что в условиях глобализации и экономики знаний взаимодействие сторон главным образом проявляется в виде непосредственных коммуникативных контактов между работниками различных компаний. Отсюда следует, что чем выше уровень понимания сторонами сути происходящих процессов взаимодействия, чем шире набор рутин, обеспечивающий совместный анализ ситуаций и принятие по ним совместных управленческих решений, тем эффективнее они будут действовать, выступая по отношению друг к другу как заинтересованные стороны. Иначе говоря, цель взаимодействия «любых индивидуумов и клиентов, добровольно или принудительно связанных с деятельностью компании» [2, с. 153] – повысить отдачу от активов каждой из сторон и в первую очередь своих организационных человеческих потенциалов.

Обращение к проблеме влияния каждой из заинтересованных сторон на развитие своих организационных человеческих потенциалов, по мнению авторов, более всего объясняется с точки зрения экономической теории информации, в соответствии с которой неопределенность, в которой действуют участники рынка, существует всегда и постоянно. Неравномерность информации проявляется в том, что некоторые участники рынка информированы лучше, чем другие. В частности, производители лучше информированы о своей продукции, чем потенциальные потребители. Однако в условиях жесткой мировой конкуренции потребитель, получая товар, стремится максимально эффективно его использовать, особенно если это касается новых технологических линий, оборудования или управленческих новшеств. В результате для повышения своей конкурентоспособности организации все в большей степени становятся заинтересованы в получении знаний и информации не только о покупаемом товаре, но и о производителях, их способности учитывать потребности заказчиков. И если это достигается, то потребитель получает возможность опережать конкурентов, опираясь на более совершенные технологии или оборудование. Иначе говоря, у заинтересованных сторон возникает потребность в формировании между ними таких отношенческих активов, которые бы позволяли осуществлять обмен информацией, совместный ее анализ и принятие решений. Однако для этого в первую очередь требуется, чтобы компании обладали организационными человеческими потенциалами, способными к диалогу, т.е. к пониманию интересов и целей друг друга. Более того, экономика знаний требует от компаний не только простого понимания взаимных интересов, но и обмена знаниями, то есть воздействия на организационные человеческие потенциалы с целью их развития.

Обратимся к нескольким примерам, из которых видно, что взаимодействие главным образом направлено на формирование отношенческих активов за счет взаимного развития человеческого потенциала партнеров.

Первый из них связан с Московским Домом книги, который инвестирует средства в установку соответствующего программного продукта своим дилерам и крупным клиентам, обучает их персонал работе с данным продуктом. Цель таких специфичных вложений – добиться повышения оперативности и точности заказов, идущих от продавцов и потребителей. Как результат – быстрее выполняется заказ и снижаются затраты. В данном случае, развивая персонал дилеров, то есть своих партнеров, вкладывая в развитие их организационных человеческих капиталов специфичные инвестиции, Дом книги в перспективе обеспечивает выигрывает и для себя.

Второй пример связан с компанией «Световые технологии», которая, производя осветительные приборы, активно работает с агентами влияния на рынке осветительной техники, фактически самостоятельно формирует спрос не только на свою продукцию, но и на новые эффективные светотехнические технологии. В этих целях компания систематически проводит семинары для своих партнеров. В числе их участников архитекторы, дизайнеры, проектировщики, главные энергетики и другие ответственные в компаниях за электроосветительные приборы лица. Отдельные семинары ежегодно проводятся для дилеров, продавцов и менеджеров торговых предприятий, где подробно раскрываются преимущества выпускаемой продукции, особенности производственных технологий. Цель такого обучения – обеспечить развитие персонала своих партнеров, работающих с конкретными покупателями современных светотехнических приборов. В данном случае компания производитель – «Световые технологии», как и в первом случае, ориентируется в основном на свои нужды, но параллельно, развивая организационный человеческий потенциал своих потребителей, повышает и их конкурентоспособность.

Ярким примером взаимного обучения производителей и потребителей являются отношения между производителями экологически чистой продукции и одним из первых в России экологических супермаркетов "Грюнвальд". Работники супермаркета не только прошли профессиональную подготовку в Германии, но и посещают предприятия, где производятся продукты, знают технологию их изготовления, стандарты, на которые ориентируются производители. В свою очередь производители продукции тоже изучают работу супермаркета, вникают в потребности покупателей. Показателен в этом отношении пример производства "докторской" колбасы. Работники супермаркета и технологи завода совместно работали над ее производством по Госстандарту 1935 г. Это, кроме профессиональных знаний, создает условия, при которых работники супермаркета и производители продукции начинают разделять философию бизнеса, работают на высоком уровне доверия друг к другу. В данном случае и производители, и потребители оказывают взаимное влияние на развитие своих организационных человеческих потенциалов.

Для ряда компаний вложение в развитие организационных человеческих потенциалов партнеров предусматривает инновационные цели, создание новых продуктов. Эти компании, делая существующие знания общедоступными не только для работников своей, но и компании – партнера, как правило, стремятся получить на этой основе инновационные прорывы. Сюда входит раскрытие перед партнерами запатентованных технологий, новых управленческих знаний, информации о качестве рабочих процессов. Весьма интересен в этом отношении опыт Чебоксарского завода автоматики и электроники, который инвестирует деятельность совместных инновационных рабочих групп с заказчиками и потребителями продукции по разработке новых образцов электротехнического оборудования, систематически проводит встречи со своими партнерами, выставки-демонстрации новых образцов продукции. Задача такой деятельности – не только повысить эффективность своего предприятия за счет получения информации о потребностях заказчиков, но и обеспечить эффективность деятельности партнеров за счет предоставления им инновационных образцов продукции.

В данном случае взаимодействующие фирмы совместно ведут поиск информации, выстраивают умозаключения и генерируют новые знания в целях повышения эффективности использования общего человеческого потенциала, роста производительности труда и снижения затрат.

Приведенные выше примеры компаний, действующих в рамках концепции заинтересованных сторон, показывают, что каждая из них осуществляет взаимодействие на основе конкретных практик, обеспечивающих непосредственные контакты между людьми.

Такая модель взаимодействия меняет традиционные представления о границах фирмы, а, следовательно, и меняется представление о человеческом потенциале, который становится взаимосвязанным и взаимозависимым. Фактически формируется единый партнерский человеческий потенциал, где происходит перелив, обмен знаниями, инвестируется развитие человека в целом для взаимодействующих компаний. Такие взаимно заинтересованные компании становятся **обучающимися партнерами**, а их совместный человеческий потенциал постоянно возрастает в процессе создания, сохранения и распределения нематериальных активов, находящихся в общем пользовании.

Для обучающих партнерств можно выделить ряд конкретных практик управления развитием своего организационного человеческого потенциала:

- проведение совместных совещаний по обсуждению долгосрочных стратегических задач развития компаний, создание для этого управленческих команд партнерств;

- совместное обучение работников, обеспечивающих контакты между компаниями;
- совместное проведение НИОКР;
- совместная работа над новыми инновационными проектами;
- выделение точек прямых контактов между рабочими местами различных компаний;
- формирование и использование совместных интеграционных баз данных;
- создание единых локальных IT-сетей;
- разработка и использование единых критериев в оценке как собственных действий, так и рыночного окружения.

Само же **обучающее партнерство** заинтересованных сторон выступает как совместная деятельность компаний, направленная на диффузию и генерирование знаний в интересах развития организационных потенциалов компаний и формирование на этой основе долговременных отнесенческих активов в целях получения конкурентных преимуществ на рынке.

Глобализация и формирование экономики знаний обусловили, таким образом, новый важный аспект в развитии организационного человеческого потенциала компаний – обмен знаниями между работниками компаний, выступающих партнерами; совместное генерирование ими новых знаний с целью формирования компетенций развивать уникальную комбинацию ресурсов для достижения конкурентных преимуществ на рынке.

Исследование, проведенное на базе 168 компаний центра России, в частности, показали, что влияние компаний на развитие человеческих потенциалов партнеров важнее всего для их адаптации на рынке. На это указали почти 60 % респондентов (59,1 %).

Каждый четвертый респондент отметил важность воздействия на организационный человеческий потенциал партнеров в целях развития и установления взаимопонимания между компаниями. При этом было установлено, что для обеспечения процесса взаимного влияния на развитие организационного человеческого потенциала более всего подходит формирование «команд взаимодействия», которые, вырабатывая рутины обмена знаниями и взаимопонимания, добиваются эффективного сотрудничества в выявлении, анализе и разрешении возникающих проблем и конфликтов. На это указали 36,8 % опрошенных.

И наконец, респондентами было отмечено, что важнейшими условиями, способствующими взаимному влиянию на развитие организационных человеческих потенциалов в рамках заинтересованных сторон, является формирование между ними доверия. На это указали более половины опрошенных менеджеров (52,3 %).

Что же касается специфичных инвестиций в развитие человеческих потенциалов партнеров, почти каждый четвертый (22,3 %) респондент склонен считать, что это приведет только к попаданию в зависимость к данному партнеру.

Данный факт требует дополнительного изучения, что не входит в задачу данной статьи. Однако можно отметить, что ряд авторов указывают на тот факт, что инвестиции в поставщика могут рассматриваться двояко "и как достоверная угроза..., и как достоверные обязательства, которые демонстрируют приверженность договоренности" [3, с. 129].

Таким образом, можно констатировать, что человеческий потенциал компании должен включать гамму знаний, навыков и способностей, которые используются в целях формирования отношенческих активов с партнерами. Задача таких активов – формирование управленческих практик, направленных на развитие организационного человеческого потенциала заинтересованных сторон для создания стоимости за счет более эффективного использования имеющихся ресурсов.

Такое понимание необходимости развития человеческого потенциала заинтересованных друг в друге компаний предполагает поворот от идей управления развитием человеческого потенциала своей компании к менеджменту развития человеческого потенциала всех заинтересованных сторон.

Если представить заинтересованные стороны в качестве производителя, с одной стороны, и потребителя, – с другой, т.е. производитель в данном случае будет выступать в качестве центра сети взаимодействия, то основные вклады в развитие человеческого потенциала как производителей, так и потребителей, заказчиков можно представить в следующем виде.

Поставщики как заинтересованная сторона:

- нацелены на передачу знаний в области новых свойств производимой ими продукции, обеспечивающих партнерам снижение издержек производства, повышение качества и потребительских свойств конечной продукции;

- заинтересованы в развитии и повышении сетевой коммуникативной эффективности, направленной на снижение издержек коммуникации, достижение доверия, безопасности открытого обмена информацией, установление обратной связи с потребителями;

- склонны вкладывать специфичные инвестиции в подготовку кадров компаний, эксплуатирующих машины и оборудование поставщика, в целях повышения эффективности использования данного оборудования; в совместные проекты по разработке новых продуктов или совершенствование старых; в повышение технической компетенции персонала покупателей.

Покупатели (фирмы):

- нацелены на передачу знаний в области своих новых потребностей и предпочтений;
- задают направления дальнейшего поиска технологических инноваций своим поставщикам с передачей знаний в области возможного использования ими новых технологий производства товаров для целей совместимости технологий;
- заинтересованы в передаче знаний в процессе совместно реализуемых НИОКР.

Партнеры по ассоциациям и альянсам:

- нацелены на передачу знаний в процессе реализации совместных НИОКР;
- осуществляют обмен знаниями в области формирования и реализации стратегии ассоциации или альянсов;
- осуществляют обмен информацией при создании технологических альянсов;
- стремятся к обмену информацией и совместному генерированию идей в области маркетинга продвижения совместно произведенной продукции.

Инвесторы, венчурные компании:

- задают требования к уровню развития организационного человеческого потенциала компаний при финансировании инвестиционных проектов;
- передают знания в области стратегического управления при реализации инвестиционных (венчурных) проектов;

Образовательные и консалтинговые организации:

- участвуют в целевой подготовке и дальнейшем профессиональном развитии кадров для предприятия;
- передают знания в области управления компанией как в целях снижения издержек, так и достижения конкурентного преимущества за счет выявления новых возможностей компании на рынке;
- проводят совместные НИОКР, маркетинговые исследования.

Органы власти:

- создают бизнес-инкубаторы, формируют структуры, обеспечивающие взаимодействие власти, бизнеса и общества.
- нацелены на передачу знаний в области стратегических перспектив развития территории;
- формируют общие критерии подготовки кадров, нацелены на передачу знаний в области новых потребностей и предпочтений покупателей региона.

Оказываемое воздействие заинтересованных компаний на свои организационные человеческие потенциалы меняет самые различные аспекты их деятельности:

- **корректируются стратегии** в связи с ориентацией предприятий на возникающие общие интересы заинтересованных сторон. Платформой для этого являются долговременные (стратегические) отношенческие активы, которые формируются на базе управленческих практик развития организационного потенциала заинтересованных сторон. Сюда относятся практики по развитию набора навыков сотрудников к взаимодействию, их мотивации, развитию знаний, поддержке поведения, нацеленного на сотрудничество;

- **меняются структуры** компаний, поскольку в местах контактов появляются управленческие сетевые и виртуальные команды взаимодействия; создаются совместные подразделения НИОКР; постоянные и временные рабочие группы по разрешению возникающих проблем, решению задач снижения издержек, создания коммуникационной инфраструктуры;

- **формируется организационная культура** заинтересованных сторон, в основе которой такие принципы, как доверие, взаимная ответственность, открытость, непричинение вреда партнерам, следование принятым «подразумеваемым обязательствам» [4, с. 97].

Таким образом, динамическое взаимодействие компаний между собой формирует «обучающее партнерство» с новым качеством организационного человеческого потенциала всей совокупности взаимодействующих сторон. В связи с этим управление развитием человеческого потенциала заинтересованных сторон становится одной из ключевых задач менеджмента компаний в целях повышения отдачи от используемых ресурсов и достижения на этой основе конкурентных преимуществ.

Литература

1. Смирнов М.М. Управление взаимоотношениями на промышленных рынках как источник конкурентных преимуществ компаний // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 3.
2. Благов Ю.Е. Бизнес и общество: новая парадигма исследований // Российский журнал менеджмента. 2003. Т. 1. № 2. С. 153.
3. Бенко М., Э. Андерсен Э. Отношения между поставщиками и потребителями на промышленных рынках: когда потребители инвестируют в идиосинкразические активы? // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2. № 2. С. 129.
4. Теплова Т. Влияние интеллектуального капитала на политику компаний // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 1.

К проблеме компетентностной сущности профессионального опыта кадров

Аннотация. В статье рассмотрены научные взгляды ученых, работающих в сфере определения компонентов профессионального опыта. Предложено авторское видение внутренних компонентов профессионального опыта, выделены основные факторы его формирования.

Ключевые слова: профессиональный опыт, профессиональная компетентность, профессионализм, профессиональная мобильность.

Постановка проблемы. Недооценка значения оценивания, развития и использования профессионального опыта в профессиональной деятельности в сфере государственной и муниципальной службы постсоветских государств порождает и стимулирует значительное количество проблем в результативности и эффективности государственного управления этих стран. Это происходит, в первую очередь, из-за низкого уровня сформированности ценностных ориентаций, внутренних мотиваций, профессиональной пригодности, профессиональной компетентности, профессионализма работников указанной профессиональной сферы. Время от времени это признают и высшие должностные лица постсоветских государств. Кадровая политика на государственной службе зачастую имеет несистемный характер, а такие важные профессиональные качества как профессиональная компетентность, профессиональная культура, профессионализм, профессиональный опыт и профессиональная мобильность кадров до сих пор остаются вне поля зрения в работе с кадрами государственных органов. Такой подход к формированию кадрового корпуса стал, к сожалению, грустной традицией в Украине, особенно в «оранжевый» период. Так, 16 % назначенных председателей райгосадминистраций (РГА) и 14 % заместителей председателей и руководителей аппарата областных и городских госадминистраций, назначенных в 2006 г., не имели опыта работы на руководящих должностях в органах государственного управления. В Киевской и Полтавской области таких председателей РГА было назначено более половины. Среди заместителей председателей и руководителей аппаратов областных и городской госадминистраций в Киевской, Херсонской, Черниговской области, г. Севастополь таких руководителей было более одной трети [12, с. 15]. На государственной службе Украины актуализируется проблема упорядоченной формы передачи опыта. Она, на наш взгляд, диктуется в первую очередь, высокой текучестью

кадров, оттоком квалифицированных и опытных работников в другие сферы профессиональной деятельности, более оплачиваемые и перспективные, неэффективным функционированием институциональных каналов профессионализации (отбор, аттестация, кадровый резерв, ротации, профессиональное обучение и т.д.), несовершенством программ профессионального образования, повышения квалификации, деятельностью части профессионально непригодных служащих.

К тому же, многие из персонала государственных и муниципальных органов не имеют представления, из чего складывается их профессиональная компетентность, профессионализм и профессиональный опыт. Это значительно усложняет процесс профессионального саморазвития и самосовершенствования, не позволяет им использовать значительный ресурс самообразования. Так, согласно данным опроса 190 государственных служащих различных категорий государственных и муниципальных служащих, лишь 35 % опрошенных обоснованно считали, что основа профессионализма – это многолетний опыт работы в администрации, 27 % указывали, что это – высшее образование и еще 20 % – профессиональные и личные знакомства. В то же время более половины опрошенных ассоциировали себя с интеллектуальной элитой государства [15, с. 273]. Является ли нормальной ситуация, когда сами государственные служащие, как основной субъект государственной кадровой политики на государственной службе, не понимают содержания профессионального опыта, как одной из основной цели процесса их профессионализации? Очевидным является факт игнорирования важности формирования и использования профессионального опыта в процессе прохождения государственной службы в Украине, который начинается с процедуры отбора (или отбору) кандидата на должность. Именно в проведении этой процедуры кроется основная часть проблем, сложившихся в процессе профессионализации кадров государственной и муниципальной служб. Профессионально непригодный кандидат, не способный к накоплению и использованию профессиональной компетентности, профессионального опыта впоследствии с большей вероятностью будет оставаться непрофессионалом. А некомпетентность не позволяет профессиональный опыт накапливать, развивать, делиться им с другими работниками в процессе профессиональной деятельности, не позволяет государственной и муниципальной службе формировать и сохранять институциональную память. Такому положению способствует несовершенная законодательная и нормативно-правовая базы прохождения государственной службы в Украине.

Степень научной разработки проблемы. Игнорирование оценивания профессионального опыта в сфере государственного и муниципального управления в Украине отчасти обусловлено тем, что проблема содержания (компонентов) профессионального опыта остается дискуссионной.

Заслуживает поддержки мысль о том, что современное видение внутренней композиции профессионального опыта может быть обеспечено лишь при условии системного подхода к феномену опыта (Б.Ф. Ломов). Проблематике определения компонентов такого понятия как «профессиональный опыт» во многих сферах профессиональной деятельности, в том числе и управленческой, посвящены научные труды А. Турчинова, Н. Протасовой, И. Дробота, В. Баранчеева, Г. Щокина и др. Значение научных разработок указанных ученых трудно переоценить. Они создали фундамент, служащий основой для новых исследований. Например, структура профессиональной мобильности персонала, предложенная автором данной статьи, позволяет, на наш взгляд, предложить более системное видение внутренних компонентов профессионального опыта как качества, связанного с комплексом таких же взаимосвязанных ценностно-ориентационных и компетентностных качеств персонала.

Цель статьи: с использованием сравнительного, комплексного и системного методов, метода моделирования исследовать внутренний компонентный состав профессионального опыта кадров, в том числе и кадров государственного и муниципального управления.

Изложение основного материала. Профессиональный управленческий опыт является сложным явлением, он образуется и совершенствуется или деформируется под воздействием многих объективных факторов. На формирование профессионального опыта оказывает влияние социальная, культурная (или социокультурная), академическая и, что особенно важно, профессиональная среда (или определенная совокупность этих сред). Указанные нами среды можно условно считать объективными факторами формирования профессионального опыта. Субъективными факторами формирования этого качества является комплекс личных и профессиональных качеств работника.

Из каких же компонентов состоит профессиональный опыт? Ученые высказывают немало своих взглядов на эту проблему. Приобретение производственного опыта, знаний, навыков и умений, признает важными факторами профессионально-квалификационной мобильности Г. Щокин [13, с. 248]. О. Крутий указывает на тесную взаимосвязь опыта, возраста, уровня профессиональной компетентности, иных особенностей личности [7, с. 184-185]. А. Турчинов рассматривает профессиональный опыт как часть жизненного (социального) опыта человека, что в целом совпадает с нашим убеждением, что профессиональный опыт, как и профессиональная мобильность кадров, формируются и благодаря влиянию социальной среды как одного из факторов формирования профессионального опыта. По этому поводу А. Турчинов обоснованно указывает, что нельзя механически отделять человека как обладателя профессионального опыта, ценного для организации, от человека как личность, со свойственными ему

характеристиками, особенностями, жизненными ценностями, планами, интересами, наконец, жизненным опытом [14, с. 105]. Опыт общественной и государственной деятельности признается одним из важных качеств, необходимых для отбора на государственную службу [8, с. 45].

«Опыт работы в соответствующей сфере» наряду с уровнем образования, объемом знаний, профессиональными навыками, навыками сотрудничества и взаимопомощи, возможностью взаимозамены сотрудников и др. некоторые исследователи относят к тем компонентам, которые составляют понятие «способности персонала» [9, с. 195], которые в структуре профессиональной мобильности персонала нами отведены к комплексу его компетентностных качеств. И. Дробот системно сочетает понятие профессиональных знаний, компетентности с опытом, возрастной и социальной зрелостью. Профессиональную компетентность он сочетает с профессионально важными качествами, профессиональным опытом государственного служащего. На личностном уровне – это один из важнейших аспектов профессиональной культуры должностного лица, который проявляется как в достижении профессионализма в трудовой деятельности, так и в высоком уровне сформированности профессиональной и духовной культур во всех ее проявлениях [4, с. 224-226]. Следовательно, в данном случае, акцентируется системная связь профессиональной компетентности с профессиональным опытом, профессиональной культурой, профессионализмом кадров в целом. Эти качества, в свою очередь, определяют сформированность такого важного качества современных кадров, которым является их профессиональная мобильность как важный ресурс процессов профессионализации и упреждения профессиональной деформации.

Профессиональный опыт государственных и муниципальных служащих ряд других исследователей относят к содержанию профессиональной компетентности, указывая при этом, что последняя означает знания, умения, дающие возможность осуществлять управление, с большей или меньшей эффективностью [2, с. 497]. Профессиональная компетентность – владение профессией, наличие опыта практической деятельности и очевидных результатов на профессиональной ниве, успешная профессиональная и служебная карьера, состоятельность (как возможность реализация личного профессионального потенциала. – И. Ш.) [10, с. 82]. Профессиональная компетентность – это мера проявления свойственного государственному служащему профессионального опыта в рамках компетенции конкретной должности [8, с. 48]. Важность опыта подчеркивают западные исследователи менеджмента персонала [16, с. 91]. Мнение В. Баранчевева, о том, что «опыт – это знания, которые имеют базу в виде теории, умений и навыков, обогащенные решением большого количества конкретной деловой ситуации» [1, с. 129], также свидетельствует в пользу компетентностной основы профессионального опыта.

Системную характеристику профессионального управленческого опыта осуществила Н. Протасова. Она указывает, что профессиональный опыт и опыт государственного управления занимает особенное место в системе обучения и образования государственных служащих. Профессиональным опытом государственного служащего, по мнению Н. Протасовой, является опыт управленческой деятельности. Профессиональный управленческий опыт является неотъемлемой составной частью «совокупной культуры государственного служащего». Понятие «опыт» – чувственно эмпирическое познание объективной действительности, которое основывается на практике и означает единство знаний, умений и навыков, то есть профессионального опыта и профессиональной компетентности. Профессиональный опыт основывается на практике профессиональной деятельности, он есть, в сущности, результатом профессиональной практической деятельности; профессиональный управленческий опыт государственного служащего выступает основой, базисом его практической профессиональной деятельности и как ее результат; профессиональный опыт всегда приобретает и развивается под воздействием определенных качеств личности, способностей, предпочтений, взглядов, и т. п.; профессиональный управленческий опыт рассматривать вне социального опыта невозможно, большое значение для образования и развития профессионального управленческого опыта имеет жизненный опыт личности [11, с. 87-89, 90, 94, 95, 98, 103]. Данная характеристика с позиции темы данного исследования доказывает взаимное влияние социального и профессионального видов мобильности человека. На наш взгляд, именно профессиональный опыт в структуре профессиональной мобильности персонала является одним из элементов, аккумулирующим индивидуальный вклад человека в профессию.

Ф. Исмагилова профессиональный опыт исследует как системное психологическое управляемое образование, как профессиональную характеристику специалиста и как один из факторов его конкурентоспособности. Поэтому программа управления опытом в организации, по мнению, Ф. Исмагиловой, должны быть направлены на развитие профессиональной компетентности [5]. С нашей точки зрения, в данной работе профессиональный опыт не совсем обоснованно рассматривается в качестве основы профессиональной компетентности. С позиции профессионального развития как процесса, более логично рассматривать профессиональный опыт и профессиональную компетентность как взаимосвязанные между собой компоненты.

А. Карпов, отождествляя понятие «хороший руководитель» и «опытный руководитель», указывает на следующие компоненты профессионального опыта: долговременная память, «квинтэссенция» самой управленческой деятельности, система ее регуляторов, степень диффе-

ренцированности, «богатство», под которым имеется в виду его объем и разнообразие, успешность деятельности, избирательность (селективность) опыта, его упорядоченность, структурированность [6]. К параметрам профессионального опыта, на наш взгляд, необходимо отнести: задатки и способности, профессионально важные качества, знания, умения, навыки, сформированность профессиональной культуры, профессиональную обучаемость (академическую мобильность), характеризующие качественную сторону профессионального опыта, результаты профессиональной деятельности. Профессиональный управленческий опыт раскрывает степень сформированности ценностно-ориентационной сферы работника (или мотивационной сферы, согласно точке зрения А. К. Марковой).

Не трудно в толкованиях содержания профессионального опыта найти качества ценностно-ориентационной сферы (внутренней психоэмоциональной, потребностно-мотивационной, ценностно-мотивационной сфер профессионализма и профессиональной мобильности персонала). Так, с процессом приобретения реального опыта работы некоторые исследователи логично связывают профессиональные интересы [3, с. 233].

Выводы. Таким образом, можно просуммировать, что профессиональный опыт формируется во взаимосвязи с личностными, профессиональными компетентностными качествами работника (задатками и способностями, профессионально важными качествами, профессиональной обучаемостью (или способностью к обучению, академической мобильностью), профессиональной компетентностью, профессиональной культурой). Профессиональный опыт как определенная степень сформированности компетентностных качеств, формируется и находится под воздействием ценностно-ориентационных качеств (профессиональные пригодность и работоспособность, профессиональная направленность личности (профессиональные: намерения, призвание, интересы, ожидания, удовлетворенность). Профессиональный опыт – это форма усвоения специалистом собственных и коллективных рациональных достижений в профессиональной сфере, это определенный итог, результат профессионального развития человека.

В процессе формирования профессионального опыта стоят выделять социальные, культурные, академические, профессиональные и личностные факторы. Для оценивания имеющегося уровня сформированности профессионального опыта в конкретной профессиональной среде достаточным, на наш взгляд, является оценивание комплекса выделенных нами выше компетентностных качеств работника. Профессиональный опыт наряду с профессиональной компетентностью выступает важным компонентом профессионализма. Непрерывность, мобильность процесса смены управленческой и профессиональной ситуации, профессионального развития, требует того, чтобы субъект управления также успевал за этими изменениями, был профессионально мобильным, постоянно совер-

шенствовал собственную профессиональную компетентность, обогащал профессиональный опыт, улучшал профессионализм. Формирование профессионального опыта невозможно без предоставления адекватной возможности профессионализации со стороны государственного органа, учреждения, организации, где он трудится.

Важным является понимание понятия «профессиональный опыт» в контексте понимания концептуальных подходов к определению понятия «профессиональная мобильность». Понимание профессиональной мобильности основывается вокруг следующих значений: как процесс перемещения рабочих между профессиональной и квалификационной группой в результате приобретения производственного опыта, знаний, навыков и умений; главной причиной мобильности кадров (их текучести, связанной с перемещениями, увольнением) является не столько длительность службы, а недовольство характером и условиями работы; мобильность анализируется в пределах перераспределения рабочей силы одного предприятия (внутренняя текучесть кадров), как перемещение на внутреннем рынке труда организации; как отношение к легальной трудовой деятельности, готовность к изменению при необходимости первичных условий своей трудовой деятельности, установка на уровень интенсивности труда, вероисповедания, возможность самореализации, социальный статус; как одна из сущностной характеристики человека; как явление, присущее работе с кадрами; мобильность перемещения считается одним из мероприятий по развитию технологии управления персоналом. Поэтому профессиональная мобильность работника, как присущее ему индивидуальное качество, проявляется в приобретении им достаточного собственного ресурса, профессиональной компетентности, опыта, обеспечивающих эффективность и результативность профессиональной деятельности, быстрое выполнение должностных задач в условиях профессионально должностного развитию, функционально статусных перемещений и движения кадров в пределах одной профессии, организации (в узком значении понятия «профессиональная мобильность», поскольку речь идет о профессиональной деятельности в одной сфере профессиональной деятельности – органах государственного и муниципального управления).

Необходимо использование межпрофессионального типа профессионального вида мобильности (в виде стажировки в бизнес-секторе) для повышения уровня профессиональных компетентности и опыта, профессионализма, профессиональной мобильности персонала государственной и муниципальной службы. В пределах межпрофессиональных перемещений кадров стоят осуществлять оценивание компетентностных качеств вместе с ценностно-ориентационными, которые укажут на конкретную конфигурацию внутренней мотивации и профессиональную направленность кандидата на избранную новую профессию. В таком случае оцени-

вание профессионального опыта (компетентностных и ценностно-ориентационных качеств персонала), не исключает и других параметров оценивания: результативность (эффективность) предыдущей работы; как кандидат работал, какие использовал знания и умения, приемы, технологии, а также как в процессе труда использовал личные задатки и способности; (стремится ли человек в будущем выйти за пределы избранной профессии (стремление к межпрофессиональной мобильности и какие на это могут быть субъективные причины), желание преобразить собственный опыт, обогатить профессию собственным личным творческим вкладом; способность к накоплению, возобновлению и творческому применению профессионального опыта, сформированность профессиональной обучаемости (академической мобильности), активность, целенаправленность, систематичность и результативность самообразования, стремление к повышению профессиональной компетентности; готов ли человек к принятию профессионального опыта других людей, обнаруживает ли т. н. «профессиональную открытость»; достигает (сможет ли достичь) результатов, определенных должностной компетенцией; усвоил ли человек нормы, правила поведения, эталоны, культуру прошлой профессии, и может ли их воспроизводить на уровне профессионализма в своей новой карьере (индивидуальный ресурс культурной мобильности).

Актуальной проблемой последующих научных исследований является разработка научных положений относительно субъект-субъектного взаимодействия в процессе профессионализации кадров.

Литература

1. *Баранчеев В.П.* Управление знаниями в инновационной сфере : учебник / В. П. Баранчеев. М.: Благовест-В, 2007.
2. Государственная служба: теория и организация : курс лекций / рук. ред. кол. Е.В. Охотский, В.Г. Игнатов. Ростов н/Д. : Феникс, 1998.
3. *Дарли Дж.* Измерение профессиональных интересов (vocational interest measurement) / Дж. Дарли // Психол. энциклоп. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб. : Питер, 2003. С. 233-234.
4. *Дробот І. О.* Формування моделі професійно-компетентного працівника в контексті гарантування місцевого самоврядування / І.О. Дробот // Дем. стандарти проф. навчання та діяльності публ. службовців: теорія, практика : міжнар. наук.-практ. конф., Львів, 22 берез. 2007 р. Л. : ЛРІДУ НАДУ, 2007. Ч. 1. С. 224-277.
5. *Исмаилова Ф.С.* Профессиональный опыт специалистов и управление им в условиях формирования рыночной экономики : автореф. дисс. ... канд. психол. наук / Исмаилова Ф. С. ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2000. 20 с.
6. *Карпов А.В.* Профессиональный опыт руководителя. – Режим доступа: Элитариум: Центр дистанц. образования (www.elitarium.ru) (Название с экрана).
7. *Крутий О.М.* Акмеологічні основи формування команди в державному управлінні / О. М. Крутий // Дем. стандарти проф. навчання та діяльності публ. службовців: теорія, практика : міжнар. наук.-практ. конф., Львів, 22 берез. 2007 р. Л. : ЛРІДУ НАДУ, 2007. Ч. 1. С. 182-186.

8. *Нинюк І. І.* Професіоналізм державних службовців : монографія / І. І. Нинюк ; за заг. ред. Н. Р. Нижник. Луцьк : Надстир'я, 2005.
9. *Поліщук Н.* Проблеми діагностики управлінських здібностей керівників органів державної влади / Н. Поліщук // Акт. пробл. держ. упр. : зб. наук. пр. ОРІДУ НАДУ. – О. : ОРІДУ НАДУ, 2005. Вип. 2 (24). С. 193-198.
10. *Полтавський В.* Шляхи поліпшення кадрового складу державної служби в Україні / В. Полтавський // Вісн. УАДУ. 2003. № 1. С. 80-85.
11. *Протасова Н.Г.* Теоретичні основи навчання державних службовців у системі підготовки та підвищення кваліфікації : навч.-метод. посіб. / Н. Г. Протасова. К. : УАДУ, 2000.
12. Професійна державна служба: що зроблено і що далі? Публічна доповідь про основні результати діяльності Гол. упр. держ. служби України у 2006 р. : інформ. вид. / під заг. ред. Т. Мотренка. – К., 2007. – 59 с.
13. Теорія і практика управління персоналом : навч.-метод. посіб. / авт.-уклад. Г. В. Щокін. – К. : МАУП, 1998.
14. *Турчинов А.И.* Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики / А. И. Турчинов. М. : МПСИ, Флинта, 1998.
15. *Юношева В.А.* Прогнозування потреб кадрового забезпечення державної служби України / В. А. Юношева // Акт. пробл. держ. упр. : зб. наук. пр. ХарПІ НАДУ. Х. : ХарПІ НАДУ, 2002. № 2 (13), ч. 1. С. 272-275.
16. *Robey D.* Designing Organizations: A Macro Perspective / D. Robey. – N. Y. : Richard D. Irwin Inc., 1982. – 495 p.

УДК 332

*Сапрыкина Н. В., д.э.н., проф.
Чернобродова Л. А., к.э.н., доц.*

Маркетинговые аспекты формирования стратегии развития региона

В статье рассматриваются проблемы регионального развития на примере Рязанской области, обосновывается необходимость маркетингового подхода к разработке и реализации инновационной стратегии региона, предлагаются конкретные направления ее обеспечения.

Ключевые слова и словосочетания: стратегия развития региона, маркетинговый подход, инструменты маркетинга, инновационный сценарий.

Успех социально-экономического развития России и ее регионов зависит от поиска новых форм, методов и средств повышения конкурентоспособности на микро-, мезо- и макро-уровнях экономики. Маркетинговый подход со стороны территориальных органов управления в отношении территориальных ресурсов, продукции и услуг активно сопрягается с маркетингом территории. Маркетинг территории становится самостоятельной функцией регионального и муниципального управления, по-

скольку в условиях растущей глобализации усиливается конкурентная борьба территорий. Поэтому оценка деятельности региональных органов государственного управления все больше определяется результативностью мер по повышению конкурентоспособности региональной социально-экономической системы. Перспективные направления развития маркетингового подхода в региональном государственном управлении связаны с развитием маркетинга территорий с целью повышения их конкурентоспособности на инновационной основе.

В научной литературе разрабатывается маркетинговый подход к территории как к особому товару, что предполагает идентификацию специфических характеристик территорий, определение способов и методов, с помощью которых их качественные характеристики могут выступить как товар с привлекательной ценой для целевых групп потребителей. Однако анализ деятельности региональных властей в данном аспекте показывает, что ими недостаточно используются маркетинговые инструменты повышения конкурентоспособности региона. В определенной степени это обусловлено слабой теоретической и практической проработанностью концепции развития маркетинговых инструментов на мезоуровне экономики.

Обеспечение эффективного функционирования и динамичного развития регионов непосредственно связано со стратегическим планированием, которое предполагает четкое определение таких направлений развития региональной социально-экономической системы, которые позволят каждому субъекту рыночных отношений найти свое место в общем векторе инновационного развития, увязать с ним собственные интересы, цели и возможности. Стратегия развития региона есть последовательная трансформация параметров действующей региональной социально-экономической системы (РСЭС) и ее позиции в состоянии, соответствующее научно обоснованным, заданным во времени и пространстве целевым ориентирам. Трансформация параметров РСЭС в рамках формируемой стратегии должна быть направлена на создание для населения и субъектов хозяйствования оптимальных условий жизнедеятельности и опираться на принципы непрерывности и преемственности планирования.

Практика свидетельствует о том, что формирование региональных стратегий развития не всегда ориентировано на использование как инновационного потенциала, так и потенциала регионального маркетинга, представляющего собой системообразующее звено в процессах формирования и реализации стратегий развития территории, обеспечения ее инновационно-инвестиционной привлекательности, создания перспективных рынков, отбора и поддержки инвестиционных проектов, в наибольшей степени отвечающих текущим и будущим потребностям региона.

Маркетинговый аспект разработки и реализации стратегии развития региона имеет важное значение для оценки возможностей региона эффективно и качественно удовлетворять потребности целевых аудиторий (жителей территории, предпринимателей, инвесторов, туристов и т.д.), что находит выражение в уровне и качестве жизни населения, особенно в регионах региональной социально-экономической политики, деятельности региональных властей по созданию благоприятных условий для бизнеса и т.д. Для потенциальных инвесторов удовлетворение потребности в инвестиционном развитии реализуется через минимизацию рисков, развитость инфраструктуры и определяется наличием необходимых ресурсов, законодательных и финансовых условий ведения бизнеса. Заметим, что в современном маркетинге, в том числе маркетинге территорий и маркетинге взаимоотношений, наряду с целью достижения экономического благополучия региона важнейшей считается задача повышения качества жизни и эффективности деятельности всех действующих и взаимодействующих субъектов регионального развития.

Маркетинговый инструментарий позволяет рассматривать вопросы приобретения долговременных конкурентных преимуществ региональными предпринимательскими структурами и давать им оценку. Одним из актуальных направлений развития регионального маркетинга признается формирование имиджа и репутации региона.

Повышение требований к технологии и результативности применения инструментов регионального маркетинга обуславливает объективную необходимость использования интеграционного подхода к процессу управления региональным развитием. Интеграционный подход в системе регионального маркетинга обеспечивает целенаправленное усиление взаимосвязей между ее подсистемами и элементами (субъектами и объектами управления, уровнями и субъектами управления, стадиями жизненного цикла объектов управления), начиная с важнейшего из них - стратегии развития региона. Систематизация стратегий, устанавливающая иерархическую зависимость и определяющая взаимосвязи между ними, обеспечивает возможности использования синергетического эффекта взаимодействия как различных стратегий, так и составляющих их элементов.

Формирование и реализация стратегии развития региона протекает в условиях рыночных отношений, что делает важным признание за «стратегией развития» статуса товара и позволяет повышать эффективность процессов формирования и реализации стратегии на основе принципов маркетинга. Потребительная стоимость специфического товара «стратегия развития» состоит в обеспечении желаемого состояния, позиции или иной цели с помощью осуществления заранее определенных трансформаций.

Стратегия развития региона, рассматриваемая в качестве товара,

развивается во времени и может быть исследована с помощью категорий теории жизненного цикла продукта (ЖЦП). Использование методов и инструментов концепции ЖЦП обеспечивает возможность эффективного управления процессами формирования, продвижения и реализации данной стратегии. С учетом сказанного представляется целесообразным подход, характеризующий общую стратегию развития региона в виде постоянно совершенствуемого продукта, в котором по кривой жизненного цикла движутся лишь ее составляющие базовые стратегии.

В терминах концепции жизненного цикла можно выделить три основных вида стратегий, соответствующих динамике цикла. Это позволит избирательно использовать для управления каждым видом стратегии приходящие ему инструменты. Так, стадии разработки и внедрения соответствует новаторская стратегия; стадии роста – ключевая стратегия; стадии зрелости – стратегия стабильности функционирования. Применение теории жизненного цикла для управления стратегией развития региона позволяет обеспечивать преемственность развития и организовывать на каждой ее стадии эффективную маркетинговую поддержку реализации соответствующей стратегии [1, с.343-347].

Сегодня стратегия развития региона состоит в выработке рекомендаций и ориентиров устойчивого инновационного развития в целях приобретения долговременных конкурентных преимуществ предпринимательских структур.

Разработка теории и методологии региональной конкурентоспособности позволяет обосновать стратегию повышения конкурентоспособности региона и определить ее основные направления, сформировать институциональные основы повышения конкурентоспособности. Учитывая многогранность данной категории, подчеркнем, что, конкурентоспособность – это универсальный оценочный показатель эффективности функционирования хозяйствующих субъектов, в том числе на уровне региона, постепенно вытесняющий массу и норму прибыли.

В современной литературе представлены два принципиальных подхода к определению конкурентоспособности региона: конкурентоспособность региона определяется конкурентоспособностью предприятий, находящихся на его территории; конкурентоспособность региона определяется уровнем и качеством жизни людей, проживающих на его территории. Представляется, что конкурентоспособность региона синтезирует оба подхода.

Полагаем, что конкурентоспособность предприятий и используемые ими ресурсы составляют конкурентный потенциал региона, а уровень и качество жизни населения – результат реализации этого потенциала. Несомненно, имеет место взаимовлияние этих элементов, а именно рост конкурентного потенциала выступает необходимым условием повышения благосостояния населения региона. В свою очередь, конкурентоспособ-

ность предприятий определяется способностью региональных органов власти создавать условия для достижения и удержания конкурентных преимуществ в определенных сферах деятельности. Основными детерминантами формирования конкурентных преимуществ региона выступают: географическое положение, инфраструктура, инвестиционная привлекательность, отраслевая структура производства, предприятия и сети, инновации, кластеры и др.

На наш взгляд, целесообразно выделить три основных группы подходов к оценке конкурентоспособности региона: подходы, основанные на анализе динамики определенного набора показателей (отобранных по тем или иным критериям) и дальнейшего их сравнения со средними значениями; подходы, базирующиеся на оценке конкурентоспособности региона при помощи различных индексов и комплексных показателей, положенных в основу составления рейтингов; кластерный подход.

Первые два подхода предполагают оценку результатов взаимодействия детерминантов конкурентного преимущества региона и не позволяют, на наш взгляд, однозначно определить основные направления управленческих воздействий в условиях ограниченности ресурсов. Кластерный подход позволяет выявить приоритетные виды деятельности при принятии управленческих решений по повышению конкурентоспособности региона. Конкурентные преимущества и синергетические эффекты кластеризации достигаются благодаря включению предприятий в состав территориального кластера. Оценка на основе кластерного подхода конкурентоспособности региона и принятие управленческих решений по ее повышению предполагает реализацию следующего алгоритма (рис. 1).

Рис.1. Алгоритм оценки кластерного потенциала региона

Поэтапный анализ завершается принятием управленческих решений относительно возможных направлений управленческих воздействий, т.е. предполагает активное вмешательство (или невмешательство) органов власти в развитие экономики региона. Органы власти разрабатывают комплекс мер, направленных на развитие потенциального кластера, включая субсидирование инвестиционных программ, помощь в формировании кооперативных связей хозяйствующих субъектов, подготовке кадров и т.д. Причем чем длиннее цепочка создания ценности на территории региона, тем больше социально-экономическая эффективность деятельности региона, а, следовательно, выше его конкурентоспособность. Таким образом, кластерный подход формирует особое направление в оценке конкурентоспособности региона, позволяет определять ее уровень, управлять эффективностью развития региона.

Наряду с теоретическим исследованием проблем оценки, формирования и управления уровнем региональной конкурентоспособности практика последних лет демонстрирует существенные результаты в разработке программ регионального стратегического развития с учетом маркетингового подхода. Рассмотрим с этих позиций конкурентоспособность Рязанской области как типичного старопромышленного региона ЦФО и определим ее качественные характеристики, которые могут выступить как товар с привлекательной ценой потребления для целевых групп потребителей.

В настоящее время в промышленности Рязанской области создается треть валовой добавленной стоимости, занято почти четверть работающего населения, функционирует 34,7% основного капитала. Конкурентоспособность промышленного комплекса в значительной степени обеспечивается обрабатывающими производствами, которые испытали наименьший спад в период кризиса 2008-2009 гг. и продолжают довольно динамично развиваться в посткризисный период, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

На основе прогнозных данных при сохранении тенденций развития промышленного комплекса региона считаем, что приоритетными направлениями развития могут стать электроэнергетика, радиоэлектроника, электротехника, машиностроение, металлургия, производство строительных материалов.

В настоящее время промышленный комплекс Рязанской области представлен предприятиями различных форм собственности и размеров. О развитости рыночных отношений свидетельствует тот факт, что около 90 % предприятий промышленности принадлежат к частной форме собственности, а малые предприятия количественно доминируют.

Таблица 1

**Индексы производства по видам экономической деятельности,
в % к пред. году**

Виды экономической деятельности	2005	2008	2009	2010
Добыча полезных ископаемых	87,3	87,4	81,9	126,8
Обрабатывающие производства	107,3	106,0	90,2	111,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,5	103,9	79,9	101,1

Составлено авторами по: Промышленность Рязанской области. Стат. сб.. Рязань.2011, с.8 [2].

Данные национального института системных исследований проблем предпринимательства (НИСИПП) характеризуют Рязанскую область как динамично развивающую сектор малого предпринимательства. Так, в 2010 году область вошла в число 46 регионов, где отмечен значительный рост количества малых предприятий в расчете на 100 тыс. жителей, что говорит о возможностях дальнейшего роста как промышленного, так и инновационного потенциала региона. Причем по данному показателю область заняла почетное 2-ем место среди регионов России (табл.2).

Таблица 2

Место Рязанской области в рейтинге малого предпринимательства РФ

Показатели	Место в РФ
Количество зарегистрированных малых предприятий на 100 тыс. жителей	2
Доля среднесписочной численности работников малых предприятий в общей среднесписочной численности занятых	12
Объемы оборота малых предприятий на душу населения	23

Составлено авторами по материалам Министерства экономического развития и торговли Рязанской области.

Считаем, что положительные тенденции в развитии малого бизнеса региона связаны с реализацией долгосрочной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Рязанской области в 2010-2014 гг.». Одной из особенностей действующей программы является первоочередная поддержка мероприятий, включенных Правительством РФ в комплекс мероприятий по внедрению инноваций и технологической

модернизации. В рамках ДЦП с 2010 года реализуется мероприятие «Поддержка и развитие субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих инновационную деятельность» [3].

Результатом финансовой и иных форм поддержки развития малого предпринимательства явился рост только в 2011 году количества использованных собственных патентов (приобретенных лицензий) в 3 раза, новых видов продукции – в 2,5 раза, созданных рабочих мест – в 2 раза.

Основой научно-производственной базы региона выступают предприятия оборонно-промышленного комплекса, на базе которых возможна разработка новой высокотехнологичной продукции. Только в г.Рязани действуют 20 вузов и 15 научно-исследовательских и конструкторских организаций со штатом около трех тысяч человек. Научно-исследовательские работы проводят такие крупные предприятия как: ОАО «Плазма», НИИ «Рассвет», ОКБ «Спектр», ФГУП КБ «Глобус», КБ ОАО завода «Красное знамя», Всероссийский НИИ механизации сельского хозяйства (ВНИИМС), ВНИИ коневодства и НИИ пчеловодства. Ядром инновационной инфраструктуры признается некоммерческая организация «Инновационно-технологический центр им. В.Ф.Уткина» (ИТЦ), созданный по инициативе Правительства Рязанской области. К направлениям его деятельности относят: создание Аэрокосмического музея им. академика В.Ф.Уткина и размещение в нём постоянно действующей экспозиции «Инновационный потенциал предприятий Рязанской области»; ведение Реестра инновационных проектов и Реестра высоких технологий Рязанской области; создание регионального банка данных по высокотехнологичному оборудованию и технологическим процессам и др.

В настоящее время роль ведущего звена инновационного развития закрепляется за вузами региона. Так, Рязанский государственный радиотехнический университет проводит научную работу в области информационно-коммуникационных технологий, информационной безопасности, нанотехнологий, обработки и распознавания аэрокосмических изображений, биомедицинского приборостроения, силовой электроники, масс-спектрометрии, информационно-управляющих систем. РГРТУ считается базовым центром для развития инновационного кластера в регионе и с точки зрения кадрового наполнения и с точки зрения генерации инновационных идей. Вуз включен в ФЦП по строительству бизнес-инкубаторов, развивает инновационное предпринимательство в направлении диагностики наноматериалов, робототехники, участвует в программе «Развитие инновационной структуры вузов Российской Федерации». На основе РГУ им. С.А. Есенина функционируют 20 научно-исследовательских центров и лабораторий, ведётся работа более чем по 50 фундаментальным направлениям.

Однако, как представляется, актуальной задачей регионального маркетинга должно стать формирование системы институциональных от-

ношений наука-образование-бизнес-государство-общество как парадигмы новых связей, способствующих достижению искомого результата инновационного развития.

В Рязанской области сформирована инвестиционно-инновационная законодательная база, позволяющая реализовывать поддержку значимых инвестиционных проектов, приняты законы, отражающие необходимость перехода от модели старопромышленного региона к инновационно-ориентированной модели, включая закон Рязанской области от 13.11.2006 г. № 138-ОЗ «Об инновационном развитии и государственной инновационной политике Рязанской области», закон Рязанской области от 10.08.2006 г. № 90-ОЗ «Об основах промышленной политики в Рязанской области», закон Рязанской области от 09.07.2008 г. № 73-ОЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Рязанской области» и др.[4,2].

В соответствии с действующим законодательством, нормативной и методической базой осуществляется отбор и поддержка «приоритетных» и «основных» инвестиционных проектов. Однако, как способы, так и формы поддержки нуждаются в дальнейшем совершенствовании в целях формирования наиболее благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности территории.

Рязанская область обладает потенциалом, позволяющим ей активизировать позиции в поле приоритетов и интересов стратегии развития России; привлекать инвесторов; повышать свой рейтинг в ЦФО. В то же время область испытывает сильнейшую конкуренцию со стороны Москвы (за трудовые ресурсы) и более динамичных регионов ЦФО – Калужской, Липецкой и др.областей (за инвестиционные ресурсы).

На основе оценки уровня и потенциала социально-экономического развития Рязанской области был разработан Проект Стратегии социально-экономического развития региона на двадцатилетний период. Миссию Рязанской области руководство региона видит в обеспечении ее долгосрочной конкурентоспособности. Проект определил цели активизации инновационных процессов, стратегические приоритеты и сценарии развития Рязанской области: «инерционный», «пристоличный», «равномерно-инновационный».

Однако соответствие сформулированных целей и задач потребностям социально-экономического развития области не было достигнуто. Так, отсутствовала увязка целей с системой экономических интересов населения и бизнеса, не были сформированы условия расширения инвестиционной деятельности в регионе, отсутствовала должная мотивация использования бизнесом собственных ресурсов и привлечения инвестиций извне. Критический анализ характеристик вышеизложенных стратегий с точки зрения маркетингового подхода (в первую очередь, с точки

зрения удовлетворения потребности целевых аудиторий) позволил внести конструктивные предложения по их улучшению, определить направления формирования конкурентного поведения Рязанской области.

Анализ внешних факторов и оценка позиции Рязанской области (табл. 3) позволил определить концептуальные направления социально-экономического развития региона, определить стратегические цели и направления развития.

Таблица 3

**SWOT– анализ условий социально-экономического развития
Рязанской области**

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • Стратегическое географическое положение. • Диверсифицированная производственная база. • Условия для подготовки кадров. • Устойчивая тенденция улучшения социально-экономической ситуации в регионе. • Позитивные изменения в системе управления. 	<ul style="list-style-type: none"> • Неблагоприятная экологическая ситуация. • Неблагоприятные демографические процессы. • Недостаточное развитие сферы услуг. • Несформированность позитивного имиджа города и области.
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Возможность вписаться на основе модернизации производственной базы в стратегию развития страны. • Развитие рынка услуг. • Улучшение качества среды на основе модернизированной системы управления. 	<ul style="list-style-type: none"> • Деградация городской и природной среды. • Ухудшение качества человеческого капитала. • Проигрыш конкуренции за ресурсы другим регионам ЦФО.

Исходя из этого, определяются следующие сценарии регионального развития Рязанской области. «Консервативный» сценарий - предусматривает устойчивое эволюционное развитие, стабильность, принципиальный отказ от конкуренции с другими регионами. Однако может привести к постепенному отставанию от активно развивающихся регионов-конкурентов. «Инновационный» сценарий - предполагает трансформацию области в многофункциональную диверсифицированную региональную систему на основе развития высокотехнологических производств в промышленности, стройиндустрии, АПК, сфере услуг, энергетике. Внедрение инноваций предполагает использование моделей инновационного менеджмента, пространственной реорганизации инновационной среды, подготовку кадров. К рискам реализации сценария можно отнести по-

требность в значительных инвестициях и продолжительность самого процесса инновационной трансформации региона.

Анализ деятельности региональных органов власти Рязанской области в аспекте инновационного сценария показывает, что в процессе формирования стратегии инновационного развития региона недостаточно активно используются маркетинговые технологии, например, не организован процесс стратегического планирования формирования имиджа Рязанской области. Формирование репутации региона с благоприятным предпринимательским климатом могло бы способствовать привлечению нового бизнеса в регион.

Бренд Рязанской области должен быть сформирован как позитивный образ, обусловленный уникальными особенностями территории, и широко известным общественности. Для реализации инновационного сценария развития Рязанской области важно сформировать деловую репутацию и инновационный имидж региона. Управление процессами имиджево-репутационных преобразований со стороны властей Рязанской области ставит задачу их научно-методического сопровождения. Однако в настоящее время полномочной Комплексной программы формирования имиджа Рязанской области не существует, можно говорить лишь об отдельных мероприятиях, которые являются частью комплексных программ маркетинга.

К наиболее активно используемым инструментам формирования имиджа и репутации Рязани и области можно отнести: организацию выставок и ярмарок, разработку официальной символики, культурные мероприятия. Сегодня регион расширяет свое участие в крупных мероприятиях международного и межрегионального значения, среди которых выставки: «Стройиндустрия», «Центральный федеральный округ: энергосбережение и повышение энергетической эффективности», «Ладья-2010»; участие бизнес-делегаций в промышленных форумах (Международный форум «Технологии в машиностроении», Белорусский промышленный форум, Международный инвестиционный форум «Сочи–2010», Национальный инвестиционный форум «Муниципальная Россия» и др.); презентации инвестиционного потенциала региона в Посольствах различных стран.

Знаковым событием для региона явилось проведение первого Рязанского инновационного форума в целях презентации инновационной продукции и организации трансфера технологий. В рамках Форума состоялись: выставка образцов инновационной продукции; семинар по защите прав интеллектуальной собственности; презентация новых программ Рязанского областного Фонда поддержки малого и среднего бизнеса, приоритетных инновационных проектов; конкурс «Лидер инновационного развития» [5].

Среди институтов, формирующих репутацию Рязанской области, возрастает роль ТПП, выставочно-ярмарочных организаций, Интернет-сообществ и Интернет-представительств, ОПОРЫ РОССИИ, Корпорации развития Рязанской области. Следует также активизировать формирование институциональной инфраструктуры инновационной деятельности в форме бизнес-инкубаторов, научно-технических советов при вузах, виртуальных выставок инновационных проектов, информационного раздела Рязанской области на портале «Наука и инновации в регионах России. Внедрение современных инструментов и технологий регионального маркетинга должно стать основой, позволяющей обеспечить качественно новый уровень формирования стратегии инновационного развития территории.

Литература

1 Чернобродова Л.А., Иванова Т.Б. Формирование стратегии развития региона на основе маркетингового подхода // Ломоносовские чтения 2008: Российская государственность в XXI веке и глобальные проблемы мирового развития / Сб. докл. / Под ред. проф. Л.Н.Панковой. М.: ТЕИС, 2009, с. 343-347.

1. Промышленность Рязанской области. Стат. сборник. Рязань, 2011.

2. Официальный сайт Министерства экономического развития и торговли Рязанской области // <http://www.mineconom.ryazangov.ru/>

3. Официальный сайт Правительства Рязанской области // www.ryazanreg.ru

4. Выставки и ярмарки Рязанской области // <http://www.spb-venchur.ru/regions/35/vystavkaro.htm>

УДК 338.2 : 796

Шхагошев Р.В., к.э. н., доц., Полочанская О.Г., асп.

Совершенствование управления развитием физической культуры и спорта: региональный аспект

В статье рассматриваются основные подходы к совершенствованию управления физкультурно-спортивным комплексом региона. Отмечается большое значение пропаганды в развитии физической культуры, спорта и здорового образа жизни.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, здоровье, регион, управление

В современном мире происходит возрастание экономической и политической функции сферы физической культуры и спорта наряду с ее социальной значимостью. Развитие физкультурно-спортивного комплекса положительно влияет на все сферы общества, увеличивая человеческий потенциал и человеческий капитал, создавая дополнительные факторы успешного социально-экономического развития. В этой связи особо важ-

ным становится совершенствование имеющихся подходов к управлению физкультурно-спортивным комплексом.

Существует ряд проблем в развитии сферы физической культуры и спорта:

- недостаточное привлечение населения к систематическим занятиям физической культурой;
- недостаточное развитие материальной базы и инфраструктуры физической культуры и спорта, а также ее моральное и физическое старение;
- недостаточное количество профессиональных тренерских кадров;
- утрата традиций российского массового спорта;
- отсутствие на государственном уровне активной пропаганды занятий физической культурой и спортом как составляющей части здорового образа жизни, включая заботу о здоровье будущего поколения;
- пробелы во взаимодействии федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с общественными спортивными организациями в области физической культуры и спорта.

Определяющее значение в развитии сферы физической культуры и спорта имеет пропагандистское направление.

Пропаганда - различные формы (устная, печатная, наглядная и др.) распространения и разъяснения идей, учений, взглядов, теорий, воздействующие на сознание и настроение широкого круга людей.

Пропаганда физической культуры подразумевает целенаправленную деятельность по распространению знаний в области физической культуры и спорта, а также приобщению населения к систематическим занятиям физической культурой и спортом, а также к ведению здорового образа жизни.

Большую роль в ее успешном достижении основных задач пропаганды играет правильная постановка информационно-пропагандистской работы. Для этого крайне необходимо повышение уровня физкультурного образования населения; воспитание потребности в утверждении здорового образа жизни, использование средств физической культуры в режиме труда и отдыха.

Само по себе выражение «Здоровый образ жизни» включает в себя такие условия как:

- регулярные занятия физической культурой (подготовкой);
- отказ от вредных привычек и пристрастий;
- сбалансированное питание;
- соблюдения режима дня;
- рациональное сочетание физических нагрузок с интеллектуальной работой;
- проведение занятий в экологически чистых районах (лес, парк, берег реки и т.д.).

Говоря другими словами – физическое воспитание не гарантирует положительных результатов, если не будет соблюдаться какое-либо из данных условий. Только соблюдение комплексного подхода к выполнению всех принципов здорового образа жизни влечет за собой обретение морального и физического комфорта.

Согласно современной концепции ВОЗ, здоровье человека подразумевает состояние его физического, душевного и социального комфорта. Таким образом, физическое воспитание является лишь одной из сторон процесса воспитания гармонично развитой личности, которое должно занимать довольно значительную часть в расписании режима дня современного человека.

Немаловажным фактором здорового образа жизни является выполнение и соблюдение медицинских рекомендаций при различных заболеваниях. Тотальное отрицание достижений современной медицины и увлечение так называемыми «народными средствами» способно нанести организму непоправимый вред.

В наш современный период времени эта проблема стала более актуальной, так как возросло число «офисных» работников, которые ведут малоподвижный образ жизни. Эти люди на протяжении целого дня находятся в душном помещении и замкнутом пространстве, часто находятся в состоянии высокой стрессовой нагрузки, а также передвигаются на личном или служебном автотранспорте (все это способствует развитию гиподинамии и хронической гипоксии в сочетании с нестабильностью артериального давления и высокой лабильностью нервной системы). Даже увлечение фитнесом и посещение тренажерного зала после окончания рабочего дня на фоне профессионального утомления не снимает остроты проблемы – подобные несистематизированные нагрузки лишь усугубляют синдром хронической усталости, который ведет к негативному эффекту.

Физическая культура и спорт являются одними из главных областей удовлетворения жизненно необходимых потребностей человека в двигательной деятельности, обеспечивая гармоническое становление личности.

Понятия «Здоровый образ жизни» и «Физическая культура» органически едины в своей гуманистической направленности и ориентированы на физическое развитие и физическую подготовленность конкретной личности. Физическая культура создает необходимые предпосылки и условия для поддержания здорового образа жизни человека, существенным компонентом которого является организация двигательной активности. Поддержание организма в постоянном тонусе способствует повышению трудоспособности, творческой активности, физическому совершенствованию, сохранению здоровья и долголетию.

В Ростовской области вопросам пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни уделяется большое внимание. Регио-

нальное нормативно-правовое регулирование данной сферы включает широкий спектр нормативных актов, таких как Областной закон Ростовской области от 29.07.2009 № 263-ЗС «О физической культуре и спорте в Ростовской области»; Областной закон Ростовской области от 22.10.2004 № 167-ЗС «О государственной поддержке молодежи, молодежных и детских объединений в Ростовской области»; Областной закон Ростовской области от 22.10.2004 № 179-ЗС «Об охране здоровья жителей Ростовской области»; Постановление Администрации Ростовской области от 7.09.2010 № 168 «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Ростовской области на 2011-2013 годы»»; Постановление Администрации Ростовской области от 02.02.2004 № 59 «О порядке оказания за счет средств областного бюджета финансовой поддержки футбольных клубов и других игровых команд Ростовской области» и другие.

Принятие нормативно-правовых документов в сфере физической культуры и спорта позволяет четко обозначить цели, задачи и основные направления в области пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни, распределить полномочия и ответственность, а также определить основы взаимодействия между органами власти.

При этом в региональном законодательстве Ростовской области также четко прослеживается стратегический целевой ориентир, заявленный в «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» – увеличение доли граждан Российской Федерации, систематически занимающихся физической культурой и спортом в общей численности населения с 15,9 процента в 2008 году до 30 процентов к 2015 году, до 40 процентов в 2020 году, где одним из главных условий успешного выполнения данного плана указана разработка и эффективная реализация комплекса мер по пропаганде физической культуры и спорта как важнейшей составляющей здорового образа жизни.

Программа «Развитие физической культуры и спорта в Ростовской области на 2011-2013 годы» преследует следующие цели: создание условий, обеспечивающих возможность жителям Ростовской области вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом; развитие физической культуры и спорта среди различных групп населения Ростовской области; развитие детско-юношеского спорта, спорта высших достижений и профессионального спорта в Ростовской области; развитие студенческого спорта в Ростовской области.

Данный документ является логическим продолжением реализованной программы «Развитие физической культуры и спорта в Ростовской области на 2008-2010 годы».

Вопросами пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта в Правительстве Ростовской области занимается мини-

стерство по физической культуре и спорту, министерство общего и профессионального образования, комитет по молодежной политике и другие органы исполнительной власти.

Ростовская область насчитывает 12 городских округов и 43 муниципальных района, деятельность по развитию физической культуры и спорта в которых осуществляют 2 Управления по физической культуре и спорту в городах Новочеркасске и Ростове-на-Дону, 1 Департамент по физической культуре и спорту в городе Шахты, 6 комитетов, 8 отделов, 5 секторов, 33 специалиста по физической культуре и спорту, вошедшие в структуру администрации или в состав отделов, секторов культуры, молодежной политики, социальных вопросов при администрациях муниципальных районов. Данная статистика подчеркивает отсутствие системного подхода к управлению сферой физической культуры и спорта на муниципальном уровне, а также то, в большом количестве муниципальных образований уделяется недостаточное внимание развитию сферы.

В области осуществляют работу по развитию физической культуры и спорта среди детей, подростков и молодежи 110 учреждений спортивной направленности: 1 училище олимпийского резерва, 3 центра спортивной подготовки (образованные из ранее существовавших ШВСМ – школ высшего спортивного мастерства), 42 СДЮСШОР (специализированные детско-юношеские спортивные школы олимпийского резерва), 64 ДЮСШ (детско-юношеские спортивные школы). Наряду с вышеперечисленными учреждениями спортивную деятельность осуществляют государственные унитарные предприятия, подведомственные минспорта области: ГУП РО «Дом физической культуры» (г. Ростов-на-Дону), ГУП РО «Спортивно-оздоровительный комплекс «Лидер» (г. Ростов-на-Дону); ГУ РО СОЦ «Золотой берег» (п. Новомихайловский Краснодарского края).

В спортивных школах, независимо от ведомственной принадлежности и организационно-правовой формы, систематически занимается более 92 тысяч человек. Учебно-тренировочный процесс в спортивных школах осуществляется по 64 видам спорта, в том числе по 35 олимпийским видам.

Министерством по физической культуре и спорту Ростовской области совместно с министерством общего и профессионального образования, комитетом по молодежной политике, территориальными органами управления физической культурой и спортом проводились смотр-конкурсы: «На лучшую постановку физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы среди детских домов и школ-интернатов», «На лучшую спортивно-оздоровительную работу по месту жительства» и т.д.

Территориальными органами управления физической культурой и спортом ежегодно проводятся массовые физкультурно-оздоровительные мероприятия, праздники для дошкольников «Дни Здоровья», соревнования среди команд детских садов в рамках программы «Веселые старты»,

смотре-конкурсы на лучшую физкультурно-оздоровительную работу в дошкольных учреждениях.

В летний период проводится множество спортивных мероприятий: соревнования среди дворовых футбольных команд «Детской дворовой лиги» по футболу, областной турнир по футболу среди сельских команд «Колосок», областной турнир на приз «Кожаный мяч» и другие.

Ежегодно министерством по физической культуре и спорту Ростовской области в соответствии с Единым календарным планом межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий Минспорттуризма России и календарным планом официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий Ростовской области проводится более 20 тысяч физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий среди различных категорий населения области.

В их числе комплексные традиционные многоэтапные массовые соревнования:

1. Областная сельская Спартакиада Дона (4 этапа) по 17 видам спорта с участием более 5000 человек на всех этапах.

2. Зональные соревнования Спартакиады народных видов спорта Ростовской области (4 этапа) по шести видам спорта с участием более 3 000 человек на всех этапах.

3. Соревнования по 15 видам спорта Спартакиады трудящихся Ростовской области и ветеранов спорта «За единую и здоровую Россию в XXI веке» (4 этапа) с участием более 7 000 человек на всех этапах.

4. Спартакиада шахтерских городов Дона по 17 массовым видам спорта с участием более 3000 человек на всех этапах и другие мероприятия.

Многолетний опыт проведения социально-направленных акций показал, что для обеспечения эффективности проводимых программ по здоровому образу жизни недостаточно только организации однодневных спортивно-массовых мероприятий. Необходимо задействовать все уровни, работающие с населением и молодежью, начиная с дошкольных и школьных учреждений и заканчивая формированием системы информационной, научной и методической поддержки мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни, физической культуры и спорта.

По итогам проведенного исследования выявлен ряд проблем в области физической культуры, спорта и здорового образа жизни на территории Донского региона, таких как:

1. Физической культурой и спортом в Ростовской области систематически занимается всего 23% жителей области.

2. Кризис системы управления отраслью и в целом по стране, и в области.

3. Низкая эффективность пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни муниципальными образованиями области.

4. Неэффективная пропаганда физической культуры, спорта и здорового образа жизни средствами массовой информации.

5. Отсутствие системной пропаганды ФКС и ЗОЖ в детских садах, школах, учебных заведениях среднего профессионального и высшего профессионального образования и трудовых коллективах.

6. Отсутствие информационной поддержки проводимых на территории Ростовской области физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий.

Проблема, на которой хотелось бы заострить внимание – это недостаточное финансирование физкультурно-спортивной отрасли в муниципальных районах. Так, в Обливском районе финансирование отрасли в 2011 году составило 151 тысячу рублей, что от общего бюджета района равно 0,04%, в Милютинском районе 98 тысяч рублей и 0,03%, в Советском районе 60 тысяч рублей или 0,04%, а в Боковском районе эта цифра и вовсе 27,2 тысяч рублей или 0,008 от бюджета района.

Без активного участия муниципалитетов в развитии спорта на массовом уровне невозможно повышение количества жителей, систематически занимающихся физической культурой и спортом и ведущих здоровый образ жизни, а также достижение результатов в спорте высших достижений.

Сформулированы следующие пути повышения эффективности пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни на территории Ростовской области.

1. Создание и транслирование в учебных заведениях Ростовской области и молодежных социальных сетях видеороликов по тематике «Физическая культура, спорт и здоровый образ жизни». Размещение на билбордах агитационных плакатов, пропагандирующих занятия физической культурой и спортом (по системе параллелей – на одном плакате изображения победителей дворовых, муниципальных соревнований и известных донских спортсменов по соответствующему виду спорта под общим девизом «Твоя жизнь! Твои достижения! НАША победа!»).

2. Изготовление стендов и плакатов, повествующих об истории Донского спорта, создание переносных выставок, демонстрирующих достижения спортсменов области и их презентация на различных соревнованиях и официальных мероприятиях. Также размещение информационных стендов и плакатов в школах, учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования.

3. Проведение конкурса на территории области «Ростовская область – территория спорта» с целью создания бренда Донского спорта (по примеру символа Олимпиады в Сочи), с дальнейшим его использованием

при изготовлении формы для сборных команд Ростовской области, а также как официального символа Донского спорта.

4. Проведение конференций и круглых столов по вопросам пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни на территории области для различных аудиторий: волонтеры; студенты и учащиеся; руководители региональных спортивных федераций и общественных организаций; учителя физкультуры; руководители кафедр физвоспитания вузов; руководители спортивных клубов по месту жительства. Подобные мероприятия позволяют решать одновременно несколько задач – выявление проблем в соответствующем направлении работы; обобщение и обсуждение результатов проделанной работы; использование положительного опыта в реализации проектов, в том числе пилотных; выявление путей повышения эффективности пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни.

5. Тщательный контроль над проведением физкультурно-оздоровительных, спортивных и пропагандирующих здоровый образ жизни мероприятий на территории муниципальных образований.

Проведение ежегодного смотра-конкурса среди муниципальных образований на лучшую организацию пропаганды физической культуры и спорта «Ростовская область – территория спорта» с целью привлечения всех групп населения области к систематическим занятиям физической культурой и спортом, создания условий для формирования здорового образа жизни, и определения лучших муниципальных образований Ростовской области по организации информационно-пропагандистской работы в области физической культуры и спорта.

6. Создание регионального информационного центра пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни.

- статистико-диагностический блок - такой центр образует информационную сеть, элементами которой являются средние образовательные школы, лицеи, колледжи, техникумы, вузы, ДЮСШ – СДЮСШОР, УОР, ЦСП и любые другие массовые образовательные молодёжные структуры. От этих источников в on-line режиме будет поступать информация о системных характеристиках, физическом развитии и физической подготовленности всех учащихся с учётом их возрастных особенностей и спортивной квалификации. Региональная информационная база позволит, с использованием методов статистического анализа, осуществлять массовый оперативный контроль физического состояния всего контингента учащихся и на этой основе, применяя методы многофакторного математического моделирования и прогнозирования, организовать эффективное управление всей системой физической подготовки в донском регионе;

- научно-исследовательский блок - привлечение научных кадров региона обеспечит широкие возможности по разработке инновационных

технологий в сфере физического здоровья и спортивной деятельности детей и молодёжи, а в целом - в сфере здоровьесбережения подрастающего поколения;

- консультационный блок - организация телефонной консультационной службы по вопросам физической культуры, спорта и здорового образа жизни;

- информационный блок – организация и проведение семинаров, мастер-классов, конференций, тренингов, PR-акций, разработка сайта центра (на котором будут размещены пропагандистские ролики, информационные карты, научные статьи по проблемам физической культуры, спорта и здорового образа жизни, адреса спортивных секций и мест семейного досуга, анонсы и итоги проводимых мероприятий);

- кризисный блок – организация службы помощи, телефона доверия, консультативной помощи психолога (в частности, для людей имеющих разного рода зависимости).

7. Особо следует отметить такое направление как пропаганда физической культуры, спорта и здорового образа жизни среди детей и подростков.

Дети – будущее каждой страны, именно поэтому особенно важно физическое развитие, физическая подготовленность и состояние здоровья детей и подростков. Они являются самой внушаемой аудиторией, у которой только формируются жизненные ценности и установки, образ жизни. Ежедневно каждый ребенок оказывается пронизанным противоречиями, он подвержен влиянию сверстников, друзей, средств массовой информации, особое влияние оказывают на детей родители и дошкольные и школьные учреждения, поскольку они являются важнейшими институтами социализации. Дети, оказываясь зачастую в такой обстановке, когда их оценивают только с точки зрения тех отметок, которые они получают в школе, редко осознают тот факт, что для самореализации очень важны и хорошее здоровье, и уверенность в себе, и умение переживать неудачи, целеустремленность, ответственность за свои поступки и решения, а не просто знания экономики и компьютерных технологий. И это все несмотря на то, что школьные оценки не в полной мере раскрывают интеллектуальный потенциал ребенка, не говоря уже о творческом и спортивном потенциале. Очень важно сформировать у детей образ успешного человека – здорового, физически развитого, целеустремленного, самостоятельного, уверенного в себе.

Необходимо признать, что сегодня в наших школах, практически, нет полноценного урока физической культуры, где бы физическое воспитание и физкультурное образование школьников шли бы параллельно и одновременно. Есть физическое воспитание, где усилия преподавателя физкультуры, в большей степени нацелены на подготовку школьников к

выполнению неких нормативов физической подготовленности. По данным Минздравсоцразвития России, только 14% обучающихся старших классов считаются практически здоровыми. На сегодняшний день в России лишь 10% детей младшего школьного возраста являются практически здоровыми (I группа здоровья), остальные относятся ко II и III группам. Учитывая вышеизложенное, а также то, что большинство программ по физическому воспитанию рассчитано на здоровых детей, необходимо отметить, что от 60% до 90% школьников сегодня остается без адекватной физической подготовки.

По оценкам специалистов, от 20% до 40% негативных влияний, ухудшающих здоровье и физическую подготовленность детей школьного возраста, связано со школой. Многолетние исследования Института возрастной физиологии Российской академии образования позволили выявить те школьные факторы риска, которые негативно сказываются на росте, развитии и здоровье детей:

1. Стрессовая педагогическая практика.
2. Интенсификация учебного процесса.
3. Несоответствие методик и технологий обучения возрастным и функциональным возможностям школьников.
4. Преждевременное начало дошкольного систематического обучения.
5. Несоблюдение физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса.
6. Функциональная неграмотность педагога в вопросах охраны и укрепления здоровья.
7. Массовая безграмотность родителей в вопросах укрепления здоровья детей.
8. Провалы в существующей системе физического воспитания.

В российской системе физического воспитания необходимо пересмотреть и структуру школьного урока, и учебные годовые планы, отдав приоритет легкой атлетике, плаванию, игровым видам спорта, фитнесу. Дети с удовольствием будут заниматься баскетболом, волейболом, футболом, аэробикой или фитнес-зарядкой, туризмом, спортивными танцами, флорболом – хоккеем на полу. На сегодняшний день в школах количество детей, освобожденных от занятий по физической культуре в школе, достигает 40%. Между тем, специалисты физической культуры считают, что не должно быть детей, освобожденных от физической культуры в школе – все должны заниматься физической культурой и спортом. Занятия физической культурой должны быть адекватны возрастным и функциональным характеристикам учащихся (к ним относятся - уровень индивидуального здоровья, физического развития, физической подготовленности). Особенно это относится к детям с ослабленным здоровьем. Одна-

ко, школьные занятия по физвоспитанию дают необходимый эффект только в случае трех - четырехразовых занятий в неделю при соблюдении преподавателем физкультуры индивидуального подхода.

Физическая культура и спорт, как институты социализации, могут действительно оказать серьезное влияние на общий процесс формирования ребенка как самодостаточной, самостоятельной, физкультурно образованной, целостной, гармоничной Личности, обладающей национальным самосознанием, характером и волей, с творческим подходом и бескорыстным патриотизмом. Но это возможно при одном важном условии - если многолетний непрерывный процесс воспитания российской молодежи будет реализовываться при активной поддержке всего российского общества (семья, школа, вуз, церковь, армия, производство, СМИ, медицинская служба). Для сохранения и укрепления здоровья российской молодежи очень важно, чтобы спортивная подготовка в школьном, детско-юношеском, вузовском спорте имела бы медико-педагогическую направленность. В связи с этим следует расширить централизованную систему непрерывного спортивного образования, включая подготовку и переподготовку - повышение квалификации вузовских тренеров-преподавателей, тренеров по олимпийским видам спорта, спортивных судей, учителей физической культуры, способных и воспитывать, и физкультурно образовывать, и грамотно тренировать, и оздоравливать детей и подростков. И, здесь следует привлечь федерации по видам спорта, которые сегодня имеют новейшие методики и знания в области физической культуры и спорта и этот уникальный тренерский опыт, изначально, необходимо сегодня использовать в повседневной практике, но для этого преподаватели физвоспитания сначала должны работать по специальности. Но заработная плата преподавателей физвоспитания, тренеров-профессионалов, особенно детского спорта, сегодня чрезвычайно низкая. А ведь работники физической культуры и спорта – не только носители серьезных специальных знаний о человеке и его потенциальных возможностях, а это еще и потенциальные пропагандисты здорового образа жизни. Поэтому необходимо незамедлительно обеспечить специалистов физической культуры достойными зарплатами, материальными условиями, если наше государство и руководство страны, действительно, заинтересованы в том, чтобы российская молодежь 21 века была нравственно и физически здорова. Для этого следует еще с детства приобщать детей к спорту и уже с раннего возраста культивировать приоритет базовых культурных и семейных ценностей.

Большое влияние на детскую аудиторию с не устоявшимися вкусами, привычками, с несформировавшимся стилем и образом жизни в современных условиях оказывает реклама, порождая негативные последствия.

Проблема 1. Воздействие на воображение. Вмешательство коммерции постоянно принижает роль игры и, как следствие, детское вооб-

ражение и фантазию, ограничивает способность детей думать и действовать спонтанно.

В современных условиях становится все труднее создать для детей такую среду, которая поощряла бы творчество или оригинальное мышление. На них обрушивается поток рекламы и тех вещей, которые она предлагает. Время и пространство, которые доступны для их собственных идей и образов, для спокойного общения с текстами или изображениями, сжимается с появлением каждого нового детского фильма или телепередачи, что неизбежно сопровождается потоком связанных с ними игрушек, книг, видеокассет и одежды. Реклама лишает детей возможности творчески подходить к игровому процессу, снижает уровень физической активности детей.

Проблема 2. Пропаганда нездорового питания.

Когда дело касается еды, дети являются целевой группой для рекламы всевозможных продуктов: от съедобных шашек - двухцветного печенья, в которое можно играть как в шашки, до леденцов на батарейках. Количество времени, которое дети проводят у телевизора, обычно указывается как важнейший фактор роста случаев ожирения у детей.

Почти все ролики, рекламируют продукты с высоким содержанием калорий, жиров, соли и сахара. Фаст-фуд-гиганты привлекают детей самыми разными способами. Они размещают свои логотипы на игрушечных коробках, обложках детских книг, видеоиграх и в парках развлечений.

Продовольственная реклама работает. Современными исследованиями психологов доказано, что основная часть просьб детей купить тот или иной продукт, нездоровые привычки в питании и увеличение потребления калорий связаны с просмотром телевизионной рекламы, как и покупки их родителей.

Проблема 3. Пропаганда «взрослости».

Привлечение детей к алкоголю и табаку. Одна из новых крайностей в области сбыта продукции на молодежном рынке включает навязывание подросткам товаров для взрослых, представляя продукцию забавной и молодежной. Прежде всего, это реклама сигарет и алкоголя (пива).

Реклама алкоголя привлекает внимание подростков и детей, играя на тех же слабостях, что и реклама одежды или аксессуаров. Эти рекламные клипы, в которых показывают преуспевающих парней, обещают нескончаемую развеселую жизнь, свободную от нудных запретов, а также шумные вечеринки, на которых все крутится вокруг алкоголя - чаще всего пива. Большинство детей пьют пиво и курят сигареты не потому, что им это нравится, а потому, что они хотят почувствовать себя взрослее и раскованнее, или потому, что предполагается, что это весело. И если реклама постоянно твердит, что пить пиво это «прикольно» и «круто», то подросток будет его пить, даже если раньше ему это и в голову не приходило.

Реклама может привести к тому, что дети, вырастая, будут оценивать свою значимость, исходя из того, чем они владеют, а не из своих личностных качеств. Самоидентификация будет возможна только через составление списка потребляемых брендов. Невозможность обладания «полным списком» (а обладать всем невозможно) приведет к тотальному комплексу неполноценности. Именно поэтому необходимо ограничивать рекламу товаров, пропагандирующих нездоровый образ жизни.

Мероприятия, направленные на пропаганду физической культуры, спорта и здорового образа жизни среди детей и подростков:

- проведение физкультурно-спортивных акций «Спорт за здоровый образ жизни!» в форме спортивного праздника для учащихся СОШ Ростовской области, с участием известных спортсменов, проведением показательных выступлений региональных спортивных федераций, включающих также недельные мастер-классы для учащихся от известных спортсменов Ростовской области – победителей и призеров региональных, всероссийских и международных соревнований;

- проведение среди школьников конкурса фоторабот, пропагандирующих ФКС и ЗОЖ «Спорт за здоровый образ жизни»;

- проведение конкурса рисунков в преддверии Олимпийских игр в Сочи среди учащихся средних общеобразовательных школ, а также среди воспитанников дошкольных учреждений;

- «Олимпийская эстафета» среди муниципальных образований области (по образу и подобию пилотной акции Краснодарского края «Кубань - навстречу играм в Сочи» - акция с целью продвижения олимпийских ценностей и идеалов, пропаганды ФКС и ЗОЖ, приобщения населения к главному событию ближайших лет – Олимпиаде 2014 года, в рамках которой муниципальные образования на месяц становятся спортивным центром региона);

- эффективный способ пропаганды здорового образа жизни и повышения интереса к регулярным занятиям физической культурой - проведение спортивных соревнований разного уровня. В школьной системе физического воспитания, если мы хотим воспитывать здоровых детей с психологией победителя, необходимо возродить принцип спортивности (состязательности), предложив нашим школьникам продуманную систему школьных спортивных соревнований. На сегодня, во Всероссийской федерации школьного спорта культивируется 17 видов спорта – все игровые, легкая атлетика, плавание, гимнастика. Но, парадокс в том, что в обиходе спортивных ученых понятие «школьный спорт» есть, но самого «школьного спорта» как социального явления в нашей стране нет.

Итак, пропаганда физической, культуры, спорта и здорового образа жизни должна непременно выдвигаться на первый план. При этом необходимо уделять внимание и развитию массовой физической культу-

ры, и спорту высших достижений, и проведению социально-значимых пропагандистских мероприятий. Развитие и поддержка массового, общедоступного спорта должны быть приоритетными, поскольку массовая физическая культура способствует повышению уровня здоровья граждан и качества жизни, стабилизации гражданского общества, духовному и физическому оздоровлению молодежи, профилактике девиантного социального поведения. В большом спорте также заложены возможности для агитации и пропаганды, которые необходимо реализовывать: представители спорта высших достижений, которые известны не только в своей стране, но и за ее пределами, благодаря интересу к ним со стороны средств массовой информации, могут оказывать влияние на формирование общественного мнения.

УДК 351

Шустов В.Г. к. полит. наук, докторант

Разграничение полномочий между органами государственной и местной власти

В статье исследуются полномочия различных уровней публичной власти и процесс разграничения и передача полномочий от органов государственной власти органам местного самоуправления в рамках проводимой муниципальной реформы. По нашему мнению, это самая сложная проблема всей муниципальной реформы.

Ключевые слова: полномочия, разграничения, передача, делегирование децентрализация, деконцентрация, деволюция и нецентрализм.

В теории различают несколько моделей разграничения полномочий, наиболее известные среди них – централизация и децентрализация. Основная цель децентрализации власти заключается в возвращении власти народу, в том числе местным сообществам, но особенность современного политического процесса заключается в том, что в результате децентрализации власти осуществляется передача властных полномочий территориальным государственным органам и органам местного самоуправления, но не народу. Децентрализация состоит в передаче прав на принятие решений на местный уровень. Выделяют 3 основных типа децентрализации: деконцентрацию, деволюцию и федерализм. Деконцентрация - это ситуация, когда местные вопросы решаются на местах представителями центра. Деволюция - это ситуация, когда местные вопросы решаются на местах, но законодательство, регулирующее организацию и деятельность местных органов власти, принимается на общенациональном уровне. Федерализм отличается от деволюции только тем, что законодательство, ре-

гулирующее систему МСУ, принимается на уровне государственной власти, максимально приближенном к локальному уровню.

В 1999 году был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». В статье 26 был определён перечень полномочий органов государственной власти субъектов РФ, их более 70. Закон, обозначив указанный выше перечень полномочий органов государственной власти субъектов РФ, одновременно разрешил наделять органы местного самоуправления многими государственными полномочиями субъекта РФ из данного перечня. И круг этих полномочий тоже постоянно расширяется, на начальном этапе он включал 23 полномочия, а сейчас уже больше 50. В этой же статье установлен перечень полномочий, которые не могут передаваться органам местного самоуправления, их порядка 20. Поэтому субъекты РФ теоретически большую часть своих полномочий могут передать органам местного самоуправления.

К этому необходимо добавить те полномочия, которые должны выполнять органы местного самоуправления, вообще не обеспеченные финансами. В статье 132 Конституции РФ устанавливается, что органы местного самоуправления осуществляют охрану общественного порядка, но в Федеральном законе №131, определяющем вопросы местного значения поселения этого нет. В Федеральном законе «Об обороне» 1996 года, определены более 10 функций органов местного самоуправления в области обороны. В Федеральном законе №131 этого нет. В Федеральном законе «О государственной границе РФ» 1993 года указывается, что органы местного самоуправления и их должностные лица оказывают помощь пограничным органам, другим органам, осуществляющим различные виды контроля на Государственной границе; предъявляют необходимую для их деятельности информацию, создают условия для участия граждан на добровольных началах в защите Государственной границы в пределах приграничной территории. В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» 1998 года сказано, что органы местного самоуправления должны оказывать содействие органам, осуществляющим борьбу с терроризмом. В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 года подчеркивается, что органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции.

В июле 2011 года был принят Федеральный закон №247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». В соответствии со статьёй 17 данного закона теперь органы местного самоуправления обязаны обеспечить:

«- предоставление помещения для работы на обслуживаемом административном участке сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции;

- до 1 января 2017 года предоставление сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции, и членам его семьи жилого помещения на период выполнения им обязанностей по указанной должности» [1].

Муниципальным органам реализация этого положения обойдётся от 1 до 3% средств собственного бюджета, что вообще недопустимо. Кроме того, органы местного самоуправления наделены 10 добровольными полномочиями в соответствии Жилищным Кодексом РФ, такими же полномочиями Земельным Кодексом РФ они наделены по управление государственными землями до разграничения государственной собственности на землю, наделены 6 добровольными полномочиями в соответствии с Федеральным законом «О недрах», порядка 4 добровольными полномочиями в соответствии с Федеральным законом «О полиции» и т.д.

Существует ещё одна очень серьёзная проблема при наделении местного самоуправления государственными полномочиями:

- занижаются нормативы по численности сотрудников, которые должны исполнять переданные государственные полномочия;

- занижаются нормативы уровня оплаты труда этих сотрудников, так как у органов местного самоуправления практически нет механизмов участия в процедуре передачи государственных полномочий.

На заседании Государственного совета РФ в декабре 2011 года Д.Н. Козак заявил: «...предлагается передать ещё более 100 полномочий на региональный уровень» [2, с.13], а это означает, что ещё часть полномочий с регионального уровня будет передана на муниципальный уровень. Этот процесс в последнее время приобретает лавинообразный характер: «...зачастую такие передачи накладывают чрезмерную нагрузку на деятельность органов местного самоуправления и фактически устанавливают приоритет выполнения государственных полномочий перед решением вопросов местного значения» [3, с.3]. В результате общий объём полномочий местного уровня власти постоянно увеличивается, а перечень источников доходов, порядок формирования местных бюджетов, несмотря на значительные усилия муниципальной власти, остаются неизменными. При этом органы государственной власти не стремятся уменьшить степень централизации финансовых ресурсов, чем сдерживают экономический рост самоуправляемых территорий и ограничивают конституционно закреплённые правовые возможности местного самоуправления. В Федеральном законе №131 в статье 20 устанавливается: «Признанное в судебном порядке несоответствие федеральных законов, законов субъектов РФ, иных нормативных правовых актов РФ, предусматривающих наделе-

ние органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, требованиям, предусмотренным статьей 19 настоящего Федерального закона, является основанием для отказа от исполнения указанных полномочий» [4].

Нами поддерживается мнение учёных, что гораздо проще было установить: «Законы субъекта, предусматривающие наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями, без передачи соответствующих финансовых средств не имеют юридической силы и органы местного самоуправления вправе не принимать к исполнению такие законы» [5, с.111], это позволит оперативно решать вопросы, а не ждать годами судебного решения.

Наделение полномочиями может осуществляться двумя способами: передачей и делегированием. Передача - способ регулирования полномочий органа местного самоуправления, при котором какое-либо полномочие государственного органа исключается из его компетенции и включается в компетенцию органа местного самоуправления. Делегирование - предоставление государственным органом принадлежащего ему права решения какого-либо вопроса органам местного самоуправления на определенный срок. Делегирование полномочий может осуществляться на неограниченный или ограниченный сроки, но не на постоянной основе. Принцип делегирования направлен на повышение эффективности деятельности за счет преодоления подчас неэффективной государственной процедуры принятия решений: «Под делегированием понимается передача от одного лица (а) к другому (другим), (б) прав или полномочий на осуществление действий от своего имени (от имени а), ...лицо, которому делегируются полномочия, распоряжается ими не в своих собственных интересах, но в интересах другого лица (принципала), т.е. действует так, как действовал бы сам принципал» [6, с.76].

Проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления - это самое проблемное место во всей муниципальной реформе. При реализации большого количества делегированных или переданных государственных полномочий, муниципальная власть не в состоянии обеспечить качество и эффективность в реализации собственных вопросов местного значения. В мировой практике существуют два основных способа предоставления полномочий органам местного самоуправления. Для стран англосаксонской модели характерен принцип «позитивного регулирования», который закрепляет за муниципальными органами право осуществлять лишь те полномочия, которые прямо закрепил закон. Страны континентальной модели опираются на противоположный принцип «негативного регулирования», который позволяет местным органам осуществлять все полномочия, прямо не запрещенные законом и не относящиеся к компетенции иных органов.

В рамках континентальной и англосаксонской моделей местного самоуправления в условиях стабильных демократических систем реализация переданных государственных полномочий имеет положительную динамику. Учёный Г.В. Барабашев подчёркивал: «...в западных странах в эволюции местного управления наблюдается тенденция сращивания местных дел с общегосударственными интересами, вследствие чего многократно усилена природа муниципальных институтов» [7, с.65], которые получают дополнительные финансы и поднимаются на более высокий уровень муниципальной автономии. В России эта тенденция имеет отрицательную динамику, чем больше муниципалитеты нагружаются государственными полномочиями, тем хуже исполняются вопросы местного значения и уменьшается уровень муниципальной автономии. Исследователь Р.Граверт отмечал, что в России «чем полнее втягиваются местные территориальные единицы в осуществление конституционно-правовых принципов социальной государственности, тем больше они вынуждены абстрагироваться от местных особенностей и следовать единым для всей страны ориентирам государственной политики» [8, с.104].

Новелла в 131 Федеральном законе о добровольности участия органов местного самоуправления в осуществлении государственных полномочий за счет средств местного бюджета «...означает введение нового типа полномочий для органов местного самоуправления - государственных, но добровольно исполняемых» [9]. Кроме того, учёные А.В. Новиков, М.И. Либоракина отмечают: «Парадоксально, что собственно идея разделения полномочий разрушается концепцией наделения местного самоуправления государственными полномочиями. Судя по всему, передача государственных полномочий местному самоуправлению - это своего рода техническое решение, позволяющее создать третий уровень государственной власти» [10].

Статья 6 Федерального закона 1995 года №154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» устанавливала, что наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется только федеральными законами, законами субъектов РФ с одновременной передачей необходимых материальных и финансовых средств. В отличие от этого закона новый Федеральный закон №131 устанавливает, что перечень вопросов местного значения не может быть расширен субъектом РФ, теперь это может сделать только федеральный центр. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству. Европейская Хартия местного самоуправления главными условиями выполнения полномочий называет наибольшую эффективность их реализации и наименьшую отдалённость от местного сообщества.

Необходимо принять в ближайшее время федеральный закон о наделении органов местного самоуправления государственными полномо-

чиями. Руководитель рабочей группы по муниципальной реформе Д.Н. Козак ещё в 2002 году заявлял: «Наконец, решается вопрос о наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями.

Эта тема у нас звучит с начала 90-х годов. Нам нужен закон о делегировании государственных полномочий» [11, с.34]. В данном законе необходимо закрепить принципы, механизм наделения местного самоуправления отдельными государственными полномочиями и порядок расчета материально-финансовых средств. По нашему мнению, передача полномочий должна происходить на основе следующих принципов:

- принцип договорного оформления передачи государственных полномочий (с обязательным согласием представительного органа местного самоуправления данный вывод сделан с учетом статьи 78 Конституции РФ, предусматривающей согласительную процедуру передачи полномочий, а также трактовки процесса делегирования полномочий Европейской хартией о местном самоуправлении);

- принцип обязательности исполнения органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий;

- принцип целесообразности;

- принцип обязательной совместимости начала финансового года и начала исполнения переданного или делегированного государственного полномочия;

- принцип учёта интересов населения муниципального образования;

- принцип приоритетности вопросов местного значения;

- соразмерность и экономическая обоснованность полномочий местного уровня власти материально-финансовым ресурсам, их эффективности;

- подконтрольности осуществления переданных государственных полномочий;

- принцип адаптации передаваемых полномочий к местным условиям;

- принципы приближенности;

- принцип субсидиарности;

- принцип взаимозаменяемости и взаимодополняемости;

- принцип полноты и исключительности.

В данном законе должны быть определены органы, которые от имени муниципального образования могут заключать соглашения. Сегодня в этой сфере порядка нет. Кроме того, для наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями необходимо:

- сформировать единые критерии наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями;

- разработать необходимые методические указания о порядке расчетов и передачи материальных ресурсов, необходимых для реализации передаваемых государственных полномочий;

- разработать порядок прекращения исполнения переданных государственных полномочий.

Постоянно уточняются и перераспределяются полномочия между органами региональной и муниципальной власти, произошло нивелирование основного принципа разграничения полномочий - субсидиарности: «...российский законодатель отказался от этого принципа, когда на вышестоящие уровни передаются лишь те вопросы, которые не могут быть решены на нижних уровнях» [12, с.35]. Разные уровни публичной власти должны конкурировать между собой за реализацией конкретных полномочий, и вся система публичной власти должна действовать как единое целое, помогать друг другу при их реализации. Учёный А.В. Новиков доказывает, что в результате конструктивной соревновательности в реализации полномочий различными уровнями публичной власти появляется «продуктивный конфликт», то есть наиболее эффективная реализация полномочий.

Швейцарский учёный Р.Неф разработал новую модель разграничения полномочий - нонцентрализм, который предлагает обновление компетенций и делегируемых прав снизу вверх. По его мнению, множество мелких, нецентрализованных ошибок на самом низовом уровне намного эффективнее, чем централизованные ошибки единой системы управления. Автор поддерживает данную модель и убеждён, что третья по счёту муниципальная реформа самая эффективная начнётся тогда, когда на практике будет реализована модель нонцентрализма. Из перечня вопросов местного значения в федеральном законе №131 были исключены вопросы социальной поддержки и социального обслуживания уязвимых групп населения, которые традиционно, на протяжении длительного времени были функцией местной власти. Никто лучше органов местного самоуправления не может справиться с этой задачей, дойти до конкретных нужд каждого отдельного человека, использовать мощный резерв общественного участия и общественной поддержки социально незащищенных групп населения. Некоторые субъекты РФ возвратили часть функций по социальной поддержке органам местного самоуправления в виде переданных государственных полномочий и сохранили муниципальную сеть учреждений социального обслуживания. В рамках модели нонцентрализма необходимо закрепить законодательно на федеральном уровне за органами местного самоуправления городских округов и муниципальных районов исполнение государственных полномочий субъектов РФ по вопросам социальной поддержки отдельных категорий граждан, опеки и попечительства, регулирование вопросов занятости и трудовых отношений на своей территории. Эти полномочия раньше входили в круг вопросов местного значения и практика доказала, что они наиболее эффективно реализуются именно на местном уровне. В рамках модели нонцентрализма недопусти-

мо положение о временном законодательном закреплении за органами государственной власти субъектов РФ права распоряжения землями в административных центрах субъектов РФ, собственность на которые не разграничена. Ассоциация муниципальных образований России неоднократно выступала с предложением об отмене в регионах закона о передаче органам государственной власти субъектов РФ права распоряжения землями в административных центрах субъектов РФ. Практика применения этого закона показала, что никаких позитивных результатов он не дал и лишь усложнил всю работу по выделению земельных участков для жилищного и иного строительства. Местные органы власти столичных городов по заявкам органов государственной власти могли бы резервировать земельные участки для их нужд.

Местному самоуправлению приходится бороться со стремлением вышестоящих уровней публичной власти сконцентрировать ресурсы наверху, а ответственность переложить вниз. По нашему мнению, лавинообразное наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями – сегодня главная угроза всей муниципальной реформе.

Литература

1. Собрание законодательства РФ. 2011. №30 (ч.1). Ст. 4595.
2. Материалы заседания Государственного совета РФ 26.12.2011. Муниципальная Россия. 2012. №1(27).
3. Кеня И.А. Практика регулирования вопросов наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2009. №4.
4. Собрание законодательства РФ. 2003. №40. Ст. 3822.
5. Симанова О.В. Местное самоуправление в России в 90-е годы XX-XXI вв.: исторический опыт и практика. Дисс. канд. истор. наук. Краснодар, 2005.
6. Корсби П. Определение понятия «централизации», или «децентрализация» против «централизации» / Актуальные проблемы развития федеративных отношений в РФ. М., 2006.
7. Морева Е.Л. Местная власть в Испании: ход реформ и преобразований // Реформы местного управления в странах Западной Европы. М., 1993.
8. Граверт Р. Финансовая автономия органов местного самоуправления в ФРГ. Государство и право. 1992. №10.
9. Миронова Н.И. Местное самоуправление и муниципальная реформа. <http://www.riku.ru/confs/vremcul/ mironova -25-05.html>.
10. Новиков А.В. Комментарии к проекту Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Кредит Russia. <http://www.earatings.ru/middle.php>.
11. Проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Аналитический вестник. Вып. № 16. Аппарат Государственной Думы. Комитет по вопросам местного самоуправления. М., 2003.
12. Доклад Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества за 2006 год. М., 2007.

Задачи управления процессами международной трудовой миграции на региональном уровне в свете стратегических ориентиров миграционной политики

Аннотация. Статья посвящена анализу задач в управлении миграционными процессами с наиболее актуальной для сегодняшней России категорией мигрантов – трудовой иммиграцией, осуществляемой на законных основаниях на примере Ростовской области. В статье предпринята попытка оценки миграционных потоков в зависимости от профессионально-квалификационных характеристик мигрантов из ряда стран, работающих на предприятиях Ростовской области, на основе дифференцированного подхода при выборочном обследовании.

Ключевые слова. Иностранцы работники, миграционный учет, квалифицированные специалисты, организованный набор, образовательная миграция.

Новые ориентиры и задачи социально-экономического развития страны требуют новой миграционной политики. Система взглядов на содержание, принципы и основные направления миграционной политики представлена в утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (в дальнейшем – Концепция).

Государственная миграционная политика России – это целенаправленная деятельность по регулированию процессов внешней миграции рабочей силы на федеральном и региональном уровне, осуществляемая посредством системы методов, способов, инструментов, применяемых на основе норм права.

Современная миграционная политика и ее совершенствование основывается, с одной стороны, на анализе миграционных процессов в России и тенденциях их развития, а с другой – на учете закономерностей развития международной трудовой миграции и международных норм, регулирующих миграционные процессы в мировом сообществе.

Вместе с тем, сложившаяся в 90-е гг. XX в. и в первое десятилетие XXI в., система управления миграционными процессами была далеко несовершенной, что не позволило использовать внешнюю миграцию в России для решения социально-экономических задач и породило множество проблем не только экономических, но и политических, социальных, национальных, культурных. Противоречия и проблемы, возникшие в результате международной миграцией рабочей силы, анализировались учеными, специалистами-практиками, руководством ФМС РФ, обсуждались

на многочисленных научно-практических конференциях, однако решение этих проблем все еще не найдено.

Одна из причин негативных последствий в сфере миграционных отношений, как констатируется в самой Концепции, в том, что российское миграционное законодательство не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и общества в целом.

В контексте задач, поставленных Концепцией, возникают проблемы, требующие теоретической и практической разработки по совершенствованию государственного управления внешней трудовой миграцией и, прежде всего, формированием рынка квалифицированной рабочей силы.

В последние годы Россия упрощает процедуру получения гражданства для квалифицированных специалистов, но действенный механизм для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля пока не создан. Не созданы и условия для активного формирования структуры рабочей силы на региональных рынках труда в соответствии с потребностями научно-технического и экономического развития, а также отраслевого подхода при учете потребностей в иностранной рабочей силы.

Вся сложность и масштабность проблемы, на наш взгляд, в том, что ее нельзя решить вне учета тенденций глобализации производства и усилении конкуренции на мировом рынке. Россия лишь в начале 90-х гг. прошлого века начала активно интегрироваться в мировую экономику, стала страной масштабной миграции, в том числе, притока неквалифицированных иностранных работников из республик бывшего СССР. Массовый приток дешевой неквалифицированной рабочей силы, продолжающийся до сих, увеличивает технологическое отставание России от Западных стран.

Инновационное, технологическое и экономическое развитие страны объективно ориентирует миграционную политику на привлечение высококвалифицированных специалистов, требует новых подходов к регулированию процессов международной миграции этой категории мигрантов, пересмотра стратегических ориентиров миграционной политики в отношении них и инструментов управления с учетом международного опыта.

Развитые страны столкнулись с этой проблемой в 90-е гг. XX в., когда возникла необходимость в короткие сроки обеспечить специалистами сферу информационных и телекоммуникационных технологий. Успешная практика развитых стран в обеспечении своей экономики высококвалифицированными специалистами посредством проведения активной миграционной политики должна использоваться и в России.

Характерным примером иммиграционной политики, направленной на стимулирование экономического развития страны, может служить про-

грамма «Зеленая карта»*, осуществлявшаяся в Германии в 2000–2004 гг., для привлечения инженеров, программистов и других высококвалифицированных специалистов [1].

Существенная нехватка высококвалифицированных специалистов, особенно инженеров в области машиностроения и инженеров-электриков, стала причиной одобрения правительством ФРГ (декабрь 2011 г.) введения так называемой «Синей карты», тем самым были созданы законодательные предпосылки для привлечения в Германию высококлассных специалистов из стран, не входящих в Евросоюз.

Одним из реальных направлений привлечения квалифицированных специалистов в Россию являются кадры из стран евразийского региона. Россия сегодня аккумулирует масштабные миграционные потоки из стран, входивших ранее в СССР, что определяется исторически обусловленной близостью, а также разницей в экономическом развитии. Более 2/3 трудовой миграции в Россию, приходится на страны СНГ. Так, в 2010 г. в России трудилось 1246,9 тыс. чел. из стран СНГ (что составляет 76,1 %) и 392 тыс. чел. (23,9 %) из других стран мира.

Нынешнее состояние российской экономики не стимулируют спрос на высококвалифицированные и квалифицированные кадры. Поэтому при решении поставленной проблемы необходим дифференцированный подход с учетом уровня социально-экономического развития регионов страны и научно-технического уровня развития отраслей. Огромные различия регионов России порождают необходимость глубокого изучения миграционной ситуации в каждом конкретном регионе с учетом особенностей и перспектив его развития.

Представляет интерес исследование, проведенное Н.В. Париковой, по оценке привлекательности регионов России для зарубежной трудовой миграции, выявившей показатели, характеризующие социально-экономическое развитие регионов и стимулирующие приток зарубежных трудовых мигрантов [2]. По классификации данного автора, Ростовская область входит в число 60 регионов, являющихся средними по привлекательности для притока зарубежных трудовых мигрантов.

Численность иностранных работников в Ростовской области, как видно из данных таблицы 1, составила в 2010 г. 13 889 чел., сократившись

---

* Программа «Зеленая карта» начала действовать 1 августа 2000 г. Основным условием участия в программе являлось наличие у претендента высшего образования по специальности «Информационные и телекоммуникационные технологии» (университетский или политехнический диплом) или же высокой квалификации в данной области, подтверждением которой выступала договоренность с предполагаемым работодателем о годовой зарплате. За четыре года действия программы около 16,8 тыс. иностранных ИТ-специалистов получило разрешения на жительство и работу в Германии.

по сравнению с 2009 г. на 40 %, а по сравнению с 2008 г. – на 53 %. Такое значительное снижение количества оформленных разрешений на работу было обусловлено не только последствиями экономического кризиса, но и введением новых правовых норм, а именно, переходом на прием документов с проектом трудового договора только от работодателей, утвержденных в квоте на 2010 г.; введением с 1 июля 2010 г. патентов, в результате чего иностранные граждане, получавшие ранее разрешения на работу у физических лиц, стали оформлять патенты, которые выдаются вне квоты.

Как видно из таблицы 1, составленной автором статьи на основе данных формы 2-Т (миграция) "Сведения о численности и составе иностранной рабочей силы" за ряд лет, распределение иностранных работников в разрезе отраслей народного хозяйства по Ростовской области в целом отражает общероссийские тенденции*: максимальный процент иностранных работников задействован в строительстве, розничной торговле, промышленности и сельском хозяйстве, в то время как численность иностранных работников в здравоохранении, образовании, научных исследованиях, информационных технологиях в сумме составляет менее одного процента. С сожалением приходится констатировать, что численность занятых деятельностью, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, с 2008 по 2010 г. сократилась более чем в 2 раза – с 48 до 21, а специалистов, занятых в финансовой среде, на треть – с 31 до 23 чел.

Таблица 1

Распределение иностранных работников (ИР) по ряду отраслей народного хозяйства в 2008-2010 гг. (на примере Ростовской области)

Виды экономической деятельности	2008 г.		2009 г.		2010 г.	
	Всего работало ИР	в % к всего ИР	Всего работало ИР	в % к всего ИР	Всего работало ИР	в % к всего ИР
1	2	3	4	5	6	7
Всего иностранных работников	24300	100	23034	100	13889	100
в том числе: сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	999	4,10	1637	7,10	1354	9,70

* Основные сферы деятельности трудовых иммигрантов в России — строительство (39 %), торговля и коммерческая деятельность (23 %), промышленность (13 %), сельское и лесное хозяйство (10 %).

рыболовство, рыбоводство	52	0,20	61	0,20	25	0,20
добыча полезных ископаемых	1484	6,10	1145	5,00	440	3,20
обрабатывающие производства	1310	5,40	1241	5,40	956	6,90
строительство	14224	58,50	12100	52,50	5550	40,00
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2782	11,45	3578	15,50	3124	2,50
транспорт и связь	362	1,50	294	1,28	278	2,00
финансовая деятельность	31	0,10	20	0,09	23	0,20
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	127	0,50	60	0,30	624	4,50
образование			20	0,09	49	0,30
деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	48	0,20	30	0,13	21	0,20
научные исследования и разработки	2	0,01	4	0,02	3	0,02
здравоохранение и предоставление социальных услуг	68	0,30	67	0,30	83	0,60
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	671	2,80	745	3,20	585	4,20
другие виды экономической деятельности	2260	9,20	2078	9,00	804	5,70

Однако распределение иностранных работников в разрезе отраслей народного хозяйства не отражает качественную составляющую трудовой миграции. Так, предприятие по коду ОКВЭД относится, например, к научному консультированию, или производству, а заняты на нем подсобные рабочие. Вот несколько примеров: у ИП Вазыкина А.А., занимающегося консультированием по вопросам коммерческой деятельности и управле-

ния (г. Таганрог), занято 17 подсобных рабочих (из Узбекистана); в ООО «Ростовский литейный завод» (вид деятельности производство чугунных отливок), качественный состав иностранных работников представлен 1 главным специалистом, 3 менеджерами, 3 монтажниками и 12 грузчиками (из Таджикистана); в ООО НПФ «Росагропромавтодонсервис» занят 31 дорожный рабочий (из Таджикистана); в ОАО «Пресс» (вид деятельности – производство кузнечнопрессового оборудования) занято 5 штукатуров и 1 подсобный рабочий (из Таджикистана) и ни одного специалиста или квалифицированного рабочего.

Таким образом, существующие правила учета иностранных работников не позволяют определить их профессионально-квалификационный состав и соотнести его с инновационными, научными, финансовыми и т.п. видами деятельности предприятия.

Можно сделать вывод о том, что распределение иностранных работников не стимулирует отечественную экономику к инновационному развитию. Положение может быть изменено только в случае реального перевода экономики на инновационное развитие.

Один из факторов, определяющих научный уровень исследования – объективная статистическая база. Совершенствование миграционного учета в сфере миграционных отношений является важной стратегической задачей, особенно, это относится к учету квалифицированных специалистов. Существующий миграционный учет не соответствует запросам новой миграционной политики, ставящей во главу угла качественную составляющую трудовой миграции, поскольку *ведомственный учет ведется не по уровню профессионально-квалификационного состава трудящихся-мигрантов, а по видам экономической деятельности.*

Ключевым моментом для понимания современного текущего учета миграции является классификация трудовых мигрантов. Прежде всего, возникает вопрос о понятийном аппарате. В Концепции миграционной политики даются определения таких понятий, как академическая мобильность, временная миграция, долгосрочная миграция, краткосрочная миграция, образовательная (учебная) миграция, сезонная трудовая миграция, трудовая миграция и др. Однако, на взгляд автора статьи, некоторые понятия требуют уточнения. Так, например, в Концепции **временная миграция** определена как международная или внутренняя миграция, которая совершается на определенный период времени без перемены постоянного места жительства; **долгосрочная миграция** – международная или внутренняя миграция, которая совершается на длительный период (не менее одного года); **краткосрочная миграция** – международная или внутренняя миграция, которая совершается на непродолжительный срок (менее одного года); **сезонная трудовая миграция** – вид трудовой миграции иностранных граждан, работа которых по-своему характеру зависит от

сезонных условий и осуществляется только в течение части года. То есть, фактически, временная миграция может быть и долгосрочной, и краткосрочной, и сезонной, принципиальное отличие этой категории от других не дано. Не раскрыты в Концепции понятия высококвалифицированных и квалифицированных иностранных специалистов, хотя в документе проводится четкая ориентация на их привлечение в экономику России.

Один из важнейших вопросов при привлечении иностранной рабочей силы, имеющий практическое значение, это само понятие квалификации (лат. *quālis* – какой, какого качества + *facio* – делаю). В самом общем виде под квалификацией понимается сумма знаний, умений и навыков, которые необходимы человеку для того, чтобы удовлетворять требованиям, предъявляемым к нему в связи с выполнением рабочих заданий.

Во всех странах имеется так называемый квалификационный стандарт, под которым понимается документ, устанавливающий комплекс требований к степени профессиональной готовности работников к выполнению трудовых функций в рамках определенной профессии, специальности (к знаниям, умениям и навыкам).

Для оценки компетентности и уровня квалификации приглашаемого специалиста работодатель или заказчик работ (услуг) использует документы и сведения, подтверждающие наличие у данного специалиста профессиональных знаний и навыков, сведения о результатах трудовой деятельности иностранного гражданина, включая отзывы иных работодателей и заказчиков работ (услуг), в том числе иностранных, сведения, представленные организациями, профессионально занимающимися оценкой и подбором персонала*.

В целях решения проблем обеспечения качества рабочей силы и гарантий работникам на основе национальных квалификационных стандартов в рамках СНГ и Союзного государства Беларуси и России заключены соглашения об унификации Квалификационных справочников. В частности, заключено «Соглашение о сотрудничестве по применению Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих и Квалификационного справочника должностей служащих» от 13 января 1999 г., которое регулирует основные направления сотрудничества

---

* С целью содействия признанию квалификаций каждая страна обеспечивает представление надлежащей и четкой информации о ее системе образования. Решения о признании принимаются в разумные сроки, заранее оговариваемые полномочными органами, осуществляющими признание, и исчисляемые со времени представления всей необходимой информации по данному запросу. Если в признании отказано, объясняются причины этого отказа и сообщаются сведения, касающиеся возможных мер, которые может принять заявитель в целях получения признания на более поздней стадии. Если в признании отказано или если не принято никакого решения, заявитель может обжаловать решение в разумные сроки.

стран в области ЕТКС и КС при осуществлении трудовой деятельности работниками предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности.

Таким образом, в России, принимающей иностранную рабочую силу главным образом из СНГ, обеспечение качества иностранной рабочей силы регулируется соглашениями в рамках Содружества независимых государств о взаимном признании уровней профессиональной подготовки.

В условиях ориентации на модернизацию экономики принципиально важным моментом становится качественная составляющая рабочей силы, прибывающей в регионы РФ.

Выборочные обследования по вопросам международной трудовой миграции на региональном уровне проводятся редко. Однако автор статьи убежден, что они, во-первых, могут быть важным инструментом для мониторинга реализации задач в области управления миграционными процессами на региональном уровне и, во-вторых, научным обоснованием для принятия стратегических решений по вопросам миграционной политики.

Автор статьи в марте-июне 2012 г. провел анализ первичной статистической отчетности предприятий Ростовской области по привлечению иностранных работников из государств, бывших республик СССР.

Информация по иностранной рабочей силе, занятой в РФ, формируется на основе разрешений на работу, выданных иностранцам из стран с визовым порядком въезда и уведомлений от работодателей о привлеченных работниках из безвизовых стран.

В процессе анализа первичной статистической отчетности предприятий Ростовской области по привлечению иностранных работников выявились многочисленные факты повторной, а в ряде случаев и тройной, регистрации одного и того же иностранного работника, что объясняется необходимостью перерегистраций в связи с истечением сроков предыдущей регистрации.

Повторный счет идет также в связи с тем, что службы занятости, направляющие иностранных работников на предприятия, указывают их как работающих. Таким образом, необходимо определить форму статистической отчетности фирм, выполняющих посреднические услуги для работодателей и оформляющим им документы для получения разрешения на привлечение и использование иностранных работников.

В связи с такими повторами трудно оценить реальное количество иностранных работников за определенный период времени, поэтому в своей оценке мы попытались исключить дублирование и определили количество занятых иностранных работников по состоянию на 1 апреля 2012 г. То есть получился как бы срез качественного и количественного состава иностранных работников в данный конкретный момент.

В связи с отмеченными недостатками в статистической отчетности, несмотря на высокую репрезентативность выборки, не исключены погрешности в оценке данных, но соотношение потоков различных категорий мигрантов из разных стран отражает реальную ситуацию, поскольку были использованы одни критерии отбора по уровню профессионально-квалификационного состава трудящихся-мигрантов по трем категориям занятых: квалифицированным специалистам, квалифицированным рабочим и неквалифицированным рабочим. В основу классификации положена структура российского рынка труда в соответствии с Общероссийским классификатором профессий, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДР) и категориями персонала отдельных ведомств.

В категорию квалифицированных специалистов были включены руководители предприятий и специалисты высшего уровня квалификации предприятия (директор, заместитель по экономике, главный бухгалтер, главный инженер, главный технолог, инженер по защите информации и др.), квалифицированные работники сельского и лесного хозяйств, рыболовства и рыболовства, крупных и мелких промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи; во вторую категорию – квалифицированные рабочие – были включены операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики, фрезеровщики, токари-расточники, наладчики оборудования, автоматов и полуавтоматов, электро- и газосварщики, радиомеханики, монтажники, слесари судоремонтники, водители. Сводным показателем оценки квалификации рабочих предприятий является показатель среднего тарифного разряда рабочих. В третью категорию – неквалифицированные рабочие – были включены подсобные рабочие, дорожные рабочие, уборщики, грузчики, сторожа, овощеводы, дворники.

Проведенное исследование позволило предложить меры по совершенствованию учета и порядка привлечения предприятиями иностранных работников для осуществления трудовой деятельности по разным основаниям.

Как видно из данных таблицы 2, качественный состав мигрантов существенно различается по странам их гражданства, что ставит перед органами государственной власти задачу проводить определенную миграционную политику. Усиление организованного, планомерного характера привлечения иностранных работников, будет способствовать привлечению того профессионально-квалификационного уровня, который необходим экономике Ростовской области.

Это направление совершенствования управления потоками квалифицированных специалистов особенно важно в отношениях с Украиной, причем для его реализации существуют и реальные возможности в рамках еврорегиона «Донбасс»; кроме того, среди предприятий, нанимающих

Таблица 2

**Качественный состав иностранных работников (ИР),
занятых на предприятиях Ростовской области по состоянию
на 1 апреля 2012 г. по результатам выборки***

Страна граждан- ства	Предприятия, вклю- ченные в обследование		ИР – все- го, в том чис- ле:	специалисты		квалифициро- ванные рабочие	
	все- го	В том числе индивидуаль- ных предпри- нимателей (ИП)		чис- лен- ность	в % ко всем зая- тым	Чис- лен- ность	в % ко всем зая- тым
Узбеки- стан	165	72	126 4	21	1,6	67	6,0
Таджики- стан	143	73	710	7	0,9	38	5,3
Армения	116	40	209	17	8,0	41	20,0
Украина	162	15	518*	93	18,0	144	27,9

иностранных рабочих из Украины, 90 % составляют ООО, ОАО и ЗАО, и лишь 9 % – ИП (для сравнения: удельный вес ИП, среди предприятий, нанимающих граждан из Таджикистана – 51 %, из Узбекистана – 43 %, из Армении – 40 %).

Должны быть разработаны специальные программы сезонной трудовой миграции в приграничных районах Ростовской области, особенно, связанной с сельскохозяйственными работами. Эти программы, как и в целом миграционную политику, необходимо согласовывать с администрациями приграничных регионов Украины, из которых идет масштабная миграция в Ростовскую область.

Большие возможности организованного набора иностранной рабочей силы необходимой квалификации открываются в связи с образованием Евразийской миграционной системы. Но для этого должны быть разработаны долгосрочные программы привлечения мигрантов с востребованными профессионально-квалификационными и образовательными характеристиками в соответствии с тенденциями развития Ростовской области.

Одним из важнейших направлений придания организованного характера привлечению квалифицированных специалистов являются рекру-

* Таблица составлена автором на основе выборочного обследования уведомлений от работодателей о привлеченных иностранных работниках.

* Следует учесть, что в летние месяцы через границу Ростовской области как приграничной, с Украины поток трудовых мигрантов резко возрастает.

тинговые агентства, специализирующиеся на трудоустройстве высококвалифицированных специалистов^{**}. Как правило, данные службы узкоспециализированы и работают с определенным кругом стран и профессий, они могут в кратчайший срок гарантировать необходимое количество работников нужной квалификации. Кроме того рекрутинговые агентства выступают посредническим звеном на мировом рынке труда и являются структурным элементом в системе национального регулирования потоков международной миграции рабочей силы.

Необходимо также распространить мировую практику государственно-частного партнерства в рамках создания агентств занятости мигрантов, деятельность которых определена в международных документах: Конвенции Международной организации труда о частных агентствах занятости 181 (1997 г.) и Рекомендациях МОТ 188 [3].

Одно из важных направлений активного привлечения квалифицированных кадров – это содействие образовательной (учебной) миграции в Российскую Федерацию^{***}. Потенциал системы образования в миграционной политике России используется слабо, чему есть и серьезные причины: законодательные ограничения для занятости во время обучения, языковой барьер, бытовые сложности, ксенофобия и др.

На мировом рынке экспорта образовательных услуг РФ имеет всего 2 %^{*}. По данным Росстата в 2009/2010 учебном году в России по очной и заочной формам обучения в вузах обучалось 175,6 тыс. иностранных студентов, причем в отличие от трудовой миграции доля студентов из стран СНГ составляет 61 % [4].

Ростовская область является привлекательной для иностранных студентов: около 70 % всех студентов, приезжающих в Южный федеральный округ направляется в ВУЗы Ростова. Это объясняется не только высоким уровнем образовательных учреждений, но и толерантным отношением населения Ростовской области к лицам других национальностей и культур. В 2009/2010 учебном году в Южном Федеральном Университете обучалось 363 иностранных студента, в Донском государственном техническом университете – 364, в Ростовском государственном медицинском университете – 974 (в рейтинге 100 вузов России с наибольшим количеством иностранных студентов РГМУ занял 15 место), в Ростовском госу-

---

^{**} Например, AAI Group (Австралия, Сидней), Roevin Engineering Requirement (Великобритания, Бермингем), Tom Hunt (Россия, Москва), APRIORI (Россия, Москва) Recruiting Partner Group (Украина, Киев) и др.

^{***} Образовательная миграция как источник квалифицированных и интегрированных в стране иностранных граждан широко используется развитыми странами.

^{*} Лидерами экспорта образовательных услуг являются США – 20 % иностранных студентов, Великобритания – 12 % иностранных студентов, Германия – 9 % студентов, Франция – 8 % и Австралия обучает 7 % студентов.

дарственном строительном университете число иностранных студентов составило 244 чел., среди экономических вузов выделился Ростовский государственный экономический университет «РИНХ» – 133 иностранных студентов. В целом же в 2010 г. в Ростовскую область въехало 2 617 иностранных студентов из более чем 70 стран мира.

Студенты являются одной из лучших категорий мигрантов для принимающей страны, поскольку они очень быстро адаптируются, а затем интегрируются в местное общество. Однако большинство из них после получения образования возвращается домой. По мнению автора, в миграционной политике Ростовской области следует предусмотреть условия использования иностранных дипломированных специалистов в социально-экономической сфере региона, для чего необходимо разработать механизм, способствующий, путем предоставления различных социальных гарантий, привлечению специалистов в приоритетные для государства отрасли.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что для совершенствования управления потоками международной трудовой миграции в Ростовской области есть ряд реальных возможностей, основные направления использования которых были рассмотрены в статье. Это, прежде всего, активное формирование качественной структуры иностранной рабочей силы на основе программ в соответствии со стратегией научно-технического и экономического развития Ростовской области, дифференцированного подхода к привлечению занятых из разных стран, а также использование образовательного потенциала ростовских вузов.

Литература

1. Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: Сб. докл. / Ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 187-192.
2. Парикова Н.В. Оценка привлекательности регионов России для зарубежной трудовой миграции // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докл. Восьмой Всероссийской научно-практической Интернет-конференции (27–28 октября 2011 г.) – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. С. 240–250.
3. Рубинская Э.Д. Роль регулирования процессов международной миграции рабочей силы на наднациональном, национальном и внутрорегиональном уровне в период мирового финансового кризиса // Посткризисный мир: глобализация, многополярность, модернизация, институты: материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Архипова и др. - М.: Вузовская книга, 2010.
4. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. Вып. 3 / Министерство образования и науки РФ. М.: Центр социологических исследований, 2011.

УДК 338.2

Бабанов А.Б, к.э.н., доц., Еременко К.П., асп.

Инвестиционно-налоговый инструментарий поддержки инновационной сферы в российской экономике

В статье проводится сравнительный анализ существующих экономических механизмов поддержки инноваций в Российской Федерации и США, описание приоритетных источников финансирования инновационной инфраструктуры, приводятся примеры эффективного использования налогово-кредитных инструментов стимулирования инновационной активности.

Ключевые слова: инновация, инновационная инфраструктура, инновационная политика, инвестиция, инвестиционный климат, прямые инвестиции, закон (нормативно-правовой акт), трансферт технологий, интеллектуальная собственность, договор CRADA, SBIR-программа, наукоград.

В современном мире экономическое развитие страны характеризуется ведущей ролью научно-технического прогресса и интеллектуализацией основных факторов производства. Уровень национальной экономики во многом определяется интенсивностью ведения инновационной деятельности. Страны, обеспечивающие наиболее благоприятные условия в этой сфере, получают значительные преимущества в сфере повышения глобальной конкурентоспособности национальных товаров и услуг, увеличения доли на мировом рынке и, собственно, извлечения дополнительной прибыли.

Инновационная деятельность – это высокие издержки и значительный риск, поэтому она нуждается в государственном патернализме, осуществляемом в форме национальных программ, грантов, прямого и портфельного финансирования, а также в системе льгот, важнейшей составляющей которых является налоговое регулирование инновационной деятельности.

Примером эффективного использования мощностей и ресурсов страны для проведения результативной инновационной политики является организация сбалансированной налогово-финансовой поддержки инновационного предпринимательства правительством США, направленной на создание благоприятной среды для осуществления интенсивных научных разработок и их массового внедрения в производство продукции как во-

енного, так и гражданского назначения. Анализ опыта США в этой сфере может быть полезен для России.

Финансирование НИОКР осуществляется: федеральным правительством (около 30%), бизнес-сектором (свыше 60%), некоммерческими организациями (около 10%) (по данным Национального научного фонда США).

Фундаментальные разработки федеральных лабораторий, значительная часть космических исследований (до 75%), оборонные разработки финансируются государством. К прикладным исследованиям активно привлекается частный капитал либо в рамках CRADA – Договора о совместных научных исследованиях и разработках федеральных лабораторий и частных фирм, либо в рамках SBIR-программы привлечения малого бизнеса к научно-исследовательским работам. По договору CRADA заказчиком НИОКР является федеральный орган государственной власти, исполнителем – федеральная лаборатория с обязательным участием частного бизнеса. SBIR-программа – это грант на финансирование НИОКР, выдаваемый федеральными агентствами малым инновационным фирмам по итогам соответствующего конкурса, состоящий из трех этапов:

– **Этап I – запуск.** Финансирование в размере до 100 000 долл. в течение примерно 6 месяцев для изучения технических характеристик проекта или возможностей идеи или технологии.

– **Этап II – НИОКР.** Финансирование в размере до 750 000 долл. в течение 2 лет на собственно инновационную разработку. На этом этапе разработчиком оценивается коммерческий потенциал проекта.

– **Этап III – трансфер.** Завершающий этап, в течение которого происходит внедрение инновации в производство. На этом этапе фирма должна сама обеспечить финансирование за счет частного предпринимательства или других федеральных агентств, финансируемых не за счет SBIR-программ [1].

На третьем этапе подключаются, как правило, крупные корпорации и фирмы, не желающие рисковать капиталом на начальных стадиях разработки проекта (не более 10 % идей доходят до стадии завершения) [2].

Трансфер технологий представляет собой механизм коммерциализации результатов инновационных разработок. К настоящему времени в США создана сеть трансфера, включающая в себя: Ассоциацию университетов по управлению трансфером технологий (AUTM); Консорциум федеральных лабораторий для передачи технологий; региональные центры трансфера НАСА (всего – 6); Центр коммерциализации технологий (TeCC); Центры промышленных исследований: Acorn Technologies, First Principals, 5iTech; Ассоциации владельцев интеллектуальной собственности; Центр трансфера технологий и создания предприятий (СТТЕС); Глобальный центр интеллектуальной собственности (SPIG); Агентство по раз-

виту сельского хозяйства США; более 50 Центров по передаче технологий в промышленность, созданных в университетах и колледжах и т.д.

Поскольку в Законе от 1984 г. о совместных исследованиях особо было оговорено, что объединение несколькими компаниями своих исследовательских ресурсов для проведения НИОКР не противоречит антitrustовскому законодательству независимо от того, какие доли рынка занимают фирмы-участницы, то это позволило крупным компаниям объединять свои ресурсы для проведения совместных разработок в смежных отраслях. Так, например, Cisco, IBM, Intel, Juniper Networks и Microsoft сформировали отраслевой консорциум по укреплению безопасности интернета Industry Consortium for Advancement of Security on the Internet (ICASI) [3].

Кроме прямого финансирования государство стимулирует привлечение частных инвестиций: венчурного капитала и бизнес-ангелов. По оценке Администрации по делам малого бизнеса США (Small Business Administration) в настоящее время бизнес-ангелами финансируется ежегодно около 30 тыс. компаний.[4]

Кроме прямых инвестиций широко используется налоговое стимулирование инновационной деятельности, являющееся косвенным, но действенным инструментом активизации разработок и внедрения передовых технологий. Это – предоставление налоговых льгот: налоговый кредит в виде скидки на уже начисленный налоговый платеж и специальный режим амортизационных отчислений.

Налоговый кредит, как способ стимулирования развития инновационной деятельности был введен правительством США в 1981г. Налоговые льготы на научную и инновационную деятельность были закреплены 41 статьей Свода законов о доходах от внутриэкономической деятельности в США (Internal Revenue Code Section 41). Для того, чтобы закон работал эффективно, Министерством финансов США были разработаны положения о затратах на исследования, ориентированные на инноваторов, занимающихся только значительным совершенствованием технологий.[5]

Другим видом налогового кредита является введенный в 1996 году *альтернативный приростной налоговый кредит* (Alternative Incremental Research Credit, AIRC). Он рассчитан на меньший объем расходов на инновационные разработки и предоставляется в меньшем объеме налоговых скидок.

Налоговое стимулирование инновационной деятельности, как способ обеспечения положительной динамики экономического развития закреплено региональными законами в 32 штатах США. Одним из ведущих штатов в области стимулирования инновационной деятельности является Калифорния. Уже в 1987 году в этом штате была законодательно закреплена одна из самых высоких ставок налогового кредита – 15%. Анализ результативности применения законодательства штата Калифорния, про-

веденный в 2005 году, показал, что эффективность развития инновационного сектора превышает прогнозируемые показатели не только за счет расширения масштабов НИОКР местными фирмами, но также и за счет привлечения на территорию штата федеральных лабораторий из других регионов.[6]

Поэтому в целях содействия инновационному развитию своих территорий власти штатов применяют систему освобождения предприятия от уплаты региональных налогов, например, при приобретении научного оборудования.[7] Кроме того, американский опыт является ярким примером того, как государство своей гибкой налоговой политикой обеспечивает функционирование механизмов, стимулирующих развитие многостороннего сотрудничества между бизнесом и наукой. К примеру, 75% от суммы контракта с научной организацией учитывается в сумме налогового кредита.

Поскольку отмечалась явная недостаточность 10%-ой прибавки для сотрудничества бизнеса и науки, конгресс утвердил, например, специальный налоговый кредит в размере 20% от взносов в исследовательский консорциум, состоящий из пяти и более фирм, университетов и федеральных лабораторий и осуществляющий деятельность в области энергетических НИОКР.[8]

В современной России происходит процесс формирования институтов инновационной инфраструктуры, облегчающей и оптимизирующей процессы разработки и внедрения новых технологий в производство. Коммерциализацию удачных научных разработок. Так же как и в США, принимаются меры по финансово-кредитному стимулированию инновационной активности предприятий, в том числе и налоговыми методами.

За счет бюджетных средств финансируются фундаментальные научные исследования и разработки и ВПК. Значительные средства на НИОКР выделяются в рамках различных федеральных целевых программ (ФЦП), при реализации которых предусматривается проведение опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ, так, например, ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 - 2013 годы» [9] предусмотрено финансирование за счет средств федерального бюджета в объеме 111,33 млрд. рублей, из которых на НИОКР – более 93 %; в ФЦП «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [10] 77 % средств, выделяемых Правительством РФ в рамках программы, планируется использовать на НИОКР и т.д.

В целях осуществления финансовой поддержки инновационной деятельности в России создана система отраслевых и межотраслевых бюджетных и внебюджетных фондов, привлекается частный капитал.

В целом структуру финансирования НИОКР можно представить в виде авторской схемы формального сектора финансирования инновационной деятельности (рис.1).

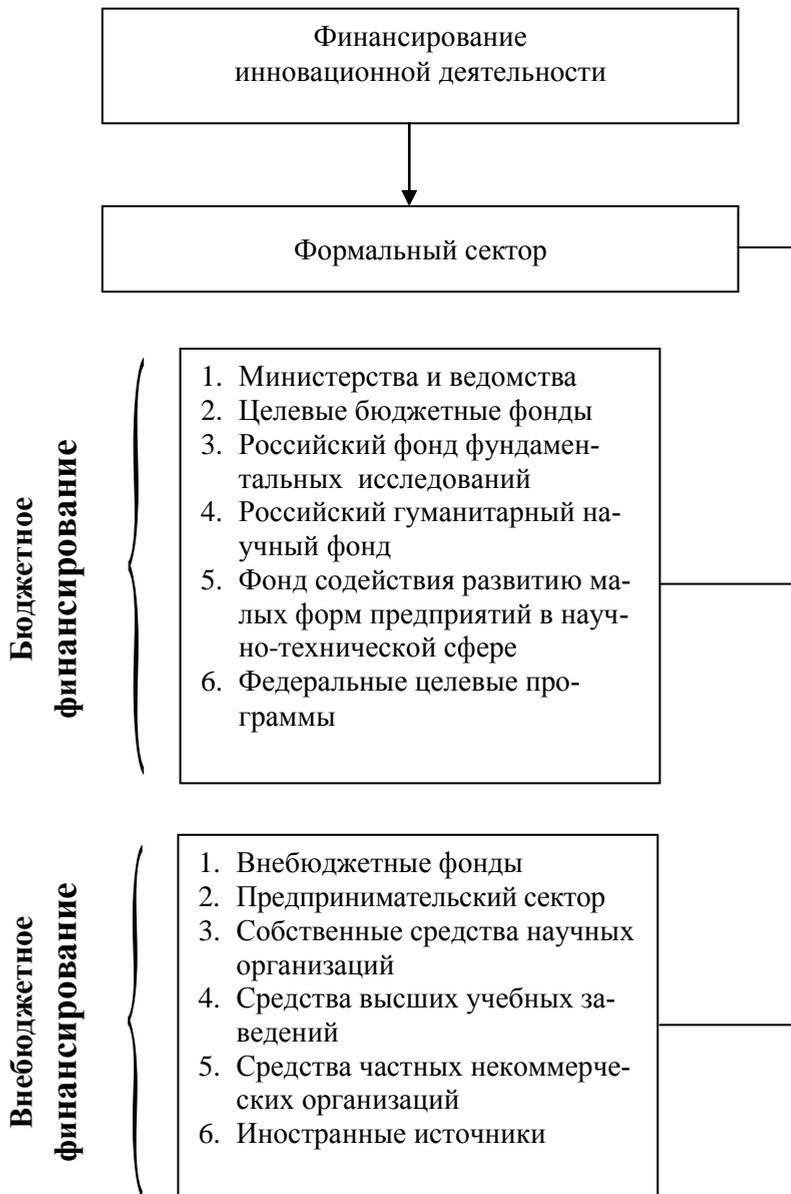

Рис. 1. Схема финансирования

Источники финансирования: средства бюджета, бизнес-сектор, собственные средства научных организаций, бюджетные и внебюджетные фонды, иностранные источники (рис.2).

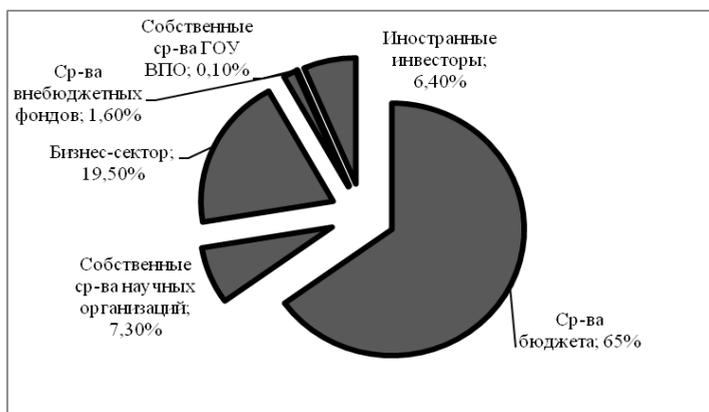

Рис.2. Источники финансирования НИОКР Российской Федерации по данным на 2009 год [11]

Несмотря на продолжительный период реформ в системе органов власти, все более отчетливую тенденцию к сырьевой специализации и монетаристский курс, приведший к оттоку большей части поступающей в обмен на минеральные ресурсы валюты в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, правительство находило возможности для увеличения финансирования НИОКР (рис. 3).

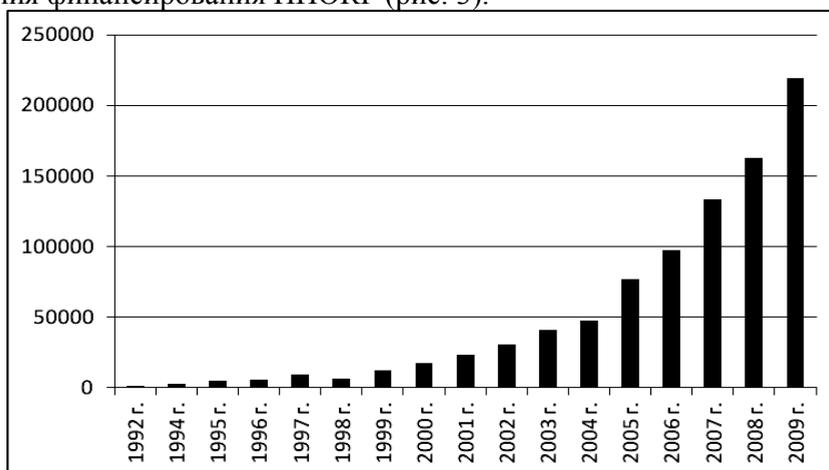

Рис. 3. Бюджетное финансирование НИОКР РФ в 1992-2009гг. [11]

В то же время наблюдалось снижение частных инвестиций в инновационную деятельность, явившееся следствием искусственного ограничения объема циркулирующей денежной массы в рамках проводимой монетаристской политики и завышенных ставок по кредитам, что сущест-

венно сокращало возможность накопления субъектами рынка значительных ресурсов на расширение производства и финансирование долгосрочных проектов, мешало формированию активно функционирующей банковской системы, а так же других инвестиционных институтов финансового рынка, в той или иной степени влияющих на условия для вложения средств в производство инновационной продукции.

Важным аспектом снижения инвестиционной привлекательности регионов стала передача финансирования деятельности наукоградов из федерального ведения в региональное. На региональном и местном уровне наблюдается наличие перманентного бюджетного дефицита, что приводит к дотационности регионов (по данным Института региональной политики количество регионов-доноров в России по итогам 2011г. сократилось до 10-11) [12], и это несмотря на выполнение регионами планов по сбору налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. Но так как большинство налогов и сборов в Российской Федерации относятся к ведению федерального уровня бюджета (65%), получаемые финансовые средства аккумулируются на федеральном уровне, а остающихся местных и региональных налогов (35%) не хватает для реализации регионами инновационных программ развития.

Таким образом, отказавшись от финансирования наукоградов, Федерация оставила за собой выделение средств на развитие и поддержку социальной, инженерной и инновационной инфраструктуры наукоградов РФ (рис.4).

Рис.4. Финансирование наукоградов

Источники: Федеральные законы о бюджетах на 2000 -2011 гг.

Рационализм подобного распределения финансовой ответственности, на наш взгляд, носит спорный характер и должен явиться дискуссионным вопросом при определении основных направлений государствен-

ной научно-технической политики на ближайшую перспективу. На рисунке 4 отчетливо видно резкое снижение финансирования наукоградов.

Взяв курс на сокращение прямого финансирования наукоградов Правительство сосредоточило свои усилия на разработке мер косвенного стимулирования инновационной деятельности, в том числе налоговыми методами.

В статье 149 Главе 21 НК РФ предусмотрен обширный перечень операций, которые освобождены от обложения НДС, в том числе, и связанных с внедрением и разработкой инновационных технологий в производство.

В 2007 году был предложен пакет законопроектов, главной задачей которого было создание дополнительной правовой базы регулирования инновационной деятельности в области налогообложения, он включал в общей сложности 14 законопроектов, в которых были предложены меры по налоговому регулированию. Но после обсуждения законопроектов и последующего принятия законов значительная часть предложений законопроекта не вошла в Налоговый кодекс (НК), несмотря на это в налоговую систему России были введены правовые нормы, регламентирующие особый порядок учета расходов на инновационную деятельность. Так, например, в соответствии с Налоговым кодексом РФ (ч.2 ст. 262 гл.25) предусмотрено полностью принимать расходы на научно-исследовательские и конструкторские разработки (НИОКР), относящиеся к созданию новой или усовершенствованию производимой продукции, после завершения этих разработок и включать в состав прочих расходов равномерно в течение года. Так же не включается в налоговую базу прибыль, расходуемая на обновление, строительство и реконструкцию основных фондов. От НДС освобождаются лизинговые платежи инновационного малого бизнеса. Основная часть этих мер ориентирована на малые предприятия и научно-исследовательские организации.

Так же в структуру Налогового кодекса были внесены специальные поправки с целью обеспечения благоприятного налогового режима для функционирования организаций, работающих в области информационно-коммуникационных технологий.[13]

С 1 января 2008г. освобождена от уплаты налога на добавленную стоимость передача исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, а также прав на их использование на основании лицензионного договора.

В рамках реализации ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России» с 2011 года была снижена ставка по социальным страховым платежам до 14% для предприятий, занимающихся инновационной деятельностью.

В нашей стране применяются налоговые инвестиционные кредиты как система мер по стимулированию инновационной активности, пред-

ставляющие собой отсрочку платежа по налогу на прибыль для проведения предприятием НИОКР внедренческой или инновационной деятельности, технического перевооружения собственного производства. Суммарно размер кредита в течение налогового периода не может превышать 50% суммы налога, подлежащей уплате предприятием.

Таким образом, в настоящее время происходит процесс постепенной реформы российского законодательства, направленный на совершенствование системы стимулирования разработок и внедрения инноваций в производство. Как показывает проведенный анализ, изменение инструментария поддержки и стимулирования инновационной деятельности не привело к существенному увеличению доли инновационной продукции в общем объеме ВВП (табл. 1).[11]

Таблица 1

Объем инновационных товаров, работ, услуг по видам экономической деятельности

	Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн. руб.			В процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Всего по добывающим, обрабатывающим производствам, производству и распределению электроэнергии, газа и воды	916131,6	1046960,0	877684,8	5,5	5,1	4,6

Анализ опыта ведущих стран мира показывает, что устойчивое и последовательное проведение политики совершенствования законодательства ведет к улучшению инновационно-инвестиционного климата в регионах. На наш взгляд, необходимо дальнейшее развитие механизмов стимулирования инновационной деятельности и дальнейшей коммерциализации разработок, что благоприятно скажется на реиндустриализации сложившихся промышленно-экономических комплексов России, и позволит стране преодолеть имеющееся в настоящее время отставание.

Литература

1. Small Business Innovation Development Act of 1982; Public Law 97-219.
2. Калинин В.В. Проблемы трансфера технологий, пути их решения/ В.В. Калинин, М.Л. Катешова// Инновации, 2003. №7.
3. National Cooperative Research Act of 1984; Public Law 98-462.
4. <http://www.venture-news.ru/stati/4737-venchurnaya-rossiya-biznes-angely.html>
5. Internal Revenue Code Section 41, 1981.
6. Lolita Paff «State-Level R&D Tax Credits: A Firm-Level Analysis». Topics in Economic Analysis and Policy. №5, 2005.

7. BIO and Battelle Release State-By-State Analysis of Bioscience Trends, 18.06.2008. <http://www.bio.org/new>.

8. Налоговое стимулирование инновационных процессов/ Под ред. Н.И. Ивановой. М.: ИМЭО РАН, 2009.

9. Постановление Правительства РФ от 17.10.2006 № 613 (ред. от 06.04.2011) «О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 - 2013 годы»// Консультант плюс.

10. Постановление Правительства РФ от 17.02.2011 № 91 «О федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»// Консультант плюс.

11. Россия в цифрах, 2001–2011// Центральная база стат. данных// <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>

12. Материалы III Форума регионов России «Институты модернизации»// [http://kvnews.ru/archive/2012/jur13\(1041\)/other/19951/](http://kvnews.ru/archive/2012/jur13(1041)/other/19951/)

13. Налоговый кодекс. Ч.2 (со всеми изменениями и дополнениями)// Консультант плюс.

УДК 339.9

Максимова Е.Н., к.э.н., доц.

Роль еврорегионов в модернизации и развитии экономики региона

В статье рассматривается интегративная форма приграничного сотрудничества по типу еврорегиона, проанализированы общетеоретические аспекты этого феномена, дана оценка влияния формирования еврорегиона на развитие экономики входящих в его состав территорий.

Ключевые слова и словосочетания: еврорегион, приграничное сотрудничество, интеграция, внешнеэкономическая деятельность, внешнеэкономические связи, еврорегион Донбасс.

Интеграция России в мировую экономику – важнейшая задача, от выполнения которой зависит дальнейшее развитие страны и успешная реализация нынешнего экономического курса. В настоящее время в мире не осталось ни одного государства, которое могло бы существовать изолированно от других участников международных отношений.

Современный этап развития национальной экономики неразрывно связан с интеграционными и глобализационными процессами, которые стимулируют развитие межрегионального и трансграничного сотрудничества между странами. Регионы, принимающие участие в трансграничном сотрудничестве, не только получают возможность решить с приграничными областями соседствующих государств совместные проблемы территорий, наладить экономические связи, привлечь иностранный капитал, стимулировать создание новых рабочих мест, но и использовать транс-

граничное сотрудничество в качестве инструмента, выравнивающего территориальные диспропорции развития [1]. Приграничное сотрудничество может осуществляться в различных формах (табл. 1).

Таблица 1

Модели, формы и направления приграничного сотрудничества [2]

Модель	Возможные формы	Возможные направления
Барьерная	Встречи и консультации; заключение соглашений	Безопасность
Градиентная	Осуществление совместных проектов; создание постоянно действующих рабочих групп	Миграция; приграничная торговля
Контактная	Создание постоянно действующего совместного органа; реализация совместных программ	Культура; социальные контакты; экономика: переток факторов производства, совместные инвестиционные проекты
Интегративная	Создание региона приграничной интеграции	Свободное перемещение людей, товаров, факторов производства, институтов

Из существующих механизмов наиболее эффективным признается деятельность именно по типу «еврорегионов». Еврорегион – приграничные сообщества международного трансграничного сотрудничества европейских стран в области экономики, культуры, образования, транспорта, экологии и др., создаваемые на основе принципов subsidiarity [3], т.е. усиления регионального и локального уровня управления через перенос компетенции на возможно более низкий административный уровень, что предполагает высокое развитие территориального самоуправления [4]. Главным условием создания еврорегиона является заинтересованность соответствующих органов власти (общества) и наличие общей границы [1], в их пределах фактически устраняются таможенные барьеры и препятствия для перемещения рабочей силы.

Основной целью создания еврорегионов является объединение усилий приграничных территорий (местных органов власти) для преодоления их относительной отсталости в социально-экономической сфере из-за отдаленности (изолированности) от центра для решения вопросов, направленных на улучшение жизни населения этих территорий.

Основные направления деятельности еврорегионов следующие: экономика, социальная сфера и культура, транспорт, связь, образование, туризм, здравоохранение и защита окружающей среды. Кроме того, решаются вопросы обустройства совместной границы, миграции населения

приграничных территорий, сотрудничества правоохранительных органов, взаимодействия в чрезвычайных ситуациях [5].

История трансграничного сотрудничества в Европе, по данным некоторых ученых, уходит корнями в XVIII–XIX вв. В это время развивалось сотрудничество муниципалитетов на германо-голландской границе. Франция и Испания также имели опыт создания двусторонних структур по сотрудничеству в районе Пиренеев. Интенсивность трансграничного сотрудничества возросла во второй половине XX века после Второй мировой войны. В 1949 г. между Италией и Австрией был подписан двусторонний договор о поддержке торговли между приграничными итальянскими провинциями и австрийскими землями. В 50-х гг. новый импульс и форму получило развитие трансграничного сотрудничества на германо-голландской границе, где в 1958 г. в районе Гронау и Эншада был образован первый еврорегион EUREGIO в Гронау, прообраз нынешних структур [6]. Затем еврорегионы были созданы вдоль исторического «рейнского коридора» от Италии до Нидерландов с тысячелетним опытом вольных городов. Именно здесь еврорегионы стали наиболее эффективной формой трансграничного сотрудничества. На государственных границах Бельгии, Германии, Люксембурга, Швеции и Италии сформировались экономические «полюса роста» Лимбурга, Саара, Эльзаса, Лотарингии и других исторических областей [3]. В дальнейшем еврорегионы стали распространяться по всей Европе, и сегодня там действует около 130 приграничных и трансграничных регионов, а также 14 крупных межрегиональных объединений [7].

Функционирование еврорегионов осуществляется на основе перераспределения власти между центральным правительством и приграничными сообществами, наделенными полномочиями самостоятельно регулировать свою деятельность и заключать межрегиональные трансграничные соглашения в соответствии с государственным законодательством. Юридической основой деятельности еврорегионов является внутреннее законодательство сотрудничающих стран, Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (ЕКПС) (1980 г.), Европейская Хартия местного самоуправления Совета Европы (1985 г.). Однако как показал опыт стран ЦВЕ, еврорегионы практически не работают, если отсутствуют межгосударственные соглашения по вопросам приграничного сотрудничества между заинтересованными странами, и в начальный период формирования еврорегионов возникают существенные трудности из-за разных уровней экономического развития, дисбаланса в вопросах занятости и производства, этнокультурных и языковых барьеров [3].

В западноевропейских странах идея еврорегионов исторически использовалась для преодоления относительной социально-экономической от-

сталости приграничных регионов по отношению к центру. Этот механизм переняли себе и страны СНГ, в том числе, и Россия, Украина и Беларусь.

С момента распада СССР и образования новых государств возникло множество проблем, обусловленных нарушением хозяйственной, транспортной, социально-культурной инфраструктуры и ослаблением взаимосвязей между государствами, еще недавно представлявшими единую систему. Попытки наладить эффективное взаимодействие, в частности и трансграничное, предпринимались неоднократно, однако ощутимых результатов не дали, поэтому возникла необходимость использования опыта западноевропейской интеграции для обеспечения развития национальной экономики в целом и ее отдельных регионов.

Существующая практика еврорегионального строительства в России показывает, что субъектами еврорегионов чаще всего оказываются регионы, охватывающие целые области, т.е. речь идет о государственных административно-территориальных субъектах [8]. Российские территории в настоящее время входят в целый ряд еврорегиональных образований. По понятным причинам наиболее активным участником трансграничных союзов является российский эксклав Калининградская область [9].

Таблица 2

Еврорегионы с участием России

Год создания	Наименование еврорегиона	Состав участников
1997	«Неман»	5 районов Калининградской области, Гродненская область Белоруссии, Подляское воеводство Польши, Вильнюсский, Алитусский и Марьямпольский поветы Литвы
1998	«Балтика»	Калининградская область (Россия), округа Круноберг, Кальмар и Блекинге (Швеция), округ Борнхольм (Дания), Поморское и Варминьско-Мазурское воеводства (Польша), Клайпедский округ (Литва) и так называемый «Регион планирования побережья Балтийского моря» (Латвия)
1998	«Карелия»	Республика Карелия (Россия), региональные союзы Северная Похьянмаа, Кайнуу и Северная Карелия (Финляндия)

1999	«Сауле»	Неманский и Славский районы и город Славск (Калининградская область), Елгавский район (Латвия), Таурагский и Шауляйский уезды (Литва), лэны Сконе и Сёдерманланд (Швеция)
2003	«Днепр»	Брянская область (Россия), Гомельская область (Белоруссия) и Черниговская область (Украина)
2003	«Слобожанщина»	Белгородская область (Россия) и Харьковская область (Украина)
2003	«Псков-Ливония»	5 районов Псковской области, 4 района Латвии и 3 уездных Союза самоуправления Эстонии
2004	«Шешупе»	6 литовских самоуправлений (Шакяй, Вилкавишкис, Казлу Руда, Калвария, Мариамполь, Юрбаркас), 4 российских муниципальных образования (Краснознаменский, Нестеровский, Гусевский, Озерский и Неманский районы), 2 польских (Голдап, Ковале-Олецк), 1 шведское самоуправление (Экше)
2006	«Ярославна»	Курская область (Россия) и Сумская область (Украина)
2010	«Донбасс»	Ростовская область (Россия), Луганская и Донецкая области (Украина)

Примечание 1. Еврорегион «Псков-Ливония» является самым старым приграничным интеграционным образованием с участием России, поскольку 07.06.1996 г. в городе Пылва (Эстония) был образован Совет по приграничному сотрудничеству приграничных регионов Латвии, Российской Федерации и Эстонии и были подписаны положение и регламент Совета. 19.11.2003 г. Совет был преобразован в Еврорегион «Псков-Ливония» [3].

Примечание 2. В настоящее время изучается целесообразность создания еврорегиона «Азов» (Крым, Донецкая и Запорожская область Украины и российские Краснодарский край и Ростовская область) [1].

Анализ динамики основных показателей социально-экономического развития отечественных участников еврорегионов показывает, что по всем рассмотренным субъектам РФ и практически по всем выбранным показателям просматривается общая позитивная тенденция. При этом по внешнеторговому обороту данных российских регионов рост составил до пяти и более раз. По другим показателям социально-экономического развития темпы роста колеблются в пределах 1,8–4,0 раза. Это свидетельствует о том, что для рассмотренных регионов России еврорегиональная интеграция оказалась весьма положительной [8].

Как видно из таблицы 2, наибольшее количество российских участников еврорегионов приходится на СЗФО, однако для нас особый интерес представляет последний по времени формирования еврорегион «Донбасс», созданный при участии Ростовской области – субъекта РФ, входящий ЮФО.

Ростовскую область РФ, Луганскую и Донецкую области Украины уже много лет связывают тесные добрососедские отношения. Прежде всего, это обусловлено достаточно большой (660 км) протяженностью государственной границы РФ и Украины в пределах Ростовской, Луганской и Донецкой областей. Для Ростовской области Украина является одним из основных внешнеторговых партнеров. На неё приходится 1/3 всего внешнеторгового оборота области, из этой части около 40% приходится на Донецкую и Луганскую области [9].

Результаты многолетней работы по укреплению отношений с этими областями послужили основанием для подготовки и подписания соглашения о создании еврорегиона «Донбасс». 29.10.2010 г. в г. Луганске это соглашение подписали Ростовская и Луганская области, а 19.10.2011 г. к составу участников еврорегиона «Донбасс» присоединилась Донецкая область. Таким образом, его площадь 151 тыс. км², население 11, 7 млн чел. С декабря 2011 г. еврорегион «Донбасс» является членом Ассоциации европейских приграничных регионов (АЕПР).

Еврорегион «Донбасс» не является новой административно-территориальной единицей и представляет собой инструмент для содействия реализации совместных трансграничных проектов, организации прямого сотрудничества и развития приграничных территорий.

Основными направлениями его деятельности являются:

- расширение контактов между жителями приграничных территорий, развитие сотрудничества между учреждениями и организациями, а также субъектами хозяйственной деятельности;
- содействие, в рамках действующего законодательства России и Украины, упрощению пограничных и таможенных процедур при пересечении границы;
- улучшение качества жизни населения, в том числе посредством разработки и реализации мер по увеличению занятости;
- повышение уровня занятости жителей бывших шахтерских территорий российской и украинской сторон, которые потеряли работу в процессе реструктуризации угольной промышленности.

Кроме того, деятельность еврорегиона «Донбасс» позволяет привлекать финансовые ресурсы, предусмотренные на реализацию программ по линии ЕС.

В планах участников еврорегиона «Донбасс» создание новых совместных экономических структур, сотрудничество в промышленности

(например, в машиностроении – «Лугансктепловоз» и «НЭВЗ»), выработка мер по развитию транспортной инфраструктуры (например, участие в восстановлении «Шелкового пути» – строительства автомобильной дороги через всю Украину с запада на восток, через Ростовскую область и с выходом в Казахстан), проекты по созданию логистических центров (Меловое – Чертково, Новошахтинск – Свердловск Луганской области), приграничной торговли, реализация проектов в области туризма, экологии (решение экологических проблем бассейна Северского Донца и Азовского моря с возможностью разведения осетровых в этих водных бассейнах), спорта, культуры и других сферах сотрудничества, что должно положительно сказаться на развитии экономики регионов [9].

Положительные результаты создания еврорегиона уже начали проявляться.

1. Рост по итогам 2011 г. товарооборота между Ростовской, Донецкой и Луганской областями составил 34 %. Товарооборот Ростовской области с Донецкой увеличился сразу на 65 %, составив 982 млн \$ (экспорт 102 млн \$, импорт 880 млн \$). В товарообороте с Луганской областью внешнеторговый баланс составил 226,8 млн \$ (рост на 26 %), из которых экспорт 38,7 млн \$, импорт 188,1 млн \$. Экспорт в Луганскую область для ростовских предпринимателей вырос на 80 %, а в Донецкую – сразу втрое. Импорт же увеличился менее заметно – из Луганска на 34%, из Донецка – в 1,5 раза [7].

2. Примерами развития трансграничной кооперации можно считать расширение производства завода торгового холодильного оборудования «Интертехника-Юг» Матвеево-Курганского района Ростовской области, являющегося российско-украинским СП, участие в развитии угольной отрасли Ростовской области украинской компании «ДТЭК». «Лугансктепловоз» успешно работает в кооперации с Трансмашхолдингом и Новочеркасским электровозостроительным заводом, создавая совместный локомотив, в том числе и для экспортных поставок. Украинская компания «Горные машины» и Каменский машзавод производят горнодобывающую технику для угольной промышленности. В Луганске также готовы делать колёсные пары для нужд ОАО «РЖД», а «Глория Джинс» приобрела там текстильную фабрику. Завод «Красный Луч» совместно с таганрогским «Прибоем» выпускает электроблоки и гидроакустику для оборонно-промышленного комплекса, делает комплектующие для ростовского завода «Роствертол», «Арммех» сотрудничает с комбайновым заводом «Ростсельмаш». Есть проекты в химической, угледобывающей, перерабатывающей отраслях, ЖКХ, АПК, строительстве [10].

3. Развитие среднего и малого бизнеса, предусматривающее создание совместных трансграничных предприятий, считается одним из приоритетных направлений работы еврорегиона [11].

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в сегментах «Добывающая промышленность», «Обрабатывающие производства» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» по итогам прошлого года экономические показатели украинских территорий вполнину опережают аналогичные показатели Ростовской области (от 119,6 до 150,5 % против 109,1–116 %). Кроме того, по инвестициям в основной капитал Донецкая и Луганская области за 9 месяцев 2011 г. показали рост на 55,2 и 28,5 % соответственно, в то время как Ростовская – падение на 15 %. Это означает, что в ближайшие годы в рамках еврорегиона баланс «сырьё/товары» может измениться, и из Украины к нам пойдёт уже готовая продукция [10]. Поэтому Ростовской области необходимо существенно повысить свою инвестиционную активность.

«Донбасс» – единственный еврорегион с участием России, в рамках которого разработана Стратегия социально-экономического развития до 2020 г., принятая Советом еврорегиона «Донбасс» 10.04.2012 г. [12]. Она станет основой региональных целевых программ развития территорий.

Механизм реализации Стратегии включает гармонизацию государственного законодательства, регламентирующего трансграничное сотрудничество и межгосударственное взаимодействие России и Украины, систему мониторинга и анализа социально-экономического развития участников еврорегиона, маркетинговые исследования.

Реализация Стратегии будет финансироваться за счет бюджетирования мероприятий, привлечения инвестиций, фондов еврорегиона «Донбасс», формируемых средствами заинтересованных частных лиц и организаций, а также грантов ЕС и международных организаций.

Однако следует отметить, что в функционировании еврорегионов существуют препятствия в развитии взаимодействия:

- крайне низкие финансовые (инвестиционные) возможности бюджетов приграничных районов в целом и для каждого субъекта РФ;
- ограниченность правовых возможностей органов местного самоуправления;
- депрессивное экономическое состояние приграничных районов;
- недостаточное использование имеющегося геоэкономического потенциала для развития региона.

Приграничные субъекты РФ существенно зависят от дотаций из федерального бюджета, что в большой степени ограничивает их самостоятельность и сдерживает развитие всего трансграничного сотрудничества нашей страны, и, в свою очередь, потенциальное экономическое развитие регионов [8].

Помочь преодолеть эти препятствия могло бы принятие Федерального Закона о приграничном сотрудничестве и предоставление больших правовых и экономических прав приграничным регионам как особым

субъектам Федерации во внешнеэкономическом сотрудничестве с сопредельными государствами. Также нужна разработка специальных программ экономического развития приграничных регионов в новых международных хозяйственных условиях [8].

В развитии еврорегиона «Донбасс» целесообразно было бы использовать опыт функционирования других евререгионов с участием России и Украины, как, например, «Слобожанщина», в части реализации инновационных подходов в организации приграничного сотрудничества, взаимодействия высших учебных заведений регионов, создания добровольных кластерных объединений как формы сотрудничества предприятий и др. [13]. Более эффективному трансграничному сотрудничеству послужит ратификация соглашений между Россией и Украиной на правительственном уровне.

Также стоит учесть, что среди регионов приграничного пояса благоприятные условия для развития имеют те, которые располагаются на глобальных коммуникациях и на коммуникациях, обеспечивающих международное региональное сотрудничество. И в этом отношении Ростовская область, через которую проходит СКЖД, трасса Волгоград – Киев и где располагаются весьма крупный речной порт в г. Ростове-на-Дону и морской порт в г. Таганроге, имеет весьма существенные преимущества.

На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что при реализации всех декларируемых задач и достижении поставленных целей в рамках еврорегиона «Донбасс», а также других действующих евререгионов РФ, эта модель трансграничного взаимодействия позволит решить не только вопросы регионального значения и повлиять на развитие приграничных субъектов, но и создать между граничащими странами новую крепкую хозяйственно-экономическую, социальную и культурную связь, которая поможет модернизировать государства и сделать их ключевыми странами в определении и решении вопросов мировой политики [5].

Совокупный потенциал металлургии, угледобычи, машиностроения и АПК в сочетании с упрощенным таможенным режимом сможет сделать его локомотивом не только местной, но и федеральной промышленности. На сегодняшний день на территории Донецкой области сосредоточена пятая часть промышленного потенциала Украины. Луганская область обеспечивает 8,4 % реализованной промышленной продукции и по объёмам занимает третье место среди регионов страны. Там же добывается почти 35 % всего украинского угля, производится до 15 % всей стали и чугуна, 7 % органических удобрений. На долю Ростовской области приходится около 1,5 % всего промышленного производства России, но вместе с тем здесь существует огромный потенциал для роста. В контексте вступления России в ВТО кооперация в рамках еврорегиона может

стать значительным подспорьем для конкурентной борьбы с более мощными зарубежными производителями [10].

Литература

1. Михайлова Л.И., Замора О.М. Методологические аспекты оценки социально-экономического развития приграничных областей в составе еврорегионов: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/pips/2011_2/tom2/498.pdf
2. Приграничное сотрудничество. Аналитическая записка / Международный форум «Развитие сотрудничества неправительственных организаций (НПО) на Европейском Севере: состояние и перспективы (15-16 сентября 2005 г.). - Официальный сайт Законодательного Собрания Республики Карелия. www.karelia-zs.ru
3. Дергачев В.А. Регионалистика. В 7 кн. Кн. 2. <http://www.dergachev.ru/book-7/index.html>
4. Улахович В.Е. Еврорегионы – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nmnby.eu/news/analytics/288.html>
5. Гришечкин Д.Г. Еврорегион «Донбасс» // Всеукраинская газета "Русский мир. Украина". 2011. 17.05. <http://rusmir.in.ua/eko/1333-evroregion-donbass.html>
6. Улахович В.Е. Еврорегионы – форма укрепления общеевропейского единства. В сб.: Субрегиональное сотрудничество. Перспективы белорусских еврорегионов: материалы междунар. науч. конф. Минск., 2005.
7. Плохих Г.П. Встреча европейских партнеров – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vipvkurske.com/articles/110/>
8. Пишихачева А.А. Развитие взаимодействия и сотрудничества регионов России и ЕС. Автореф. дисс. канд. Эконом. наук. М., 2010. <http://www.guu.ru/files/referate/pshihacheva.pdf>
9. Бударин Г. Еврорегионы с участием России: история создания и перспективы развития. Доклад на XIV «Мастерской будущего» г. Ахен, Германия – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.4cs.ru/materials/publications/wp-id_620/
10. Иванов А. Окно на Украину европейского образца // «Эксперт Юг». 2012. № 15-16 (205).
11. Еврорегион «Донбасс» принял стратегию своего развития до 2020 г. 10.04.2012. http://www.ua.rian.ru/CIS_news/20120410/79028530.html
12. Стратегия социально-экономического развития еврорегиона «Донбасс» до 2020 года // Официальный сайт Министерства экономического развития Ростовской области – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mineconomikiro.ru/a1/a16/strategdonbass/strateg_donbass_13.03.2012.doc
13. Бредихин А.В. Опыт функционирования еврорегионов «Слобожанщина», «Карпаты» и «Днестр» для еврорегиона «Донбасс» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20119/1301.htm>

УДК 323.3

*Понеделков А.В., заслуженный деятель науки РФ,
проф., д.полит.н. Жученко Е.Н., к.полит.н.,
Фасс Ю.С.*

Место и роль ростовской научной элитологической школы в изучении региональных административно-политических элит

Рассмотрены место и роль научной политологической школы в исследовании региональных административно – политических элит.

Ключевые слова и понятия: научные исследования, элитология, трансформации, региональные элиты, лидерство, меритократия.

Ростовская элитологическая школа сложилась на базе кафедры политологии и этнополитики СКАГС. (СКАГС В 2010 году преобразована в Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Далее - ЮРИФ РАНХ И ГС). Школа постоянно развивающийся научный организм. Она растет количественно, пополняясь, прежде всего, за счет подготовленных под руководством ученых кафедры кандидатов и докторов политических наук. К настоящему времени она объединяет большой круг исследователей проблем становления и развития региональных административно-политических элит. Ядро школы составляют члены диссертационного совета по политическим наукам: доктора политических наук А.В.Понеделков, А.М. Старостин, доктор исторических наук С.А.Кислицын, а также доктора и кандидаты защитившиеся в этом совете (за годы его функционирования (с 1999г.) здесь защищено более 30 кандидатских и докторских диссертаций по политической элитологии). Подготовкой специалистов высшей квалификации в области элитологии через аспирантуру и докторантуру школа подтверждает свой высокий научный статус.

Теоретическая и прикладная направленность научных исследований ученых была предопределена спецификой учебного заведения - в ЮРИФ РАНХ И ГС обучается, проходит переподготовку и повышает квалификацию административно-политическая элита регионов Юга России и Северного Кавказа. Поэтому вопросы научного анализа кадрового потен-

циала, совершенствования кадровых процессов и качества кадров государственного и муниципального управления постоянно находятся в центре внимания ученого совета и кафедр института.

Ростовская элитологическая школа не замкнутая организация. Отличительной особенностью исследований, других научных мероприятий, осуществленных ростовскими элитологами, является приоритетность учета особенностей региона. Этому способствует сложившаяся традиция - приглашение к участию в научных мероприятиях ученых из других регионов России и компетентных специалистов органов государственного и муниципального управления Южного федерального округа.

Основными критериями, используемыми нами при характеристике ростовской элитологической школы могут служить следующие:

- наличие теоретического концепта, а также инструментально – методического комплекса, на базе которых преемственно осуществляются индивидуальные и коллективные исследования;
- наличие научного лидера (лидеров), способного сформулировать оригинальную концепцию, предложить метод решения научных задач;
- решение задачи подготовки исследовательских кадров политологов, элитологов, социологов;
- наличие коллектива исследователей, работающих совместно с научным лидером в рамках базовой концепции, методики или единой проблематики;
- наличие общественно – научного признания школы;
- самопрезентация научной школы, сформированность коллективной идентичности;
- публикационная преемственность, прослеживаемая в т.ч. по индексам цитирования;
- осязаемое воздействие на развитие фундаментальных или прикладных научных исследований в рамках отдельной научной дисциплины, научного направления.

Становление российской элитологии, в том числе и ростовской элитологической школы, происходит на фоне переходного периода развития российского общества, обновления административного аппарата, когда активно внедряются ценности демократического общества и рыночной экономики и в тоже время еще живы негативные качества дореволюционного и советского чиновничества.

Кардинальные преобразования российского общества в постсоветский период, изменяют политический, социальный и экономический климат в стране, трансформируют условия функционирования элит, требования к их деловым и нравственным качествам. Идет процесс обновления административного аппарата. Все это объективно выдвигает в число при-

оритетных задачу научного осмысления происходящих количественных и качественных изменений в административно-политической элите.

В этих условиях донские политологи развернули активную исследовательскую деятельность по приращению элитологического знания. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых исследованиях донских элитологов последних лет.

Начнем с наиболее общих результатов. Оценивая некоторые итоги деятельности научной школы, подчеркнем следующее: в процессе разработки методологии элитологических подходов, элитологами ЮРИФ РАНХ и ГС сформулированы и раскрыты принципы социальной и антропологической детерминации элит; цивилизационного своеобразия элит; принципы циркуляции и олигархизации элит; принцип консолидирующих механизмов в элитогенезе и функционировании элит; идеалов и норм научной рациональности; методологической референтности субъекта – исследователя. Обобщения в этой области позволяют сформулировать вывод о формировании элитологической исследовательской парадигмы, что со всей очевидностью подтверждают и результаты исследований.

В отечественной элитологической, политологической науке общепризнанной считается точка зрения, что в условиях российских трансформационных процессов место властного и управленческого воздействия, сфокусированного прежде в идеократической номенклатурной системе, заняло элитное сообщество, главным центром влияния в котором стали современные политическая элита и административно-политические элиты, на всех властных уровнях: федеральном, региональном, местном.

В ходе самореализации современной российской элиты, элитарное сообщество в целом проходит через такие стадии и явления, как:

- элитократизация, обособление элит от общества и максимальная концепция средств влияния и материальных ресурсов;
- сохранение различных источников элитогенеза (бюрократический, этнический, экономический, интеллектуально – информационный, криминальный);
- попытки утверждения иерархии в элитном сообществе и собственно административно – политической элиты в качестве доминирующего центра;
- продолжающееся преобладание влияния интересов глобальных центров влияния над общенациональными;
- децентрализация управления на общегосударственном уровне, связанная с появлением влиятельных субъектов политического влияния в лице различных элитных групп, зачастую строящих свои взаимоотношения в конкурентном и конфликтном режиме, и резкое снижение возможностей самоорганизации и самоуправления – на местном уровне;

- преобладание ситуативных подходов в политическом управлении над перспективными;

- теневилизация общественных и политических отношений, формирование устойчивой двойственной структуры социальных отношений – публично – неформальной.

По нашей оценке, современные элиты менее гетерогенны по своим политико-идеологическим ориентациям, более четко идентифицируют свои интересы в системе государственных целей и приоритетов, более адекватны в профессиональном отношении, хорошо ориентируются в экономической и правовой проблематике, наконец более подготовлены к публичному политическому дискурсу.

Эти, равно как и многие другие, положения нашли детальную проработку в трудах и публикациях основателей научной школы, профессоров А.В. Понеделкова и А.М. Старостина и их учеников*.

В социологических исследованиях проблем региональных элит учеными получены весьма показательные данные. Остановимся на отдельных исследованиях в которых рассматривается процесс формирования в общественном сознании образа политических элит.

В сентябре–октябре 2009 года в 13 субъектах РФ, входивших в состав Южного федерального округа, было опрошено 673 респондента из числа государственных служащих, депутатов представительных органов, руководителей общественных организаций и движений.

Обращает на себя внимание расхождение в оценках состава и деятельности элит по оси «сущее – должное». Сущее – это достаточно низкая оценка деловых и человеческих качеств элитного сообщества и очень низкая – гражданских. Вместе с тем достаточно четко фиксируется запрос на элиту гражданственную, профессиональную, сформированную по заслугам и достижениям.

Однако пути и механизмы коррекции состава и деятельности элит как правило блокируются влиятельными внутригрупповыми структурами самого элитного сообщества.

Далее, следует зафиксировать исключительно значимый факт того, что произошло обновление региональных элит. От рычагов управления постепенно уходит страта, получившая первичный управленческий опыт еще в партийно – советской системе. Она замещается людьми, получив-

---

* Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Монография. Ростов-на-Дону, 2010; Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ)// к заседанию секции «Социология элит» четвертого Всероссийского конгресса социологов», Ростов-на-Дону, 2012; Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М. Основы политической элитологии. Учебное пособие (гриф Минобрнауки РФ), Ростов-на-Дону, 2012. и др.

шими первичный опыт работы в структурах современной администрации. Удельный вес последней страты возрос почти вдвое, достигнув 35% от общего состава.

Оказываются ослабленными также составляющие технократического влияния на региональное управление. Так за последние 15 лет численность представителей элиты с базовым гуманитарным образованием впервые оказалась выше числа тех, кто имеет техническое и естественно-научное образование.

Смещаются и основные региональные «центры власти». Расклад сил пятнадцатилетней давности выглядел так: коррумпированная часть аппарата управления – мафия, криминальные структуры – глава региональной администрации. В настоящее время подобный расклад выглядит иначе, а именно: «глава администрации – богатые люди, коммерсанты, банкиры – коррумпированная часть аппарата управления».

Продолжая цифровые (фактологические) иллюстрации, проявляемые социологией, отметим, что практически неизменным остается предпочтение руководителей – «прагматиков» (до 35 – 36 %); что ослабевает ориентация на лидеров – «патриотов» (до 44 % против 61 % ранее); отдается предпочтение «диктаторам» (5 – 6 %).

Вместе с тем очевидно, что региональные элиты значительно обновились как в структурном, в деятельностно–стилевом, а также и в ценностном измерениях. Они становятся менее гетерогенными по своим политико–идеологическим ориентациям, более четко идентифицируются по интересам в системе государственных целей и приоритетов.

В то же время региональной бюрократии не удалось создать устойчивых механизмов рекрутирования административно – политической элиты. На эту роль не подошли ни новая партийная система, ни сама система административной карьеры, ни силовые структуры. Есть определенные предпосылки к тому, что в ближайшей перспективе может состояться рекрутирование в высшие эшелоны региональной власти представителей бизнеса, прошедших современную школу государственного администрирования.

Это со всей очевидностью проявляется в итогах социологических опросов, когда на одном полюсе группируются негативные оценки по отношению к элитам, например, упрек в отрыве элит от населения; нацеленность элитных слоев на удовлетворение собственных интересов; коррумпированность и даже деградация элит. Второй полюс суждений образуют оценки и наблюдения, не имеющие ярко выраженного ценностно – оценочного характера. Здесь фиксируются структурные и функциональные изменения в постсоветских административно – политических элитах.

Относительно прогноза ожидаемых изменений элитологической ситуации следует сказать, что поскольку в стране до сих пор не сложи-

лись устойчивые традиции публичной политики, то и многие моменты внутриэлитных и межэлитных взаимодействий продолжают оставаться в неформальной и теневой плоскостях.

Довольно емкой характеристикой административно-политической элиты является отношение к ней населения. Об этом свидетельствуют данные социологического опроса населения проведенного в 11 субъектах РФ, входивших в состав Южного федерального округа, а также в трех регионах других федеральных округов (Белгородская область, Челябинская область, Алтайский край) по репрезентативной выборке, разработанной в социологическом центре РАГС при Президенте РФ. В регионах ЮФО было опрошено более 1600 респондентов, в субъектах РФ других федеральных округов – по 400 респондентов.

Ответы населения структурировались в три проблемно-тематических блока: представления и знания населения о современных элитах; оценка эффективности деятельности современных российских элит; меры по улучшению состава и деятельности элит.

Можно выделить ряд общих тенденций в отношении населения к элитам, установить различие оценок по одним и тем же основаниям (что связано, очевидно, с ситуацией в каждом конкретном регионе). Приоритетное место респонденты отводят политическим факторам; далее достаточно четко проявляется и фиксируется в общественном мнении, так сказать, «родовая травма» постсоветских элит – «коррупционность, недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельским признакам». При подборе кадров маловостребованными (18 %) остаются меритократические и демократические механизмы. Вместе с тем, при подборе кадров и респонденты (население) и эксперты указывают на очевидную полезность конкурсного отбора (55 %); уровня образования (47 %), но и не обманываются по поводу факторов, позволяющих оставаться во власти. Это – богатство, деньги – 47 %; лояльность политическому режиму – 28 %; профессионализм – 45 %; престижное образование – 30 %.

Предлагаемые респондентами меры повышения эффективности деятельности элит, имеют весьма разноплановый характер. Наиболее важными мерами признаются:

- улучшение качественного состава элит, профессионализм и деловитость элиты (51 %);
- блокирование механизмов криминального воздействия на элиты (46 %);
- личная ответственность за выполнение обязанностей и поручений (43 %);
- контроль сверху (39 %).

Запускать действие этих механизмов и контролировать их эффективность должны, как считают респонденты, государственные и местные органы власти (59 %), силовые ведомства (50 %), СМИ (38 %). А вот политическим партиям, институтам гражданского общества отведено гораздо меньшее место (от 9 % до 23 %).

В целом отметим, что различия во взглядах жителей различных регионов достаточно незначительны и обуславливаются местной спецификой.

В оценках «центров власти», например, жители республик Северного Кавказа отдают первое место Полномочному представителю Президента РФ (21 %), в то время как жители краев и областей округа этому же властному институту отводят более скромное место (17 %).

В ранжировании факторов, определяющих прочность положения чиновника во власти, население республик отдает приоритет влиянию «богатства, денег» (2-я ранговая позиция, 38 %), а, например, население «славянских» субъектов оценивает значимость этого фактора заметно ниже (5-ранговая позиция, 30 %). Среднее значение этого показателя по ЮФО составляет 36 %.

Жители республик Северного Кавказа значительно ниже оценивают значимость фактора «высокой нравственности» (8-я ранговая позиция, 26 %), в то время как жители равнинных краев и областей дают более высокие оценки (3-я ранговая позиция, 33 %). Среднее значение по регионам входившим тогда в ЮФО – 34 %. Несколько большие расхождения обнаруживаются в ответах на такие вопросы как: соответствуют ли своему статусу региональные элиты по качественным критериям? В итоге, 58,4 % жителей республик заявили, что, да – соответствуют. Тогда как 46,1 % жителей «славянских» субъектов разделяют эту позицию. Жители республик намного чувствительнее относятся к «подбору руководства по родственным и приятельским признакам» (46 % при 30,3 % у «славян»).

Весьма различаются и предпочтения предлагаемых типов руководителя. У жителей республик складывается гораздо больший запрос на «патриотов» (56,8 % против 39,9 % у «славян»). Население субъектов, где доминирует славянское население, почти в равной степени предпочитает и «патриотов», и «прагматиков» (36,3 % против 29,6 % среди жителей республик).

В данном исследовании была использована возможность опросить по тому же опросному листу жителей Белгородской, Челябинской областей и Алтайского края. Было установлено, что ведущие тенденции сохраняются во всех наблюдаемых регионах РФ. Думается, что эти тенденции будут наблюдаться повсюду в российской провинции.

В данной статье в качестве примера речь идет лишь о двух исследованиях, проведенных учеными, составляющими основу ростовской элитологической школы. А такие исследования проводятся практически ежегодно.

Данные научных исследований, как правило, обобщаются и публикуются в коллективных монографиях (более 20), аналитических материалах, научных статьях. В последнее время стал издаваться ежегодник «Элитологические исследования». Изданные материалы направляются в федеральные органы власти и региональные администрации, научные и образовательные организации.

Выводы исследователей, как правило, обсуждаются на научно-практических конференциях и круглых столах. Значимыми явлениями стали конференции: «Административно-политические элиты России: институционализация, самоидентификация, динамика изменений» (2005 г.), «Государственный аппарат и политические реформы в России и Германии» (2006 г.), «Элиты и будущее России: взгляд из регионов» (2007 г.), «Государственная полтика по формированию резерва управленческих кадров» (2009 г.), «Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии» (2012 г.) и др.

Аналитическая деятельность донских элитологов имеет четкую ориентацию на теоретическое исследование актуальных вопросов становления и развития, выявление важнейших характеристик современной административно-политической элиты России и ее регионов, что в определенной степени способствует привлечению внимания и активизации интереса властных структур к результатам научного поиска в сфере формирования, повышения профессионализма и ответственности, улучшения качественных характеристик кадрового состава федеральных и региональных органов управления. Результаты элитологических исследований (непосредственно связанных с проблемами административной реформы, совершенствования государственного управления) активно используются администрациями регионов при выработке научно обоснованных рекомендаций в вопросах количественного и качественного кадрового развития, профессионального обучения управленческих кадров.

Продуктивность научной деятельности ростовских элитологов не могла остаться незамеченной. Основоположник российской элитологии Г.К.Ашин отмечал ростовскую научную элитологическую школу в числе самых заметных и прогрессивных. Он пишет: «Ныне Россия уже не периферия мировой элитологии, какой она была в советское время, школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит, она лидирует, в общей теории элитологии, в истории элитологии.

Последние годы Россия лидирует и в области исследований региональных элит, и именно в этой области ростовчане внесли наибольший вклад в общероссийскую элитологию. Наконец, можно оценить вклад ростовчан в общероссийскую элитологическую копилку по качеству за-

щищенных диссертаций по элитологической проблематике. Пожалуй нигде в России не защищается столько диссертаций по элитологии».

Из сказанного сам собой напрашивается вывод, что научная школа может выступать и выступает в качестве структуры, обладающей мощным потенциалом самоорганизации и независимого саморазвития. Ростовская элитологическая школа накопила опыт организации проведения научных исследований, доведения полученных результатов до властных структур, содействия их внедрению в управленческую практику, в деятельность по кадровому обеспечению органов власти и управления. Это посильные задачи. Но при этом, как минимум, необходимо выполнить условия по процедурам аккредитации научных школ и ассоциаций научных школ, их финансовой поддержке в качестве одного из основных получателей средств на поддержку науки и поддержку их тематики и проблематики, а также обеспечить кадровую поддержку за счет выделения из бюджета мест на подготовку кандидатов и докторов наук.

Литература

1. Административно – политическая элита региона (социологический анализ). Ростов н/Д., 1995
2. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М. Основы политической элитологии. Учебное пособие, Ростов н/Д, 2012;
3. Гаман-Голутвина О.В. Роль элиты в модернизации страны – мировой и отечественный опыт/ О.В. Гаман – Голутвина //Модернизация России как условие ее успешного развития в 21 веке, М., РОССПЭН, 2010;
4. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009. с. 56-58.
5. Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д, 2010;
6. Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ), Ростов н/Д, 2012;
7. Понеделков А.В., Старостин А.М., Верещагина А.В., Самыгин П.С. Основы политологии. Учебное пособие, Ростов н/Д, 2011;
8. Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М. и др. Инновационный аспект в развитии местного самоуправления в России на современном этапе, Ростов-н/Д, изд-во СКАГС, 2010;
9. Элиты и будущее России: взгляд из регионов (Вып. первый). Ростов н/Д, 2007.
10. Элиты и будущее России: взгляд из регионов (Вып. второй). Ростов н/Д, 2007.
11. Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии – Ростов н/Д, 2012 г.
12. Элитологические исследования. Ежегодник 2005. Ростов н/Д, 2006,
13. Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования, Ростов н/Д, 2012.

Добаев И.П., д. философ. н., проф., Умаров Д.В., асп.

Векторы развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и на Северном Кавказе

В статье представлены векторы эволюции современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире. Доказана исключительность внешнего влияния на развитие террористического движения на Северном Кавказе, в своей деятельности опирающегося на идеологические постулаты религиозно-политического экстремизма.

Ключевые слова: «Аль-Каида», братья-мусульмане, глобальный джихад, «Имарат Кавказ», исламизм, радикальный исламизм, Северный Кавказ, терроризм, экстремизм.

К экстремистскому крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе, и террористическую деятельность. Ведение пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном, для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайид Кутб, Абд ас-Салям Фараг, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опираются на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них Ибн Ханбала, Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др.

С. Кутб – теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50-60-е гг. XX в. – написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилии (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческими является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

Идеи Сайида Кутба развил Абд ас-Салям Фараг, который в конце 70-х гг. XX в. основал в Египте отпочковавшуюся от «Братьев-мусульман» ультрарадикальную группировку «Аль-Джихад», особенно активно действовавшую в последней четверти прошлого века и имевшую отношение к убийству президента Анвара Садата. Новизна взглядов А. Фарага в отличие от концепций Сайида Кутба заключалась в ярко выраженном салафитском характере. Следует подчеркнуть, что салафитское крыло в исламе неуклонно апеллирует к сакральным источникам мусульманства, прежде всего, к Корану и Сунне Пророка. Вместе с тем, не стоит забывать, что подобно другим священным книгам, Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы, как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты открыто проповедуют ненависть к «неверным», отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм. Используя отдельные положения из Корана и других священных книг ислама (как, например, призыв «убивайте их там, где найдете, и вытаскивайте их отовсюду, где бы они не прятались»), исламские теологи оправдывают захват чужих земель, подчинение и убийство немусульман. Современные мусульманские школы провозглашают «всемирный джихад» против «неверных» и демонстрируют особенное презрение к евреям, которых они называют не иначе, как «потомками свиней и обезьян» [1].

До конца 80-х гг. книга А. Фарага «Аль-Фарида аль-гайба» («Забытый долг») была практически основным идеологическим источником «Аль-Джихада». Идеи А. Фарага служат идеологической платформой деятельности большинства современных радикальных группировок. Так, он считал, что любой мусульманин, игнорирующий нормы шариата – «неверный, с ним нужно воевать, пока он не вернется к Суду Аллаха и его посланника и не перестанет судить ни в большом, ни в малом другом судом» [2].

Говоря о современных правителях Египта, А. Фараг утверждал, что они «не имеют от ислама ничего, кроме мусульманских имен», и причисляет их к отступникам (муртаддун). Отступник, отмечает он, хуже, чем «неверующий по рождению» (т.е. христианин, иудей и пр.), так как они могут не знать ислама, а отступник осознанно отрекается от веры, зная об ее добродетелях. Ссылаясь на мнение основателей-эпонимов суннитских мазхабов, А. Фараг пишет, что «неверующих по рождению» христиан и иудеев, которые являются общиной покровительствуемых, нельзя убивать. Отступника же разрешено казнить, «он не имеет права завещать свое

имущество кому-либо, его брак теряет юридическую законность, так как он отверг саму основу ислама, он хуже кафира» [3, с. 248-250].

Обвинив в безбожии правящий египетский режим, А.Фараг обосновал этим законность с религиозной точки зрения вооруженного джихада с властями [4, 3, 5]. В своей работе «Забытый долг» он пишет: «Сегодня, несмотря на всю важность джихада, от которого зависит будущее ислама, некоторые улемы пренебрегают этой обязанностью, зная, что это единственная дорога для того, чтобы вновь возвысить ислам... Без всяких сомнений, сегодня идолопоклонство на земле можно свергнуть только силой меча» [6].

По мнению А. Фарага, в то время как умма находится под властью неверного режима, исполнение только пяти столпов ислама становится недостаточным. В этих условиях джихад как вооруженная борьба автоматически становится шестым столпом ислама. Кроме того, джихад в концепции А. Фарага приобретает наступательный характер. По его мнению, «война в исламе ведется для утверждения слова Аллаха на земле как оборонительным образом, так и наступательным... Ислам распространялся мечом, однако безбожные имамы скрывают это... На мусульманах лежит обязанность поднять мечи и направить их на режимы, которые скрывают истину» [4, с. 84-85].

Общая стратегия джихада у А. Фарага определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западно-христианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина. По мнению А. Фарага, джихад становится обязательным, в том числе, и в том случае, если правитель мусульманского государства отвергает руководство по шариату. Тогда такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва [7].

В последующем на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль-Джихада» Айман аз-Завахири, главный идеолог «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды».

Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фарага. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад

есть фард айн – то есть индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей [8, с. 73]. Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считал, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критиковал тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой [8, с. 147-148]. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать» [9].

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отверг тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления исламского призыва. Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди [4, с. 88-89].

В конце 80-х гг. Усама Бен-Ладен вместе с Айманом аз-Завахири создали «Аль-Каиду» в Афганистане, определив свою стратегию и ключевые цели на перспективу. Согласно салафитской идеологии, которую проповедует эта структура, главный удар должен быть направлен против режимов в мусульманских и, прежде всего, арабских странах. Эти режимы рассматриваются как искусственные, противоречащие исламским нормам, представляющие собой орудие Запада по контролю над мусульманским миром. Они были противны «букве и духу Корана» и препятствовали мусульманам в создании «подлинно мусульманского общества». Ближневосточные режимы, утверждали салафиты, были результатом колониальной политики западных держав, которые произвольно разделили арабский мир границами и создали марионеточные правительства. Это, в свою очередь, привело к национализму, взаимным конфликтам и возвышению светской идеологии, не имеющей никакого отношения к принципам подлинно исламского правления. Все это ослабляло арабский мир и не позволяло ему объединить свои силы против истинного врага, коим является западная цивилизация, утверждал влиятельный представитель и наставник Бен-Ладена палестинец Абдалла Азам [10].

Исходя из своего мировоззрения, «джихадисты» стремились свергнуть «искусственные марионеточные режимы» в Египте, Ливии,

Саудовской Аравии и других странах региона и создать на их месте единое исламское государство – халифат, основанный исключительно на предписаниях Корана и других священных арабских текстов. С момента создания «Аль-Каиды», ее региональные ответвления и родственные группировки прилагали отчаянные усилия для достижения цели, мобилизуя боевиков для «джихада», распространяя идеологию и осуществляя дерзкие вылазки, однако до последнего времени все попытки расшатать и свергнуть арабские режимы терпели фиаско.

Вместе с тем, в конце 90-х гг. уже упоминавшийся идеолог радикального исламизма Айман аз-Завахири выдвинул идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» – альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага – вероотступников, так и против внешнего – альянса крестоносцев и сионистов» [10, с. 89]. По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предложил перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце [11, Р. 84].

После терактов в Америке 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири в своей новой книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркнул, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями) [4, с. 91-92].

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах [12], под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Что касается современного Северного Кавказа, то, несомненно, на адептов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных исламистских радикалов, где путь вооруженного противодействия и диверсий – по версии радикалов – джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра» (неверия) и их «пособниками» из числа т.н. «отступников» («муртаддун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего, сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острие терроризма; под вторыми – представители официального ислама.

Идеолог и практик ультра-радикального крыла дагестано-чеченской салафийи Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип – это Ахль аль-Зимми – «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: то есть заключают договор, живут на договорных началах – отсюда зимма (с араб. «договор»). За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии – «договорники», платят подушный налог (джизью), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона-государства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами – это «муадис»: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, – продолжает

Багауддин, – «харби», находящийся у тебя на земле и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле; приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки; охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же приняв ислам, не перейдут на нашу сторону – это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим. Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их ИншаАллах, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы» [13].

В последующем на Северном Кавказе появились и другие идеологи радикального исламизма, среди которых можно назвать дагестанца Абузагира Мантаева, кабардинца Анзора Астемирова, принявшего ислам бурята Саида Бурятского и некоторых других. Характерно, что все они, будучи активными членами террористического бандподполья, были уничтожены в ходе боестолкновений с сотрудниками правоохранительных структур, не сумев вырасти в авторитетных идеологов даже регионального масштаба.

Тем не менее, вследствие и их усилий, современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки зарубежных исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски настроенные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков практически во всех республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е гг. начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали организация системы исламского образования, пропаганда своих взглядов в общеобразовательных и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных произносить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т.д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов

Мусса Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13-14 октября 2005 г. в Нальчике.

Например, бывший «кадий Имарата Кавказ, амир объединенного вилайята Кабарды, Балкарии и Карачая Сайфуллах» (он же – Анзор Астемиров) предоставил ответы на вопросы корреспондента одного из исламистских сайтов, из которых четко прослеживаются его идеологические приоритеты. В частности, он обвиняет северокавказских мусульман в язычестве, подчеркивая, что «в нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества как служение России с ее конституцией и ее законами», отмечая далее, что «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т.п.), клятва уважать конституцию при получении паспорта, возложение венков к могилам «героев России», которые убивали мусульман в Афганистане и на Кавказе и т.д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента. Так что язычество это не только поклонение камням и деревьям. ...Поэтому мы считаем своей первоочередной задачей борьбу против этой формы язычества, как самой опасной для общества...» [14]. Обвинив мусульман, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, в такого рода «язычестве», «кадий Сайфуллах» практически дал санкцию на их убийства, тем более что, по его мнению, «...со временем, под влиянием российской пропаганды, большинство из них заняли твердую антиисламскую позицию» [14].

Таким образом, в ходе второй чеченской кампании, особенно со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились молодые представители северокавказской мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т.д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков т.н. джамаата «Шариат» - Абузагир Мантаев – в 2002 г. в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и влился в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало, среди идеологов и одновременно практиков «джихадизма» уже назывались М. Мукожев, А. Астемиров, С. Бурятский и др.

Однако после уничтожения этих и других «идеологов» северокавказского терроризма, наблюдается явный недостаток такого рода кадров в составе бандподполья, в этой связи ведется усиленный поиск новых фигурантов и одновременно наблюдается вынужденный переход на «идеологические суррогаты». Об этом, в частности, свидетельствует интервью некоего «амира Баксанского района вилайята КБК Имарата Кавказ» Ташу

Казбека. В своем многословии, далеко от доказательной базы салафитов, ссылающихся на сакральные источники мусульманства, этот «муджахед», безо всяких обиняков, ретранслирует пропагандистские клише безвременно ушедших из жизни сотоварищей: «...Наши враги совершают куда более гнусное преступление – они поклоняются идолам, которые наделили себя правом издавать законы, противоречащие Закону Аллаха! А обожествление кого-то или чего-то наряду с Аллахом – самый тяжкий грех. И главная причина, которая побудила нас взять в руки оружие – это защита религии от язычников и возвышение слова Аллаха. ...Работа по уничтожению беспашаевых и других подобных выродков будет проводиться планомерно и методично» [14].

Отсюда следует, что в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое поколение представителей северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах. Однако следует согласиться с московским исламоведом Д.В. Макаровым, который еще в 2000-м г. сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении...» у них «...собственной политической идеологии, соответствующей современным... реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата... не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения...» [15, с. 48]. Этот вывод продолжает оставаться актуальным и по прошествии двенадцати лет.

Вместе с тем, не следует забывать, что в зарубежных средних и высших мусульманских учебных заведениях, в том числе и исламистского толка, продолжают учиться сотни, а может быть, и тысячи молодых северокавказцев. На родине их с нетерпением ждут те, кто делает ставку на дальнейшее развитие идеологической составляющей «джихада», и порой не без оснований.

Краткий обзор этапов и векторов развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе со всей очевидностью свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья.

Литература

1. Либлер Иззи. Где найти умеренного исламиста? // Эхо (русскоязычная еженедельная газета, Израиль). 2011. 7 марта.

2. Малашенко А.В. Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение // НГ-религии. 1997. 25 дек.
3. Примаков Е.М. История одного сговора. М., 1981. С. 248-250.
4. Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003. С. 84, 84-85, 88-89, 91-92.
5. Сейджман Марк. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.
6. Voll J.O. Islam: Continuity and Change in the Modern World. Boulder, 1982. P. 354-355.
7. Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламия фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). б.м. б.г. С. 4-5.
8. Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. С. 73, 147-148.
9. Ruthven M. Islam in the World. N.Y., Oxford, 1984. P. 308.
10. Лапин Я. «Аль-Каида»: провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. 2011. 10 марта; С. 89.
11. Enayat H. Modern Islamic Political Thought. Austin, 1982. P. 84.
12. См., например: <http://www.short-link.de/2054>.
13. Пятничная проповедь Б. Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. 1998. № 6.
14. Личный архив автора.
15. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000. С. 48.

УДК 323.17

*Кузина С.И., д. полит. н., проф.,
Федан М.А., зам.декана по заочному обучению РЮИ РПА МЮ РФ*

Этническая идентичность как фактор самокатегоризации групп в политической системе России

В статье рассматриваются проблемы поиска этнической идентичности в многонациональном российском обществе, обосновывается необходимость баланса соотношения толерантности и этнической идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: этнос; этническая идентичность, самокатегоризация; толерантность; интолерантность; мультикультурализм.

Теория этнической идентичности как вида социальной идентичности получила первоначальное оформление в трудах Х.Тэджфела [1] как идея социального поведения, обусловленного взаимодействием людей на двух уровнях: на межличностном и как представителей определенных общностей. Разработчик теории группового поведения Дж.Тернер пришел к выводу о чисто когнитивной природе идентичности как процесса самокатегоризации личности [2]. Одним из постулатов его теории является возможность существования категоризации на трех разных уровнях, соот-

ветствующих общечеловеческой, социальной и личностной идентичности. Э.Эриксон выделяет два взаимозависимых понятия – групповая идентичность и эго-идентичность. Групповая идентичность формируется с первого дня жизни ребенка, если его воспитание ориентировано на включение его в данную социальную группу, на выработку присущего данной группе мироощущения. Эго-идентичность формируется параллельно с групповой идентичностью и создает у субъекта чувство устойчивости своего Я, несмотря на те изменения, которые происходят с человеком в процессе его роста и развития [3].

Со второй половины XX века в современном мире наряду с процессами глобализации наблюдается заметный подъем этнического самосознания и поиска идентичности. Процессы роста этнической идентичности могут объясняться совокупностью причин:

- реакцией народов отставших в развитии стран на порождающую этнокультурное разделение труда экономическую и технологическую экспансию народов развитых государств;
- интенсификацией внутриэтнического взаимодействия в условиях мировой конкуренции, несмотря на процессы унификации материальной и духовной культуры;
- повышением влияния этнических общностей в экономике и политике и облегчением процессов их сплочения благодаря средствам массовой коммуникации.

При этом этнические общности оказываются в более выгодном положении, чем другие большие группы, например, классы, так как этнос рассматривается как группа, призванная обеспечивать экономические и политические преимущества. Этнос — не единственная группа, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни. Среди таких групп можно назвать партии, религиозные организации, неформальные объединения молодежи и т.д. Многие люди целиком вовлекаются в орбиту таких групп, но опора оказывается не слишком устойчивой, ведь состав группы постоянно обновляется, она может прекратить свое существование, самого человека могут за какой-то проступок из группы исключить.

Этническая же общность устойчива во времени. Это межпоколенная группа, для нее характерна стабильность состава, человека невозможно «исключить» из этноса. Именно благодаря этим качествам этнос является для человека надежной группой поддержки. Правда, необходимо заметить, что в этнические общности в современном, особенно западном, обществе не имеют непререкаемых традиций, многие элементы их культуры – хозяйственная деятельность, жилище, пища, искусство, – интернализированы, поведение предков не рассматривается членами группы как эталон, – в отличие от традиционных обществ. Этнический статус чаще

всего остается неизменным на протяжении всей жизни человека. И все-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование: процесс ее становления не заканчивается в подростковом возрасте. Внешние обстоятельства могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности.

Но, несмотря на инновации, любому обществу, чтобы самосохраниться и саморегулироваться, необходимо воспроизводить связи между поколениями. Более того, в современном мире наблюдаются изменения в настроениях людей – растет интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений. Это изменение есть следствие международных конфликтов, опасности ядерной войны, экологической угрозы, терроризма. Человек ощущает нестабильность окружающего мира. Все больше людей склонны смотреть назад и вглубь, искать поддержку в семье, этносе, защиту в стабильных ценностях предков. Поэтому именно межпоколенные стабильные общности, прежде всего этносы, несмотря на наметившиеся тенденции к их ослаблению, приобретают столь существенное значение в жизни современного человека.

В подходе к проблеме природы поиска этнической идентичности в сообществах на примере Юга России можно выделить три позиции – 1) примордиальный подход, объясняющий этничность как врожденную характеристику, лежащую в основе этнического сознания и поведения, что достаточно сильно артикулировано в традиционной культуре народов Северного Кавказа; 2) инструментальный подход, в рамках которого этничность рассматривается как инструмент достижения целей сплочения и мобилизации группы, используемый политической элитой. Этничность активно используется как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления попорченной национальной гордости, как социальная терапия. Наиболее ярко этот инструмент был использован в нашей стране в 90-е годы прошлого века. Распад государства, разрушение экономики, привычного склада жизни, дестабилизация всех сфер жизни общества вызвал к жизни феномен использования политическим элитами нарождающихся республик «национальной карты» как эффективного мобилизующего средства в целях увеличения своего властного ресурса. Как следствие – в многонациональных субъектах выросла социальная напряженность, возникли межнациональные конфликты, произошли локальные войны, зародился и распространился терроризм. 3) социальный конструктивизм, рассматривающий этничность как форму социальной организации культурных различий и, соответственно, как изменчивое и подверженное манипуляциям явление группового сознания. Этническая идентификация рассматривается как социальный процесс, в котором понятия культурных различий заданы социальным контекстом и связаны с

процессом стратификации или борьбой за получение ресурсов. Этничность понимается как прямое следствие социальных конструкций (реальных и воображаемых), созданных писателями, учеными, идеологами, религиозными деятелями, политиками, и внедряемых в умы людей.

В модели формирования этнической идентичности этнокультурных групп можно выделить два основания – процесс самокатегоризации и стиль культурной адаптации (характер ценностей, отношений, установок и способов поведения). В многосоставных обществах с доминирующим этносом самокатегоризация групп этнических меньшинств может проходить путем:

- ассимиляции – утверждения связи с доминантной группой и ослабления связи с группой меньшинства;
- диссоциации – утверждения связи с меньшинством и игнорирования связи с большинством;
- аккультурации – признание значимости обеих групп, одновременная идентификация с ними;
- маргинализации – отрицание, игнорирование обеих идентификаций.

Поэтому можно говорить о двух способах конструирования личностью собственной этнической идентичности: посредством отождествления и идентификации и путем противопоставления, дифференциации. Доминирующий этнос осуществляет конструирование своей идентичности через закрепления языка как государственного, определение внутренних территориальных границ и обязательную национальную образовательную программу. Этническое меньшинство конструирует свою идентичность путем отталкивания культуры большинства, что потенциально содержит риск перерастания отталкивания в этническое противостояние и конфликт [4]. Баланс интересов может устанавливаться через согласование процессов образования единства этносов через обретение гражданской идентичности и их дифференциации – через становление этнической идентичности. Толерантность становится необходимым условием конструирования социальной идентичности личности с достижением единства и дифференциации гражданской и этнической идентичности. Актуальность приобретает проблема возможности и условий формирования толерантной этнической идентичности.

Толерантность как термин появился еще в эпоху Просвещения, но в арсенале отечественных общественных наук он закрепился лишь в начале 90-х годов XX века. Психологи его рассматривают как феномен личностной и коллективной психологии, культурологи – как феномен культуры определенных ее носителей. Кроме того, толерантность понимается как особая форма деятельности в различных сферах – экономической, политической, культурной и др. Есть у толерантности и политическое наполнение, когда ее рассматривают как элемент политики, применяемый в це-

лях стабилизации общества, предотвращения социальных конфликтов, в особенности на этнической почве.

Полиэтничность российского общества задает особые условия его функционирования: оно невозможно без взаимодействия составляющих его субъектов, и уже в силу этого нуждается в определенном уровне толерантности, терпимости каждого человека, как к собственной личности, так и к инаковости другого. Наиболее общее определение толерантности трактует ее как качество, присущее социальному субъекту, заключающееся в способности осознать и принимать другой субъект как самостоятельный социокультурный феномен и осуществлять с ним социальное взаимодействие. Толерантность обычно рассматривается как социальный феномен. Но необходимо помнить, что человек как элемент биосферы обречен на сосуществование с другими элементами, следовательно, толерантность имеет еще и биологическую природу, заложенную в инстинкт самосохранения человека и его сообществ.

Толерантность обычно проходит через три фазы рефлексии в сознании индивида: сначала как осознание «другого» как социального субъекта, носителя другой культуры; далее – признание социокультурной равносубъектности «другого» (признание права на существование в социуме различных способов жизнедеятельности); и третья фаза – признание того, что культура «другого» является частью культуры всего человечества. Вторая фаза может разветвиться по двум направлениям: признание равносубъектности или ее отрицание. Им соответствуют и разные абстрактные модели поведения: толерантное или интолерантное. Но в реальности они могут не проявляться в чистом виде. В одном и том же человеке они могут переплетаться, сосуществовать. Одно дело – толерантно воспринимать чьи-либо привычки, обычаи, манеры на основе «должного» представления, и другое дело – толерантно относиться к конкретному носителю этих манер и обычаев, представителю другой веры, расы или этничности. И хотя «право на существование» за другим социальным феноменом законодательно закреплено в правовой системе большинства государств, но в обыденном сознании уровень толерантности почти всегда ассоциируется с неформальными нормами, различающими допустимость или недопустимость культурных явлений, присущих «другому». «Терпимость, граничащая с простой вежливостью, сглаживает противоречия, покрывает их пленкой, которая легко рвется при кризисе. Германия была очень цивилизованной страной, но экономический кризис 1929-1933 гг. содрал с нее покровы, создававшиеся сотни лет, и Адольф Гитлер стал фюрером и рейхсканцлером, а очарованные им толпы – штурмовиками и эсэсовцами. Подлинный мир между народами складывается только в глубинах. Только на последней духовной глубине исчезает ненависть рас и вероисповеданий» [5].

Ценностное содержание толерантности в межэтнических и межконфессиональных отношениях в стабильном состоянии социальной системы, как правило, не востребовано. И только в условиях системного кризиса и межсистемного перехода происходит его актуализация, социальное взаимодействие переносится на уровень нормативно-ценностных систем, происходит их взаимная трансформация. Результаты трансформации могут быть для данного социального субъекта количественно более негативными, или более позитивными. Но даже в самой глубокой фазе кризиса, например, во время гражданской войны, нормативно-ценностная система субъектов, представляющая собой совокупность преследуемых целей и средств для их достижения, иногда проявляет свою спасительную адаптивность. Но чтобы трансформация ценностных систем стала не простым слагаемым разных культурных ценностей, а стала симбиозом качественно нового уровня, толерантность к культуре «другого» не должна быть просто помещением «другого» в свою систему координат. Необходимо знание нормативно-ценностной системы «другого», его «раскодировка» вплоть до метафизического ядра. Очевидно, что такой уровень толерантности может быть достигнут только при соответствующем интеллектуальном уровне взаимодействующих социальных субъектов.

Нормативно-ценностные системы являются продуктом не коллективного творчества масс, а только соответствующей интеллектуальной элиты. Не статусной или социальной элиты, а именно интеллектуальной, способной создавать новое знание, новые представления о мире и переводить их содержание в доступный массовому пониманию вербально-визуальный вид. Наличие в обществах таких интеллектуальных элит делает возможным трансформацию нормативно-ценностных систем обществ, достижения ценностного уровня толерантности, делающего возможным новый этап развития общества и придание его содержанию необходимых форм выражения.

Соотношение толерантности и идентичности зависит от наличия и «веса» двух позиций: противоположности и единства. Процесс самокатегоризации при поиске идентичности может проходить через утверждение несовместимости с «другими» и противопоставления толерантности и этнической идентичности – это позиция противоположности (противостояния).

Позиция единства устанавливается через утверждение взаимообусловленности этнической идентичности и толерантности, осознания их единства необходимым условием самосохранения поликультурного общества в условиях глобализации. Позиция противоположности является источником интолерантности в обществе, так как формируется путем отталкивания от «другого», – и чем ближе в социальном пространстве этот «другой», тем больше опасность и вероятность конфликта между ними.

Необходимость соблюдения принципа толерантности требует внимания к мнению и поведению другого, изменения собственного несогласия с его мировоззрением, попытки воспринять его точку зрения, встать на его позицию. Здесь опасность толерантности для этнических идентичностей заключается в их размывании и утрате, что находит отражение в ассимиляции этнических групп меньшинства этнической группой большинства и формировании общей для всего населения групповой идентичности при толерантном отношении к меньшинству со стороны государства. В рамках такого понимания соотношения этнической идентичности и толерантности современный национализм может рассматриваться как бунт идентичности против толерантности.

Однако политику идентичности без толерантности невозможно реализовать в современном обществе в условиях глобализации и мультикультурного разнообразия, плюрализма ценностей без обращения к силовому давлению и репрессивным мерам. Сторонники позиции единства идентичности и толерантности настаивают на том, что толерантность не приводит к ослаблению групповой идентичности, т.к. уважение к "иному" мнению, ценностям, поведению вовсе не предполагает обязательного согласия с тем или иным "отклоняющимся" верованием, мнением, поведением и т.д. Рассматривая толерантность в религиозно-философском аспекте, Дж. Ньюмен, например, определяет ее следующим образом: индивид должен толерантно относиться не столько к какому-то религиозному верованию, сколько в первую очередь принять возможность для другого человека иметь его [6]. Эта точка зрения представляется достаточно убедительной и приемлемой в смысле практической реализации принципа религиозной свободы. Действительно, верующему человеку, прежде всего, важно осознать, что другие люди имеют такие же, как и он, права исповедовать то или иное вероучение либо придерживаться атеистических убеждений. В теории мультикультурализма обосновывается необходимость реализации политики, компенсирующей несправедливые последствия «национального строительства» государств для различных существующих в обществе меньшинств [7].

Достаточное распространение получило понимание мультикультурализм как сохранение самостоятельности многих культур в общества без должного их объединения и согласования. Но о крахе идеологии мультикультурализма заговорили в Западной Европе после многочисленных вспышек насилия в последние годы на почве межнациональной и межрасовой ненависти. Потоки мигрантов в обеспеченную Европу привлекает ее сильная социальная политика, при этом в среде, например, ближневосточных мигрантов преобладают преимущественно иждивенческие настрояния. Так, в Германии имеются турецкие семьи, уже в третьем поколении живущие на социальное пособие, при этом отторгающие социаль-

ные, этические нормы государства, за чей счет они живут. Что не может вызывать протест у определенной части немецких граждан, беспокоящих тем, что 18% населения составляют иностранцы, преимущественно выходцы из исламских стран. При этом «...никакая другая группа мигрантов не практикует обычаев, настолько контрастирующих с немецким образом жизни, как живущие в Германии мусульмане, создающие настоящие «параллельные сообщества» и не желающие знать о стране проживания ничего, кроме адреса ближайшего бюро социальной службы» [8]. Даже политики высшего эшелона власти, такие, как С.Берлускони, говорят: «Мы не хотим, чтобы Италия становилась многокультурной, многонациональной страной» [9].

Вопрос соотношения толерантности и этнической идентичности остается чрезвычайно актуальной для современного российского общества. Существование идентичностей вовсе не обязательно противоречит толерантности. Угроза интолерантности и конфликтности в обществе возникает лишь в случаях нестабильности и проблемности со стороны идентичности. Необходимо обеспечивать условия максимального благоприятствования развитию и стабилизации групповых идентичностей. Интеграция общества должна быть основана на общих идентичностях, одной из наиболее важных из которых является этническая.

Литература

1. Агеев В.С. Исследование межгрупповых отношений в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 1980. №4; Tajfel H., Turner J., Billig M., Bundy R. Social categorization and intergroup behaviour // *Europ. J. Of Soc. Psychol.* 1971. № 1.
2. Turner J. The experimental social psychology of intergroup behaviour // *Intergroup Behaviour* / Eds J. Turner, H. Giles / Oxford, 1981.; Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера // *Психологический журнал*, 1993. Т. 14. № 3.
3. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 2000.; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
4. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства / В сб.: Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современном мире // <http://www.ino-center.ru/doc/IdentichnostiVRossii.pdf>
5. Померанц Г. Прогресс формирует смердяковых намного быстрее, чем Карамазовых // *Новая газета*. 2011. №92. 22.08.. С.22.
6. Хомяков М. Б. Проблема толерантности в христианской философии. Екатеринбург, 2000. С. 5.
7. Barry B. Second Thoughts — and Some First Thoughts Revived // Paul Kelly (ed.) *Multiculturalism Reconsidered. «Culture and Equality» and its Critics*. Polity Press, 2002. Pp. 204–238.
8. Мирзаян Г., Сумленный С. Саррацин пугает, Каддафи покупает // *Эксперт*. – №35. – 6-12 сентября 2010. – С.21.
9. Цит по: Юсуповский А.М. Миграционные вызовы // http://www.perspectivy.info/srez/val/migracionnyje_vyzovy_2007-01-01.htm

**Государственная культурная политика
в системе обеспечения национальной безопасности современной России**

В статье рассматривается система действий, инкорпорируемая в государственную культурную политику как инструментарий поиска адекватных ответов на вызовы и угрозы современности. Автор доказывает необходимость разработки методологии исследования культурной политики на основе концептуализации механизмов сохранения и развития культурного потенциала и наследия страны.

Ключевые слова: государственная культурная политика, национальная безопасность, вызовы и угрозы современности; культура и политическая реальность, преемственность, деградация; размывание духовных основ, культурная экспансия, массовая культура.

Государственная культурная политика в качестве системы научно разработанных и практически реализуемых политико-идеологических и организационно-технологических мер выступает одним из важнейших компонентов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. При этом не требует дополнительной аргументации тезис о том, что ситуация рубежа XX – XXI веков «высветила» проблему динамики культуры, очевидной предпосылкой для чего является тот факт, что именно в этот период “наложение” внешних и внутренних факторов привело к усилению нестабильности и системной неустойчивости в российском обществе.

Такие состояния характерны для периодов интенсивных изменений, реформирования социально-экономической и политической системы. Как правило, они сопровождаются процессами обновления социокультурной парадигмы, активизируя процесс становления гражданского общества, закрепления принципов культурного плюрализма и «мультикультурализма», формирования информационной культуры. Таким образом, противоречивость и конфликтность “переходных” периодов связаны в первую очередь с радикальностью изменений во всех подсистемах культуры [1,2].

Культура современного общества переживает противоречивый переход в постиндустриальное состояние. При этом меняются формы опасности и обеспечения безопасности современного общества, связанные с новыми проблемами и аспектами современной культуры. Проблема обеспечения безопасности начинает перемещаться в сферу практической культурной политики, что связано как, с одной стороны, с

процессами глобализации и информатизации, так и, с другой, - с усложнением социальной жизнедеятельности человека.

В этих условиях проблематика осмысления государственной культурной политики в контексте национальной безопасности все более явно вписывается в политическую теорию, поскольку культура, аккумулированная в политической реальности, способна достигать важных целей – регуляции социального развития и стабилизации общественной жизни, используя при этом средства воздействия на сознание и поведение людей.

Состояние всех сфер, сопровождающееся разрывом социальных связей, отсутствием четких культурных ценностей, стандартов, норм и правил поведения, позволяет говорить о переходном («промежуточном») состоянии постсоветского политического пространства. В итоге существенные когнитивные фрагменты традиционной социальной мысли оказываются в состоянии неопределенности и растерянности, поскольку привыкли оперировать устоявшимися представлениями о жизни общества. Сегодня же социальная мысль видит нечто странное, не очень поддающееся привычным оценкам, а традиционный анализ уже не способен эвристически уловить новую реальность, ускользающую от привычных категориально-концептуальных координат.

В пространстве социальной мысли становится всё более распространённым и постоянно укрепляющимся «наполняющимся» фактами и убедительными подтверждениями очевидное утверждение о том, что национальная безопасность уже не может сводиться лишь к укреплению обороноспособности страны и обеспечению эффективности учреждений и организаций, охраняющих ее государственные и общественные интересы. Национальная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз и опасностей во всех сферах жизнедеятельности, что нацеливает государство на активизацию его ресурсов, институтов и инструментов на принятие мер по созданию безопасных условий жизненного существования.

Обеспечение национальной безопасности приобретает особое значение в периоды радикального обновления основ социально-экономического и государственного строя, когда общество и государство находятся в неустойчиво равновесном состоянии, сталкиваясь с целым комплексом новых угроз, обусловленных нарушением привычных политических и социальных связей в условиях активных трансформационных процессов. Одним из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности, особенно в переходном обществе, каким в настоящее время является Россия, выступает государственная культурная политика в качестве системы научно

разработанных и практически реализуемых политико-идеологических и организационно-технологических мер внутреннего и внешнего характера. Культура, аккумулированная в политике, способна достигать важных целей – регуляции социального развития, стабилизации общественной и политической жизни, используя при этом средства и приемы воздействия на сознание и поведение людей во избежание кризисов и потрясений.

Культура, способствуя ценностному пониманию, осмыслению и осознанию бытия в его единстве и взаимозависимости, существенным образом влияет на состояние национальной безопасности. Именно культурные универсалии являются устойчивыми детерминантами общественного сознания. Система ценностно-смысловых оснований и нравственных норм определяет поведение отдельных индивидов и групп населения в современном обществе [4].

При этом достаточно очевидным представляется то, что проблемы культурной политики – это проблемы государственного и общественного статуса культуры. Связь культуры как составной части и условия всей системы деятельности с национальной безопасностью очевидна. В новых геополитических условиях, связанных с реальными процессами изменения мироустройства, для современной политологии и политической практики актуальным становится изучение проблем национальной безопасности в их неразрывной связи с вопросами культурной политики, поскольку защитно-охранительные возможности культуры от внешних и внутренних угроз национальной безопасности пока что далеко недостаточно используются в современной государственной политике.

Трудности современного российского общества – это, прежде всего, трудности его самоопределения в глобальном, обладающем нарастающей сложностью и противоречивостью, мире. В процессе изменений, происходящих в окружающем мире, в ходе болезненной, сопряжённой со сложностями институционального, технологического, ментального и др. порядка, модернизации и нарастающей открытости России усиливается воздействие на нее разнородных явлений современности, что неизбежно сказывается на защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, в целом на национальной безопасности.

Открытие границ пространства России после распада советской системы, а также воздействие вызовов глобализации стимулировали рост возможностей выбора. В общество хлынули западные модели потребления и инокультурные образцы, в ходе «культурной экспансии» распространяется массовая культура низкого уровня. Одним из «эффектов» активного проникновения массовой (глобальной) культуры является стирание в сознании людей представлений о прошлом, примитивизация настоящего и неспособность сформировать представление о будущем [5, с. 772].

Но опасности в сфере культуры заключаются также в культурной и нравственной деградации, утрате культурного наследия, конфликте старых и новых культурных форм на фоне кризиса институтов демократии и социальном отчуждении личности, социокультурной пассивности прорастающего гражданского общества. Развернувшийся социокультурный кризис свидетельствует об исчерпании возможностей саморазвития общества в данном его качестве. Всеобщность кризиса проявляется как в различных сферах и способах жизнедеятельности общества, так и в ходе взаимопревращения социального и культурного в рамках единой системы кризисных феноменов, существующих в качестве социокультурной тотальности благодаря «миру миров» - человеку, так как последний есть центральный элемент социокультурного кризиса и разрушения социума и культуры есть, прежде всего, разрушение духовного мира индивида [6, с. 83].

Приходится говорить о целом комплексе серьезных внутренних угроз российскому обществу, всем сферам его жизнедеятельности, что ставит на повестку дня противодействие и локализацию этих угроз, нейтрализацию их деструктивного влияния.

В итоге государственная культурная политика призвана выступать важным фактором в обеспечении национальной безопасности. При этом существующей теории и современным политическим практикам обеспечения национальной безопасности пока что не достает адекватных научно-методических подходов к определению и защите жизненно важных интересов личности и общества.

Современной системе обеспечения национальной безопасности присущи, на наш взгляд, следующие недостатки: волюнтаризм в принятии решений в области обеспечения безопасности; отсутствие единой федеральной системы мониторинга угроз жизненно важным интересам объектов безопасности; разобщенность действий органов и сил обеспечения национальной безопасности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; игнорирование науки, современных ее достижений в области формирования и реализации политики безопасности в различных сферах жизни общества [3].

В предметном поле политологии проблема поддержания национальной безопасности средствами культуры и государственной культурной политики конкретизируется как реализация, прежде всего, на уровне политических институтов общества и политической воли. Президент РФ Указом от 12 мая 2009 г. за № 537 утвердил «Стратегию национальной безопасности РФ до 2020 года», которая представляет собою официально признанную систему стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу. Под национальной

безопасностью в Стратегии понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, безопасность государства.

Представляется, что исследование проблем государственной культурной политики в системе обеспечения национальной безопасности имеет особую актуальность для российского общества, характерными чертами которого становится снижение интеллектуального и культурного уровня широких социальных слоев, «размывание» духовных основ, социально-политическая инфантильность, индивидуализм, эгоцентризм и замена подлинных культурных, духовных ценностей мнимыми.

Эти проблемы и явления, неразрывно связанные с проблемой обеспечения безопасности, требуют к себе внимания теоретической рефлексии, исследования, в том числе, культурной безопасности как социального и политического феномена, отражающего защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в сфере культуры. Необходима фундаментальная разработка методологии исследования культурной политики на основе концептуализации механизмов сохранения и развития культурного потенциала и наследия страны, обеспечения преемственности развития российской культуры наряду с поддержкой многообразия культурной жизни, культурных инноваций в целях поиска эффективной модели культурной политики, отвечающей современным реалиям.

Таким образом, актуальность темы настоящего исследования обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, возросшим значением обеспечения национальной безопасности в период радикального обновления основ социально-экономического и государственного строя, когда общество и государство находятся в неустойчиво равновесном состоянии, сталкиваясь с целым комплексом новых вызовов и угроз, обусловленных нарушением привычных социальных связей в условиях трансформационных процессов.

Во-вторых, необходимостью уточнения, уяснения и осмысления опасностей и вызовов в сфере культуры, связанных с культурной и нравственной деградацией, утратой значимости культурного наследия, конфликтом старых и новых культурных форм, нарастанием массовой культуры низкого уровня, сопровождающимися «культурной экспансией» извне на фоне кризиса институтов демократии и социальном отчуждении личности.

В-третьих, тем, что одним из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности выступает государственная культурная политика в качестве системы научно разработанных и практически реализуемых политико-идеологических и организационно-технологических мер внутреннего и внешнего характера.

Концептуальное обновление современной культурной политики России базируется на стремлении общества к расширению смысла понятия «культура», на желании раскрыть истинные возможности культуры как фактора обеспечения «жизнеспособности страны» и социального развития. Принципиально важный момент – самоценность и саморазвитие культуры для человека и то, каким образом ресурс «человечности» выступает фактором культурной политики. Ведь культура формирует ценности и нормы поведения в обществе. Ср: «в центре любой национальной культуры лежит ответ на вопрос «что есть человек?», на который настраиваются все частные культурные нормы и запреты» [5, с. 772].

Литература

1. Астафьева О. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/>
2. Богатырева Т.Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России. М.: ТЕИН, 2002.
3. Возжеников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002.
4. Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. URL: <http://www.astanaforum.kz/2010/>
5. Национальная идея России. В 6 т. Т. II. М.: Научный эксперт, 2012, С. 772.
6. Штомпель О.М. Социокультурный кризис. Теория и методология исследования проблемы. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. С. 83.

Возможности, способы и методы моделирования архаизации политических процессов

Статья посвящена анализу способов и методов моделирования явления архаизации политических процессов.

Ключевые слова: архаизация, традиции, общественное развитие, модернизация, демодернизация, общество транзита, политический процесс, модель архаизации, способы и методы моделирования.

Политическая наука в силу процессов дифференциации и интеграции имеет чрезвычайно разнородный (гетерогенный) характер, а в ее структуру входят десятки частных дисциплин. Естественно, что в силу этого современная политология все чаще обращается к междисциплинарному методическому инструментарию, что позволяет расширить спектр традиционных аналитических подходов, ориентированных на изучение сложных и многогранных политических явлений [1].

Дж.Б.Мангейм и Р.К. Рич пишут, что существует множество причин, в силу которых политологи прибегают к использованию математических моделей. Первая причина, побуждающая нас к моделированию, состоит в том, что модель помогает формализовать происходящие в обществе события. Дело в том, что политическая жизнь достаточно регулярна, для того, чтобы упрощенная неформальная модель ее могла принести определенную пользу. Большая часть того, что случается в области политики, как правило, не является совсем уж неожиданным – на самом деле наличие элемента неожиданности указывает на то, что у нас имеются априорные представления о том, как могут развиваться события, и мы в состоянии осознать факт неожиданного поворота дел. Значит, у нас в мозгу имеются своего рода ментальные модели функционирования политических систем, даже если мы ни разу не пытались выразить их эксплицитно. Модели, в том числе, математические, как раз и помогают эксплицитировать подобные неформальные модели [2].

Моделирование явления архаизации политических процессов связано с представлением политического процесса в разрезе динамики политической системы, то есть как политической системы, представленная в разрезе ее становления, функционирования и развития.

Характеризуя моделирование политических явлений и процессов в логике познания политики, будем исходить из того, что сама по себе теория политики представляет собой дисциплину о принципах, методах и

тенденциях построения научно-теоретических моделей разнообразных политических объектов и явлений, в своей совокупности отображающих как внутреннюю целостность политики в качестве самостоятельного общественного явления, так и специфику ее составляющих. При этом модели выступают когнитивными аналогами реальных феноменов политики, типизированными по определенным параметрам и характеристикам.

В современной политической науке можно выделить два основных уровня - теоретический и прикладной. Если в рамках первого изучаются общие закономерности функционирования мира политического и производятся попытки определить способы и направления его изменения, то представители второго занимаются разработкой методов и способов решения актуальных задач текущей политической практики. Несмотря на относительную молодость отечественной политологической школы, в ней все же четко обозначился приоритет первого уровня, в то время как изысканиям в прикладной сфере было уделено гораздо меньше внимания. Признавая значимость фундаментальных политологических исследований, следует отметить, что прикладные исследования также имеют существенную ценность, поскольку их связь с повседневной политической жизнью прослеживается более четко [3].

Политическая наука с необходимостью включает в себя эмпирический и теоретический уровни и аспекты знаний и исследований. Они тесно взаимодействуют в границах большинства политологических исследований, вбирающих в себя одновременно построение теоретических моделей, концептуализацию и операционализацию понятий и гипотез, так же, как и первичный сбор и анализ политических данных.

О.Ф.Шабров отмечает, что из всех объектов моделирования объекты социально-политической сферы представляют наибольшую сложность, что обусловлено подвижностью социально-политического объекта, большим числом существенных показателей и внешних факторов. Проблема адекватного моделирования объектов и явлений социально-политической сферы связана с зависимостью политических изменений от процессов, протекающих в человеческом сознании, прежде всего политическом. Активная роль человеческого сознания в политических явлениях делает необходимым обращение к пониманию моделирования как процесса отражения [4].

При теоретизировании на самом абстрактном уровне можно выявить политологические дисциплины, в большей степени ориентированные на эмпирические задачи сбора и систематизации фактов (политическая статистика, история политических институтов и движений), и такие преимущественно теоретические разделы политологии, которые заняты конструированием абстрактных моделей и концептов, как, например, теории политической системы и развития, концепции политического созна-

ния и идеологии и т. д. Тем самым обеспечивается «состыковка» теоретического и эмпирического уровней познания политики [5].

Н.Н.Звонарев обращает внимание на то, что политический процесс, который в свою очередь можно разделить на множество более маленьких, является одним из главных составных компонентов политического пространства. Ясно, что для получения более полной информации об устройстве политического пространства, необходимо иметь детальное представление о функционирующих в нем процессах. Какое бы политическое явление мы не изучали, всегда необходимо помнить, что оно само существует в рамках политического процесса и политические процессы происходят в нем. Политический процесс достаточно сложен в плане анализа, так как в нем пересекаются интересы множества групп влияния, каждая из которых преследует свои цели, довольно часто противоположные, и в силу этого вносящие некоторый элемент случайности. В итоге вследствие разнонаправленных векторов интересов различных группировок и огромного количества возможных вариантов исхода событий задача предсказания развития ситуации с использованием обычных аналитических методов уже не представляется легко решаемой [6].

В широком смысле «модель» - аналог (изображение, описание, схема, план) какого-либо объекта, процесса или явления, которые для того, кто осуществляет моделирование, являются оригиналом. Модель — аналог реальности, упрощенное отображение, используемое для научного изучения различных явлений. В сфере политических исследований это понятие широко вошло во второй половине XX в. В методическом плане опирается на специальный раздел логики — теорию моделей и опыт прикладных междисциплинарных проектов различного уровня. В свою очередь, моделирование есть метод практического или теоретического опосредованного оперирования объектом, в ходе которого исследуется непосредственно не сам интересующий нас объект, а некая промежуточная вспомогательная система (естественная или искусственная). Моделирование — изучение реальности посредством построения ее упрощенных образов (моделей) и при соблюдении правил проведения этой процедуры. Моделирование политических процессов в методическом плане сходно с экспериментом в точных науках.

Таким образом, под моделированием как базовым понятием исследовательской процедуры нами понимается исследование определенного объекта посредством оперирования некой вспомогательной системой, гипотеза построения которой находится в соответствии с представлениями о сущности моделируемого объекта. Такая система характеризуется обязательными качествами формальности, абстрагированности, наглядности, опосредованности, объяснительности. Признание моделирования базовым понятием исследовательской процедуры предполагает, с одной стороны,

его применение в самых разнообразных науках, с другой - спецификацию конструируемых моделей в соответствии с особенностями конкретной научной сферы.

Исследование проблематики моделирования в политической сфере на современном этапе предполагает широкое использование междисциплинарных подходов, что определяется как достаточно высоким уровнем общеметодологических исследований моделирования в самых различных средах, так и дефицитом прикладных методологических и методических разработок в области политического прогнозирования. В этой связи особое значение приобретает общая теория систем, имеющая серьезную исследовательскую традицию в России и за рубежом, в русле которой формировались существенные концептуальные подходы к моделированию изучаемых объектов, свойств и отношений. Принципиальные вопросы общей теории систем достаточно подробно разработаны, главным образом, в последние пять десятилетий. Несмотря на различия, порой существенные, во взглядах ученых, понятие системности как одной из важнейших характеристик объективной реальности и способа ее научного отражения утвердилось в современном понимании реального мира, является методологической константой модельного анализа и прогнозирования [7]. Таким образом, под моделированием как базовым понятием исследовательской процедуры нами понимается исследование определенного объекта посредством оперирования некоей вспомогательной системой, гипотеза построения которой находится в соответствии с представлениями о сущности моделируемого объекта. Такая система характеризуется обязательными качествами формальности, абстрагированности, наглядности, опосредованности, объяснительности.

Признание моделирования базовым понятием исследовательской процедуры предполагает, с одной стороны, его применение в самых разнообразных науках, с другой - спецификацию конструируемых моделей в соответствии с особенностями конкретной научной сферы. Моделирование - одна из основных категорий теории познания: на идее моделирования по существу базируется любой метод научного исследования - как теоретический (при котором применяются различного рода знаковые и абстрактные модели), так и экспериментальный, использующий предметные модели.

Методы и способы моделирования явления архаизации политических процессов обусловлены тем, что исследователи расценивают процессы, происходящие в переходных обществах, в том числе, в постсоветской России, в ракурсе проявления архаизации (демодернизации, феодализации и т.п.), когда правящий политический класс и отдельные слои общества обращаются к дореформенному прошлому, начинают опираться на традиционные образцы культуры, более привычные, понятные в ситуации со-

циальных трансформаций. Поэтому представляется необходимым раскрыть теоретико-методологические приемы анализа политических процессов с использованием различных моделей архаизации, определить пути конструирования научно-теоретических моделей архаизации политических процессов в современной политической теории, продемонстрировать верификацию этих моделей применительно к политической практике.

К.Костюк исходит из того, что архаика обычно идентифицируется с очень древними и примитивными формами культуры и социальной жизни. Но это не значит, что с развитием и усложнением обществ она исчезает. Она отступает, становясь редуцированным элементом традиции. Примитивные социальные формы, зафиксированные в традициях, соответствуют примитивным уровням психики. Усложнение социальных форм и традиций требует более глубокой культурной проработки психики. Но простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, застраиваются более высокими слоями.

Основной строительный материал, связывающий и погребаящий архаические слои сознания - традиции. Традиции - защита против хаоса в индивидуальном сознании. Они противостоят как деструктивному давлению хаоса подсознания, так и давлению модернизации, направленному на конструктивную перестройку устоявшихся слоев культурного сознания. В результате двойного давления традиция объективно слабеет и может не выдерживать давления архаики. Интересно, что сама модернизация не может служить угрозой культуры: традиционалисты жалуются на угрозу архаического хаоса и распада вследствие модернизации [8]. Явление архаизации политических процессов тесно связано с модернизацией/демодернизацией, поскольку состояние переходности требует глубокого осмысления происходящих в различных странах мира политических процессов во имя снижения удельного веса энтропии в развитии того или иного общества. Практика настоятельно требует повышения удельного веса моделирования как метода предупреждения возможных кризисных ситуации в ходе процессов модернизации/демодернизации.

С. Хантингтон в работе «Политический порядок в меняющемся обществе», писал, что главная задача модернизации - это способность политических институтов адаптироваться к новым условиям, основанная не на уровне их демократизации, а на прочности и организованности. Исходя из концепций властной мотивации, на стадии перемен только жесткий авторитарный режим, контролирующий порядок, способен аккумулировать необходимые ресурсы для трансформации и обеспечить национальное единство и переход к рынку. При этом С. Хантингтон выделяет и ряд условий, благоприятных для преобразований, а также формулирует несколько «советов» для авторитарных правителей переходных эпох, которым, по его мнению, необходимо следовать для эффективности реформистской поли-

тики. В целом условия и «советы» сводятся к компетентной политике, учитывающей конъюнктуру и расстановку политических сил [9].

В политической сфере Ш.Эйзенштадт выделял следующие особенности модернизации: рост территориального масштаба политической деятельности вследствие интенсификации властных потенциалов центральных, законодательных, исполнительных, политических институтов; непрерывную диффузию "политической власти по направлению к более широким массам населения - вплоть до каждого взрослого человека; их включение в консенсусный моральный порядок"; смену традиционных моделей легитимации верховной власти, опиравшихся на сверхъестественные источники, современными; признание ответственности правительства перед гражданами, которые превращались в конечных носителей политической власти [10].

Согласно В.С.Мартьянову, в политической области вторжение власти в автономный код знания происходит через морализацию политики, путем постановки ее цели как достижения всеобщего блага. Последнее может опираться лишь на истину принимающую характер абсолютного значения для всех. Поэтому достижение конечной истины здесь заранее объявляется невозможным, поскольку любой индивид или группа изначально ангажированы своими субъективными интересами. И здесь происходит логичная замена недостижимой объективной истины для всех технологическим критерием - консенсусом, акцентирующем внимание на эффективности взаимодействия. То есть, обычно метаязык власти в политической науке производит политическую теорию, заменяющую содержательность общественного соглашения формализованными процедурами.

Важно рассмотреть, как архаизация, описанная с помощью той или иной теоретической модели, проявляет себя и, при этом, влияет на язык описания, примененный в конкретной модели. Одни модели строятся по принципу внешнего сходства с отображаемыми объектами, другие являются аналогами или имитаторами таких объектов по свойствам или сущности, третьи дают символическую картину моделируемых объектов или явлений. В любом случае модели - это разумно-полезное приближение к реальной действительности, и они не претендуют ни на что большее.

Таким образом, методы и способы моделирования явления архаизации политических процессов обусловлены тем, что исследователи расценивают процессы, происходящие в переходных обществах, в том числе, в постсоветской России, в ракурсе проявления архаизации (демодернизации, феодализации и т.п.), когда правящий политический класс и отдельные слои общества обращаются к дореформенному прошлому, начинают опираться на традиционные образцы культуры, более привычные, понятные в ситуации социальных трансформаций. Поэтому представляется необходимым раскрыть теоретико-методологические приемы анализа поли-

тических процессов с использованием различных моделей архаизации, определить пути конструирования научно-теоретических моделей архаизации политических процессов в современной политической теории, продемонстрировать верификацию этих моделей применительно к политической практике.

Литература

1. Боришполец К. П. Методы политических исследований. – М., 2005. С. 136; Баскакова Ю. М. Моделирование политической реальности: количественные аспекты. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2006.
2. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. – М.: Издательство “Весь Мир”, 1997, С. 475-476.
3. Симонов К.В. Политический анализ//<http://lib.socio.msu.ru/1/>; Баскакова Ю. М. Моделирование политической реальности: количественные аспекты. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2006.
4. Шабров О.Ф. Моделирование социально-политических объектов: специфика и границы применимости // Моделирование в социально-политической сфере: Труды межвузовского научно-практического семинара. Москва, 27 апреля 2004 года / Сост. О.Ф.Шабров. – М., Изд-во Национального института бизнеса, 2004, с. 6-7.
5. Дегтярев А.А. Основы политической теории. Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1998, С. 20.
6. См.: Звонарев Н. Н. Моделирование динамики политических процессов: формальный подход. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. - Саратов, 2007.
7. См.: Володенков С. В. Моделирование современных политических процессов: сущность и границы применения. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2000.
8. Костюк К. Архаика и модерн в российской культуре// Социологический журнал, 1999, № 3-4//<http://www.spasi.ru/>
9. См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.
10. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы// Экономическая история. Обзорение. Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 152-153.

**Международные террористические угрозы
и сотрудничество России на постсоветском пространстве**

В статье отмечается, что отечественные разработки в области противодействия терроризму должны системно учитывать мировой опыт. Будущее за интеграцией совместных мировых усилий, направленных на предупреждение терроризма.

Ключевые слова: терроризм, национальная безопасность, эндогенные и экзогенные факторы, глобализация.

Терроризм вот уже на протяжении нескольких последних десятилетий признается фактором, представляющим одну из основных угроз национальной безопасности как отдельно взятых государств [1, п. 37], так и мирового сообщества в целом. Из отдельных «истеричных вылазок» бандитов – террористов на «благодатной» почве кризисности, а зачастую и безволия властей, смогла окрепнуть и нанести неизмеримый урон чувствам миллионов людей, репутации и экономике государств «террористическая гидра».

«Что лежит в основе терроризма?». По полученным данным, самый распространенный ответ был «политические интересы» (58,46 %). Терроризм родился в тот день, когда зародилась политика. Выражаясь более широко, терроризм – это орудие, с помощью которого державы ведут между собой битвы, пытаясь запугать народ и посеять панику, а следовательно, привести страну к нестабильности и политической ослабленности. Интернациональный характер жизни людей, новые средства связи и информации, новые виды вооружений резко снижают значимость государственных границ и иных средств защиты от терроризма. Возрастает многообразие террористической деятельности, которая все больше увязывается с национальными, религиозными, этническими конфликтами, сепаратистскими и освободительными движениями.

В современной научной литературе приводятся доводы, возводящие борьбу с терроризмом до уровня единого смысла усилий мирового сообщества и усматривающие иные мотивы в «особом» внимании глав государств и правительств борьбе с терроризмом – циничная и необоснованная растрата колоссальных сил и средств «уходит» на химерических врагов, как правило ими же и возвращенных, в целях подрыва безопасности других государств, в борьбе за мировое господство, богатые стратегически важными ресурсами территории.

Констатируем отсутствие единства во мнении по поводу понимания сущности и причинности данного негативного явления: что это –

крайняя форма «точка кипения в обществе» или все же завуалированная под нее, направленная агрессия в отношении конкретных политических сил, государств? Едино лишь то, что терроризм представляет глобальную угрозу для человечества, а соответственно детальный анализ данного явления и поиск путей и средств его предотвращения, борьбы с ним и минимизации последствий, обоснован и необходим.

Всероссийский центр изучения общественного мнения выявил, что одним из наиболее эффективных способов борьбы с терроризмом в нашей стране россиянам кажется ужесточение миграционного законодательства, контроля за передвижениями мигрантов (6 %). Но ...изначально необходимо искоренить коррупцию. По 5 % опрошенных результативными считают следующие меры: улучшение работы спецслужб, повышение профессионализма их работников, повышение бдительности населения, усиление охраны государственных границ и жизненно важных объектов на территории страны, общественных мест. Еще 4 % советуют радикально ужесточить антитеррористическое законодательство, вплоть до введения смертной казни [2].

Активная политико-правовая деятельность органов государственной власти Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму началась во второй половине 90-х гг. XX столетия в ответ на развязанную международным терроризмом войну в Чеченской Республике и в других регионах Северного Кавказа. Такие Федеральные законы, как «О борьбе с терроризмом» и «О противодействии экстремистской деятельности» заложили нормативную правовую основу для ведения взвешенной и организованной антитеррористической деятельности России [3].

Определяющими составляющими успеха в противодействии терроризму будет анализ и последующее применение методов, выявляющих специфику, а соответственно сущность и причинность антисоциального явления, синтезирующих в себе как комплекс мероприятий социальной, экономической, политической направленности, развитие сбалансированной законодательной политики, а также применение предупреждающих военно-тактических мер.

Террористические атаки на Россию, в том числе и события наших дней в Дагестане, в Чеченской Республике в девяностые, так или иначе, но имеют экспортную составляющую из-за рубежа. Соответственно данные обстоятельства должны рассматриваться как самостоятельные факторы, влияющие на степень террористических рисков [4].

В Россию продолжает экспортироваться из-за рубежа преступность общеуголовной направленности, а вместе с ней возникает и риск проникновения террористической угрозы. Данное явление происходит в основном на приграничных территориях, так как там террористам действовать наиболее выгодно. Система европейских границ, как и система

границ стран СНГ, столкнется с новыми вызовами [2]. Своевременный их анализ и учет необходим в целях выработки более действенных превентивных антитеррористических мер.

Выделим некоторые существенные внешние факторы, способствующие распространению на территорию РФ террористических угроз:

- Центробежные процессы в мире.

«На современном этапе терроризм как сложное социально-политическое явление отличается высоким уровнем организованности, устойчивым финансированием, новейшим техническим оснащением, привлечением в свои ряды не только фанатиков, отчаявшихся безработных, обездоленных, но и профессионально подготовленных квалифицированных специалистов. Террористические силы связаны с противоправной деятельностью трансграничной организованной преступности, занятой в сферах незаконного оборота оружия, наркотрафика, нелегальной миграции, контрабанды товаров и грузов, расхищения и незаконного вывоза природных ресурсов.

Международное террористическое сообщество научилось маневрировать силами и средствами, перебрасывать нелегальными каналами большие массы оружия и боевиков, он стал серьезным фактором инициирования и формирования очагов военной опасности и милитаризации ситуации в ряде регионов мира.

Прежде существовала более определенная линия между войной и терроризмом. Сейчас усилиями и стараниями идеологов и практиков террора она становится как бы все более условной, подвижной. Происходит своего рода смешение и подмена причин и целей кампаний террора и войны. Это подтверждается многолетними событиями в Индии, Шри Ланке, Турции, на территории бывшего СССР – в Приднестровье, Грузии, Чечне, Таджикистане, в зоне армяно-азербайджанского конфликта и др.

Реальные черты приобрела угроза, когда терроризм может стать поводом, предлогом, орудием возникновения неототалитарных диктатур. Массовизация террористической деятельности, ее новые масштабы и формы, хаос, напряженность, беспорядки, страх и неуверенность, стимулируемые ею, способны породить у населения требования к руководству страны о наведении порядка, «твердой руки» и т.п. Разгул терроризма порой выгоден (и вследствие этого ими же иницируется) как предлог для массового террора в отношении населения тем, кто мечтает о введении авторитарных, тоталитарных форм и методов правления.

Терроризм ищет новые, все более жестокие и масштабные способы устрашения с помощью оружия массового уничтожения*. Все это лишней

---

* Попытки отравления водопроводной системы в Чикаго в 1972 г., угроза применения террористами горчичного газа и бациллы сибирской язвы в ФРГ, попытка распыления радиоактивных веществ в Австрии, раскрытие подпольной

раз подтверждает опасность превращения терроризма в глобальный катастрофогенный фактор» [5].

Подтверждением глобалистических «прорастаний» может стать и то, что терроризм все активнее «проявляется» в традиционно благополучных регионах (например, 27 апреля 2012 г. теракты в преддверии Евро 2012 в г. Днепрпетровске Украины);

- Большая часть терактов планируется финансируется, из-за рубежа.

Боевики иностранных государств причастны к большинству самых масштабных терактов и поставляются через границу; «лучше энергию своих экстремистов направлять куда-нибудь подальше – в Россию, в Афганистан или Косово. На территории развитых государств присутствуют многочисленные религиозно-этнические общины или диаспоры, неудовлетворенность которых своим положением в чуждой для них социально-культурной атмосфере также выливается в различные формы поддержки своих «братьев» в других странах мира. Так формируется финансовая база международного терроризма» [5];

- Политика двойных стандартов, которая широко используется большинством западных стран [4].
- Длительность согласований международных соглашений и неисполнение действующих, формализм.
- Создание новой Свободной зоны Экономического Союза несет, помимо преимуществ, и риски – транзит оружия, наркотиков, боевиков по упрощенной схеме, при этом стратегия минимизации рисков не ясна, не выработана.

Территория постсоветского пространства под влиянием ряда негативных внутренних и внешних факторов все чаще подвергается террористическим атакам.

Террористические организации наладили между собой тесные связи на общей идеолого-конфессиональной, военной, коммерческой и другой основе.

Россия может выступить с международной инициативой организации форм коллективной безопасности между граничащими государствами.

Но при этом, необходим последовательный анализ проблем:

1. Организация кооперативной безопасности;
2. Инициация глобальной центральноазиатской стратегии России;
3. Профессионально-деятельностная и инфраструктурная соорганизация пространств;
4. организация поселений в приграничной зоне и формы муниципального самоуправления;

лаборатории по производству палочки ботулинуса в Париже, использование отравляющего газа в токийском метрополитене и т.д.

5. страновая и этноконфессиональная идентичность населения в приграничных территориях.

Чтобы организовать взаимодействие между двумя странами в сопряженном приграничном регионе, необходимо иметь:

а) определенную концепцию нового мирового порядка, выстраиваемого при активном участии России от имени России;

б) уточненное представление о миссии России в системе этого нового мирового порядка;

с) конкретные принципы организации взаимодействия с соседним близлежащим государством;

д) продуманные принципы экспансии (культурной, экономической, технической) на территорию другого государства при поддержке самого этого государства, одновременно соотнесенные со стоп-принципами, не допускающими экспансию другого государства на территорию России (наркотики, терроризм, экологическое загрязнение, незаконная миграция);

е) продуманные принципы и образцы организации сознания и личности населения, проживающего в приграничной территории, культивируемые и специально выращиваемые через систему образования.

Эти принципы предполагают формирование совершенно новой геополитической инфраструктуры. В том случае, если необходимо удерживать не территорию, а распространять влияние и противостоять влиянию по определенным направлениям, нужны не обычные группы и силы, которые контролируют каждый сантиметр площади, но особые ячеистые системы, которые могут осваивать и направлять потоки информации, институциональных и технологических инноваций, финансов, энергии и т. д.

- ... Уничтожается и изгоняется с территории не население вообще, а группы, обладающие определенной идентичностью и самоопределением. Борьба за территорию сменяется борьбой за организацию жизни на территории, где важнейшим богатством является определенность проживающего на территории человека [6].

Внутренние (эндогенные) процессы в стране оказывают как прямое, так и косвенное воздействие на состояние террористических угроз на приграничных территориях. К ним можно отнести потенциально положительно и отрицательно влияющие факторы:

- Обширность, протяженность границ.

Протяженность российских рубежей составляет более 60,9 тыс. км; (На суше Россия граничит с 14-ю государствами, 8 из которых – бывшие союзные республики). В приграничных регионах России и сопредельных государствах проживают представители почти 50 национальностей. Из 89-ти субъектов Российской Федерации 45 представляют приграничные регионы страны. Они занимают 76,6 % всей территории страны. В них про-

живает 31,6 % населения России. Население приграничных районов – 100 тыс. чел. (по состоянию на 1993 г.). Несмотря на несовершенство федерального законодательства России в отношении приграничного сотрудничества ее регионов, на уровне муниципального и местного самоуправления, оно, так или иначе, осуществляется во всех 45 приграничных регионах [7].

Особенность стратегического положения России в данной связи, требует системного анализа и выработки соответствующих действенных мер минимизации имеющихся рисков;

- Опасность осуществления морского терроризма мало изучена и упущена.

Большинство исследовательских структур в США, Англии и России все более настойчиво прогнозируют возможность нападения террористов с использованием акватории Мирового океана. Около 90 % всех межконтинентальных перевозок в мире осуществляется морским путем. Если брандер будет взорван в крупном порту или у терминала разгрузки танкеров, неизбежно последует детонация соседних судов. Последствия в этом случае будут сопоставимы со срабатыванием малого ядерного боеприпаса, и разрушению подвергнутся объекты в радиусе нескольких миль [8].

По морю Россия граничит с 12 государствами. В интервью "Российской газете", руководитель департамента береговой охраны Пограничной службы ФСБ России, генерал-полковник Виктор Труфанов отметил, что при охране морских границ к одной из основных угроз, с которой приходится сталкиваться, относится терроризм [9].

И если сухопутные границы более удобны в плане досмотра и контроля допуска на территорию РФ, то морская граница имеет ряд своих специфических особенностей, и тактические просчеты и недооценки угроз вполне однажды могут быть использованы террористическими организациями в преступных целях;

- Изменения в свете административной реформы внутри системы исполнительных органов государственной власти, к компетенции которых относится противодействие и борьба с терроризмом. Сокращение штата за счет оптимизации функций и аутсоринга, должны повысить эффективность деятельности служб и подразделений, однако на практике* обоснованно предположить, что это весьма продолжительный во времени процесс, и пока террористам, к сожалению, удается достигать своих преступных целей (крупные по потерям теракты 3 мая 2012 г. в Дагестане);

- Социальная политика России в условиях мирового кризиса и государственная поддержка бизнесу продолжает развиваться.

---

* События в начале 2012 г. в г. Казань в полицейском участке, где до смерти был замучен подозреваемый, свидетельствуют о том, что, несмотря на формальное завершение аттестации сотрудников полиции, добиться ожидаемого эффекта реформы полиции еще не удалось.

Данную тенденцию возможно рассматривать как фактор, снижающий риски коррупционных, и соответственно террористических проявлений. Однако необходимо учитывать, что терроризм в Северо-Кавказском округе зачастую только «тушется» под проблемы социального характера и выливается в попытки экономического шантажа власти с использованием тех же оснований – безработица, разруха, неустроенность, якобы «обделенность» народов и групп. Реально же терроризм в данном регионе зачастую имеет совсем другие определяющие причины – прочную экономическую основу, замешенную на клановости и криминальной составляющей;

- Массовый коррупционный фактор.

Следствие этого – наличие налаженных «зеленых коридоров» внутри административных границ между субъектами внутри страны и на ее Государственной границе. Наиболее крупные террористические организации включены в списки, деятельность которых запрещена на территории большинства государств, в том числе и в Российской Федерации [10]. Данные организации неоднократно предпринимали попытки осуществления преступной деятельности на территории России. Их целями являлись подрыв основ конституционного строя, лишение суверенитета, манипуляция деятельностью политического руководства страны. Кроме того, данные организации, совершали ряд сопутствующих деяний, подпадающих под квалификацию Особенной части УК РФ, как то: контрабанда, торговля наркотиками, людьми, незаконная предпринимательская деятельность и ряд др. Основным же средством реализации преступных интересов на территории России зачастую является коррупционная составляющая. По сообщениям представителей предпринимательского сообщества, сфера оказания государственных и муниципальных услуг до 90 % проходит через посредничество, т.е. завуалированную коррупцию [11]. На границе наблюдается пропорциональное увеличение степени риска [12]. Борьба с терроризмом должна коррелировать с антикоррупционной политикой, так как для противодействия терроризму на границе это определяющий и для регионов существенный фактор (например, Беслан стал возможен во многом благодаря коррупционной составляющей) [13]. Законодательное закрепление в Федеральном законе Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», как и Федеральном законе Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [14] внедрение специальных форм в обучение с соответствующей разработкой программ для каждого уровня – от дошкольных учреждений до вузов, и дополнительного профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации; выработка стратегии повышения правосознания и правовой культуры по субъектно – и у госслужащих, и среди населения.

Количество людей, проживающих на той или иной территории, отражает объем инфраструктуры в регионе, что соответственно, сказывается и на объеме коррупционного оборота [11].

Разработка рекомендаций с учетом региональных особенностей и приграничных зон по степени классификации рисков должна быть утверждена на федеральном уровне, а на региональном лишь дополняться, в том числе и усилиями органов местного самоуправления.

Как положительный, можно рассматривать опыт Чеченской Республики, где за последние годы удалось добиться существенного снижения уровня террористических атак (со 111 в 2005 г. до 2 в 2011 г.) [15]. При этом, как заявил журналистам в Грозном глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, «Численность бандитов в Чеченской Республике невелика. До сих пор им удавалось скрываться в приграничной зоне с соседними регионами. Но это ненадолго, потому что теперь мы будем бороться с террористами совместно. Мы не оставим бандитам места на приграничных территориях. У нас есть договоренность с руководством Ингушетии в лице Юнус-Бека Евкурова о проведении совместно специальных мероприятий по поиску и ликвидации членов НВФ. Подобные меры обсуждаются и с дагестанским руководством» [16]. Правоохранительные органы Чеченской Республики, Дагестана и Ингушетии договорились о проведении совместных спецопераций по нейтрализации членов НВФ.

Таким образом, подтверждается обоснованность создания специальных органов (Советов) взаимодействия по проблематике в регионах одного уровня террористической (коррупционной угрозы). Это, с одной стороны и укрепление взаимодействия между регионами, сплоченность, толерантность, необходимая в условиях расслоения общества [17], и обсуждение общих проблем, и выработка тактики противодействия, повышения уровня правосознания и культуры с участием органов государственной власти, органов местного самоуправления и представителей обществности.

Региональный подход, основанный на четком видении усиления степени террористических угроз именно на приграничных территориях РФ, обоснован и требует выработки соответствующих концепций. Работа в данном направлении проводится, но представляется в большей степени все же казуальной, но не системной.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что, несмотря на наличие собственных действенных разработок в области противодействия терроризму, мировой опыт должен быть проанализирован и учтен системно и в связи с интеграцией совместных мировых усилий, направленных на предупреждение терроризма, с одной стороны, и в связи с необходимостью прогнозирования и предупреждения экзогенных факторов, экспортируемых посредством постепенной региональной эскалации. Од-

нако в условиях современных глобализационных процессов заинтересованными сторонами они зачастую обосновываются под эндогенные процессы, что позволяет априори «оказывать помощь» путем применения военной силы странам, не способным самостоятельно обеспечивать соблюдение прав человека и развитие демократических основ в своих государствах*.

Литература

1. п. 37 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (Утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537).
2. Степанова М.Э. Терроризм как угроза безопасности населения России. <http://forum.euroregion.ru/index.php?PHPSESSID=5827f77c75e9d3909ecc70dff8b45c83&topic=1448.0>
3. Зыков И.А. Автореф. дисс. канд. полит. наук, <http://www.dissercat.com/content/korrupsiya-kak-faktor-ugrozy-natsionalnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii>
4. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М, 2011.
5. Гушер А. Проблемы терроризма и борьбы с ним: Лицо современного терроризма.
6. Громько Ю.В. Оренбургский полигон // <http://www.strana-oz.ru/2002/6/orenburzhskiy-poligon>
7. Границы России // <http://www.strana-oz.ru/2002/6/granicy-rossii>
8. Штейнберг М. Окно уязвимости США. Террористическая угроза исходит с просторов Мирового океана. http://nvo.ng.ru/spforces/2006-05-26/7_ocean.html
9. Сторожевики идут в Арктику: Интервью с Виктором Труфановым // Российская газета. Федеральный вып. 2011. № 5489 (113) 27.05. <http://www.rg.ru/2011/05/27/trufanov.html>.
10. Меркурьев В.В. Противоправная деятельность международных экстремистских и террористических организаций в России как угроза национальной безопасности // Материалы Всероссийской научно-практич. конф. СПб., 2011.
11. Коррупция в России: Независимый годовой отчет всероссийской антикоррупционной общественной приемной Чистые руки. <http://www.spravdoy.ru/library2/sit-korrupcia/6012-2010-08-17-14-35-52.html?start=8>
12. Наливайченко В. Внутренняя коррупция – серьезная угроза национальной безопасности в приграничном регионе. <http://vo.od.ua/rubrics/raznoe/13318.php>
13. Захват заложников в Беслане <http://www.agentura.ru/timeline/2004/zahvat/>
14. <http://www.rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html>;
14. <http://www.rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html>.
15. http://nak.fsb.ru/nac/media/terrorism_today/history.htm.
16. Кадыров Р. Мы не оставим бандитам места на приграничных территориях» // <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=10558>.
17. Понеделков А.В., Старостин А.М. Терроризм: современные социально-политические репрезентации / Приоритетные направления стратегии национальной безопасности РФ. Колл. монография. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. С. 200-213.

---

* От «бархатных» революций в странах бывшего СССР до Арабской весны оказание «помощи» государствам мотивировалось необходимостью обеспечения соблюдения прав человека и развития демократических основ в государствах.

Urbis et civis: государство и гражданское общество

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления городской культуры и урбанизации в исторической ретроспективе. Город послужил истоком европейской традиции, политического государства и гражданского общества. В статье автор приводит современный взгляд на зарождение городской цивилизации и стандартов городского самоуправления. Анализируется сущностное различие городской культуры Западной Европы и Средневековой Руси. Однако амбивалентный процесс привел к одному цивилизационному результату – становлению местного муниципального самоуправления как необходимого условия формирования системы гражданских отношений.

Ключевые слова: гражданское общество, город, урбанизация, политическое государство.

По плану «ОСТ», разработанному к 1939 г. (один из «авторов» – доктор экономики К. Майер), славянские – и прежде всего русские – земли, как ни парадоксально, должны быть лишены своей основы – городов и городской культуры, как «признаков и принципов любой цивилизации». Но так ли все здесь, в этом плане, парадоксально в исторической ретроспективе? А не была ли фундаментом нашей самоидентичности общинная организация?

Исходным пунктом данного изыскания является следующая посылка: отправной исторической точкой возникновения основ, как гражданских отношений, так и государственных прототипов послужило возникновение городов, городского уклада и городской культуры. Это – в логическом и в историческом смысле оксюморон. И в этом контексте следует различать понятия урбанизации и урбанизма. В первом случае мы предполагаем процесс становления городской жизни, увеличение числа городского населения и появление территориальных центров политической власти. Во втором – принцип автономизма и самоуправления, городской культуры, а значит, центров независимости от государства – гражданского общества. Этот парадокс является креативным, как и любое диалектическое явление. Особенно это проявилось в историческом феномене средневековых самоуправляющихся городов-коммун, во многом унаследовавших традиции античной полисной жизни. В этом смысле показательны изыскания за последние 20-30 лет историков и археологов...

Городские культуры Мохенджа-Даро, Хараппы, Хатусы открытые археологами в середине XX в.; городские поселения Междуречья и Ближ-

него Востока отодвинули «нижнюю планку» возникновения городов до 10 тыс. лет. Последние артефакты, добытые израильскими, американскими и немецкими археологами, подтверждают существование на сей момент древнейшего городского поселения на месте современного Иерихона и Мегидды (ранее полагали, это Дамаск – самый древний город мира, начитывающий ок. 6 тыс. лет отроду.) Это был центр земледельческой культуры так называемого «Золотого Полумесяца» с артикулированным отделением ремесла и торговли, что доказывают добытые обрывки письменных источников, пока, увы, неподдающихся аутентичной расшифровке. Первым показателем здесь выступает наличие фундамента городских стен, что означало не только самоидентификацию по принципу «свой-чужой» (дифференциацию по родоплеменному признаку, защиту от набегов и т.п.), но и наличие центра становящейся власти. Причем первый межгосударственный договор – писанный и дошедший до нас – относится к 3270 г. до н.э. между Хеттским царством и Рамзесом Великим.

Вторым формальным критерием «civil – civitas – urbis» явилось возникновение, по убеждению Гегеля, письменной речи (в чем ни род, ни племя не нуждались при отсутствии системы налогообложения, единой финансовой системы, международных сношений и общей «мифологической автохтонной хронологии»/исторических хроник, повествующих о происхождении и историческом пути этнической целостности.) С чего, собственно говоря, и началась «всемирная история». Из этих протогородов рождалась полисная культура, о которой мы писали в других работах.

На наш взгляд, следует признать верным вывод Д. Драгунского и В. Цымбурского: «В формирующемся генотипе полиса появляется... компонент - сообщество собственников, как бы протоплазма будущего гражданского общества» [1;9]. При этом внутренняя особенность европейского типа цивилизации - разделение институтов власти и гражданского общества при автономии личности - здесь почти еще не прослеживается. Однако плодотворен и подход Р. Даля, когда он определяет полис как «...наиболее суверенную и инклюзивную ассоциацию», а государственное устройство - как «организацию полиса в том, что касается его учреждений вообще, но особенно в том, что касается специфических учреждений, являющихся во всех своих отношениях суверенными» [2; 88].

Х.Ортега-и-Гассет, рассматривая формы, предшествующие государству, называл «полис», или «город». «Город предназначен для вершения дел общественных»; это - социальное пространство для выполнения общественных функций. Именно здесь, по его мысли, человек, полностью порывая с путями зависимости от мира животного, созидает замкнутый в себе, чисто человеческий мир - сообщество граждан. Вслед за Аристотелем он считает, что «город... - это создание высшей, более сложной и абстрактной социальной единицы, чем «ойкос» (очаг) семьи. Если семья со-

стоит из мужчин и женщин, то город-республика, «политейа» состоит уже из абстрактных «граждан». Значит, делает вывод Ортега-и-Гассет, «город» с самого начала возникновения существует как государство. Сущностная черта античных «гражданских обществ» в форме полисов - в отличие от современных - замкнутость, обособленность друг от друга. Здесь правовое и политическое единство еще не требует неперменной административной централизации. Поэтому общественные самоуправленческие учреждения были муниципальными, неотделимыми от города, подобно «дриадам, которые увянут, если оставят свое древо» [3; 4].

Наступление средневековья не означало полного забвения полисной организации. Это верно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, крупные средневековые города зачастую развивались из античных городов-полисов. Во-вторых, не была утеряна и не прерывалась интеллектуальная традиция, особенно аристотелевская и платоновская, которые явились в свое время теоретическими попытками реанимации полисной жизни. С общецивилизационной точки зрения менялась лишь одна **форма**: Аристотель «примерил» тонзуру, а на городской площади средневековых городов скульптуры Зевса сменили на кресты.

Традиция автономной городской коммуны, восходящая к античному полису, «есть тот цивилизационный момент, который обеспечил в течение сотен лет преемственность развития западного общества» [4;7]. В лице средневекового вольного города-коммуны перед нами выступает вторая форма исторического существования гражданского общества. В общем, и целом, социальная жизнь средневекового города тоже синкретична. Не тождественность гражданской и политической жизни носит, скорее, внешний характер, в виде социального противоречия «город-феодал», «город-суверен» (особенно ярко это проявилось в начале XIV в. в Альбигойских войнах), как конфликт авторитарного политического управления и муниципального самоуправления городов-коммун. Даже в период сильных тенденций централизации в Европе оставались «островки» такого самоуправления – «порто-франко» (Ганзейский союз, города Ломбардии, Венецианская и Генуэзская республики, Псков и Новгород), где действовало так называемое «магдебургское право». Входя формально в политические структуры того или иного государства («**диффузная государственность**», типичная для эпохи средневековой раздробленности), в делах местного самоуправления, а зачастую и внешних сношений, город оставался, автономен, выступая для феодального сеньора, скорее, союзником-сувереном, нежели подданным.

Городское самоуправление было сосредоточено в руках выборного муниципалитета; сам город делился территориально на кварталы, улицы, «концы»; социально-экономически на цехи, корпорации, гильдии. Подобное деление не просто упрощало процесс управления, но и отража-

ло социальную стратификацию в городе. Цех, гильдия, корпорация - образования и территориальные, и социально-профессиональные, и экономические. Не следует забывать и тот факт, что интеллектуальным центром становящегося «городского общества» были средневековые университеты, как средоточия «дозволенного свободомыслия» и даже политической оппозиционности (в тогдашней Руси их роль и функцию выполняли монастыри, начиная со времен Климента Смолятича и Даниила Заточника).

Если в Западной Европе первым гражданским сословием было население вольных городов (исторический прообраз «третьего сословия»), то в России издавна города возникали на землях феодалов - князей как их «стольные города», имевшие целью защиту от набегов кочевников. Чтобы выжить под бременем государства и внешней угрозы, российское общество искало свои пути самоорганизации, основу которой составлял сословный, общинный коллективизм. Все жили вплоть до 1917 г. общинами/сословиями - крестьянскими, дворянскими, военными, церковными, национальными, казачьими, купеческими. В России не государство, а «общины» брали на себя функции социальной защиты индивида. Поэтому общинная мораль была всегда выше общегражданской. Сословность и корпоративность российского общества была той социальной скрепой, на которой держалась и государственность, и само гражданское общество.

Однако именно в западноевропейских городах зарождаются и начатки партийной борьбы (например, в городах Ломбардии между гвельфами и гибеллинами).

В средние века отдельный человек не мыслил себя вне экономической, социальной, культурной, религиозной и иных сфер, вне своего социального статуса и ролевых функций, которые, в свою очередь, составляли неразрывное целое с государством, с властной системой, и все важнейшие области общества были пронизаны государственным началом (в значительней степени персонифицированном), ведь господствующая религиозная идеология представляла государство как высшее воплощение божественного в земном, а суверена - помазанником божьим (в чистом виде указанное свойство раскрыто в Папском государстве, где власть духовная и светская слиты буквально в одном лице.)

Можно согласиться с мнением, что при феодализме само общество носило политический характер. Здесь важнейшие институты человеческой жизни - собственность, организация труда, семья и пр. - в форме феодального владения землей, сословий, корпораций приобрели статус элементов государственной жизни. В этих условиях индивидуальные члены общественного целого не могли создать развитую частную сферу - этого минимума гражданского общества. Их судьба была неразрывно связана с коллективом или социальной группой, к которой они принадлежали по рож-

дению. Феодално-корпоративная кастовость, безусловно, затрудняла свободное развитие начал гражданской жизни.

Но столь же верно утверждение, что в средние века все отношения и институты в обществе имели гражданский смысл.

В этих условиях средневековые города имели право самостоятельно объявлять войну, заключать мир, чеканить свою монету, определять налоги и таможенные сборы. Самоуправляющиеся города-коммуны обладали собственным судом, финансами, военными ополченцами (или наемниками-кондотьерами), правом самообложения. «Городской воздух делает свободным», - гласила средневековая мудрость. При этом цех являлся и военной организацией, участвовавшей в охране города, несении патрульно-сторожевой службы и выступавшей как отдельная боевая единица городского ополчения в случае войны. Цех имел своего святого-покровителя, День которого он праздновал; свои церкви или часовни, являясь своеобразной первичной ячейкой религиозной организации. Цех являлся и организацией взаимопомощи для своих членов, обеспечивавшей их за счет вступительного взноса, штрафов и иных платежей.

Жизнь средневековых горожан была столь же синтетична, что и у граждан полиса. Интересы целостности превалируют перед потребностями отдельного лица. Поэтому в границе города собственность в большой мере обобществлена (общие земельные выгоны, пастбища, ратуша и собор, рынок, муниципальные постройки). Следующий уровень собственности в городской (муниципальной) общине, - корпоративная собственность сословий, цехов, корпораций и гильдий. Все остальное – домашние владения и земля под ними, огороды, хозяйственные постройки, и пр. – отчуждено (в немецком феодальном праве было даже сформулировано понятие *Privateigentum*) - в личную/частную собственность. Существенным отличием городских отношений собственности от классически-феодальных являлся ее подвижный, текучий характер (собственность как деньги, или капитал), что способствовало безболезненному завоеванию капитализмом городских стен. Не случайно, что **капитал** в своей первичной – денежной – форме возникает именно там, а первые банки – в ломбардских и южнофранцузских городах. Там же зарождаются и мануфактуры, как прообразы будущих «*Maschinerie*».

Политическая жизнь средневекового города отмечена острой партийной борьбой в основном между плебсом и патрициатом. П.И. Кропоткин в свое время подчеркивал: «В вольных городах борьба партий шла для завоевания и сохранения свободы личности, за принцип федерации, за право свободного союза и совместного действия; тогда как государства воевали из-за уничтожения всех этих свобод, из-за подавления личности, за отмену свободного соглашения, за объединение всех своих подданных в одном общем рабстве перед королем, судьей, попом, т.е. перед государ-

ством» [5; 422]. А в работе «Взаимная помощь как фактор эволюции» он показал, что государство не полностью вбирало в себя общественную жизнь даже в докапиталистическом обществе. Поэтому не только сам капитализм зародился в таких городах, но и политическая жизнь в виде борьбы партий/фракций*.

Известный американский социолог Ш. Эйзенштадт [7; 45] доказал, что неразвитость государственных структур в средневековой Европе - одно из условий формирования социальных предпосылок гражданского общества. А «нормальное» развитие азиатского типа государства (с высокой степенью централизации) блокирует социальную дифференциацию: развитие городов, классов, меньшинств, науки. В этом смысле фактор феодальной раздробленности может быть оценен как чрезвычайно благоприятствующий созданию предпосылок зарождения основ гражданского общества. А деспотизм возникает (при отсутствии гражданского общества) при чрезмерной мобилизации сил общества для решения крупномасштабных задач: постройка пирамид в Древнем Египте, Великой Китайской Стены, ирригация в Месопотамии, коллективизация и индустриализация в СССР, прокладка автобанов в гитлеровской Германии и т.п.

Таким образом, в Европе с раннего средневековья VIII - IX в.в., отвоевывая свободу у баронов, возникал иной, нежели в государстве, уклад жизни - зародыш и основа будущего гражданского общества классического капитализма XIX века. Неслучайно Д. Локк полагал., что латинский термин *civitas* - «государство» не передается английскими *community* - «община» и *citty* - «город» (в XVII веке). К XIV в. каждый восьмой житель Западной Европы жил в городах. Но «черная смерть» 40-50-х гг. века резко изменила эту демографическую пропорцию и, с одной стороны, привела к постепенной отмене крепостного права (что известно по английским хроникам конца XIV - начала XV в.в.), а с другой - к становлению гражданско-правовых отношений между работниками и работодателями (выходить на барщину для феодалов стало просто некому).

Становящиеся гражданские общества того времени по своей сути были мононациональными, охватывающими лишь пределы этой страны, чему соответствовали процессы становления суверенных/централизованных национальных государств и национальных рынков. В том смысле «государство-нация» означает национальное сообщество, т.е. тип государства, рожденного в средние века**, но до сих остаю-

---

* Достаточно вспомнить только политическую панораму, описанную Н. Макиавелли в «Истории Флоренции».

** С точки зрения автора, политическое государство в современном его виде зарождается только, начиная с Нового времени, т.е. с эпохи Реформации. Именно в это время зарождаются институты публичной политики - парламентаризм, партии, выборность власти, толерантность, принцип «право выше власти».

щимся наилучшим образом интегрированным и высокоорганизованным. (По М. Дюверже[9; 145], «государство-правительство» означает управителей, руководителей этого национального сообщества). Но именно национально - историческая определенность гражданского общества с его глубокими национальными корнями делает его этносом (по Л.Н.Гумилеву - «суперэтносом»), народом.

Начало этого процесса ознаменовано появлением личности гражданина – «самоуверенного» члена гражданского общества, основывающего свой статус на правовом, а значит – общепризнанном, институте частной собственности.

Если полис (архетип, прообраз и прототип гражданского общества) и вольный город-коммуна - лишь «островки» независимой гражданской жизни своей эпохи, то всеобщее пространство свободы может дать только развитое, структурированное и массовидное гражданское общество; оно и складывается – но уже на своей собственной основе - в Западной Европе в Новое время. Всеевропейская известность «Декларации прав человека и гражданина», а на этой основе Code Civile Наполеона, подкрепленная мощью колонн наполеоновской армии, помогла европейцам лучше усвоить отличия «гражданина» от «подданного». Впрочем, в Англии уже в 1679 г. был принят закон о неприкосновенности личности – Habeas Corpus Act. (Хотя история знала и «чистые гражданские общества»; такова, например, безгосударственная Исландия эпохи саг (VIII-XI в.в.), которую заселили норвежцы, уплывшие от сильной королевской власти Олафа Святого. Именно здесь они достигли долгожданного консенсуса по поводу норм, регулирующих имущественные и иные отношения.) Да и современную Швейцарию можно назвать «полным политическим государством», только из боязни обидеть другие народы.

Любое микросообщество в рамках целостности более высокого порядка - гражданского общества - по своей структуре не обязательно повторяет и воспроизводит в деталях макросообщество. Оно может образовывать и иное, специфическое сочетание структурных элементов и качество их связи, чем общенациональное гражданское общество.

В Докладе ООН 26. 02. 2008 сделан смелый прогноз: в текущем году, т.е. в 2009 более половины населения Планеты будет проживать в городах (СССР, кстати, преодолел эту «планку» к середине 60-х г.г. XX в.) Так ли это в 2012 г. и стал ли урбанизм принципом общецивилизационного, а значит, гражданского развития? Возможно, скоро узнаем.

В исторической ретроспективе дихотомия «государство – гражданское общество» сходятся в момент их зарождения. Такова городская цивилизация. Она приходит на смену трайбалистской организации общества. А в обозримом историческом будущем гражданская и городская культуры суть одно и то же. Это и есть феномен окюморона.

Литература

1. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991. № 1.
2. Человек и общество // Социально-политические науки. 1991. № 7.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс// Вопросы философии. 1989 - № 3, 4.
4. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации// Полис. 1991. № 1.
5. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия.// Кропоткин П.А. Сочинения. - М.- 1990.
6. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999.
7. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

УДК 327

Петрова С.В., докторант

Геоэтнополитические детерминанты на постсоветском пространстве Северного и Южного Кавказа

Успех развития Северного и Южного Кавказа возможен только при раскрытии всего геоэтнополитического капитала региона с его уникальной евразийской ментальностью и культурно-историческим основанием. Это означает переосмысление в рамках геоэтнополитического знания имеющегося отношения к цивилизационному и антропокультурному наследию народов этого макрорегиона.

Ключевые слова: детерминации, цивилизация, геополитика, этнополитика, евразийская ментальность, культурно-исторические традиции Кавказа.

На современном этапе геополитические интересы практически всех стран мира стали одними из основных движущих сил в современных политических процессах. Коренное изменение миропорядка и геополитической ситуации после прекращения идеологического противостояния двух социальных систем происходит на фоне повсеместного усиления угроз экспансионизма, сепаратизма, национализма, международного терроризма. Это все актуализирует необходимость обновления идейно-теоретических и методологических основ исследования геополитических позиций основных политических субъектов, как власти, так и оппозиции. Политический процесс выстраивается на определенных этапах в соответствии с фиксированными геополитическими интересами, которые в современных условиях становятся важными факторами, детерминирующими характер отношений между государствами, связанных с решением территориальных и ресурсных проблем. Важным направлением геополитики в глобализируемом мире становится внутренняя геополитика, т.е. совокупность целей, принципов и направлений деятельности субъектов политики на субнациональном (внутригосударственном) уровне. В совре-

менной западной геополитике стали преобладать постмодернистские концепции «soft power», предполагающие взаимодействие не только национальных государств, но и в нарастающей мере транснациональных корпораций, международных организаций, внутригосударственных регионов, наконец, оппозиционных партий и политических движений.

По определению В.Цымбурского, Кавказ- это Великий Лимитроф, образованный переходящими друг в друга перифериями всех цивилизаций Старого Света, и здесь будут разыграны важнейшие военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала XXI столетия (1). Кавказский макрорегион – это многоуровневая система, в рамках которой переплетены народы, религии и культуры. Здесь динамику взаимоотношений геополитических субъектов необходимо рассматривать на различных административно-территориальном, этнонациональном, конфессиональном, правовом, энергетическом уровнях (2).

Кавказ состоит из трех неравнозначных по своей внутренней структуре и значимости частей: во-первых, региона Северного Кавказа в составе Северо-Кавказского федерального округа и частично Южного федерального округа Российской Федерации; во-вторых, государств Закавказья, которые обрели независимость после распада Союза ССР – Азербайджана, Армении и Грузии. В-третьих, вновь образованных государств Абхазии и Южной Осетии. Одни республики однородны и гомогенны (Армения и Азербайджан), другие, напротив, гетерогенны (Грузия, большинство республик Северного Кавказа). Давно существует исторически обусловленные противоречия между армянами и азербайджанцами (нагорно-карабахский конфликт), осетинами и ингушами (осетино-ингушский конфликт), осетинами и грузинами, абхазцами и грузинами (конфликтогенные процессы вокруг Южной Осетии и Абхазии), между кабардино-черкесской и карачаево-балкарской (тюркской) этническими группами. Большой конфликтогенный потенциал несет в себе модернизация архаично настроенных вайнахских элит. Сложная ситуация в Дагестане, где проживают аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, ногайцы и др. народности, равновесие между которыми поддерживается на основе традиций по сохранению этнического баланса. Наконец, имеет значение тот факт, что на Кавказе, в т.ч. в бывших республиках СССР, проживает определенное количество русского (шире – русскоязычного) населения.

И.П.Добаев подчеркивает, что совершенно особое значение имеет то обстоятельство, что на Кавказе исповедуют ислам многие этнические группы, за исключением армян, грузин, осетин и русских (христиане). Однако интеграция между мусульманскими этносами по религиозному признаку затруднена, с одной стороны, из-за богословских разногласий между суннизмом и шиизмом (характерен преимущественно для Азербайджана), а с другой, из-за широкого распространения школ суфизма

(тарикатов, вирдовых братств), не признающих исламского универсализма. Авторитет глав вирдов (шейхов) очень велик и в республиках Северного Кавказа, особенно в Чечне, Ингушетии и Дагестане, превышает влияние официальных мулл (муфтиев духовных управлений мусульман). Наконец, известно стремление исламских радикалов использовать так называемый политический ислам в своих целях.(3)

В общетеоретическом плане проблемы геополитических интересов рассматриваются в работах Т.А. Алексеевой, В.В. Желтова, В.В. Ильина, Б.Г. Капустина, А.А. Кара-Мурзы, С.Г. Кара-Мурзы, А.С. Панарина, И.К. Пантина, А.С. Рябова, А.В. Рубцова, А.И. Соловьева К.С. Гаджиева, В.А. Колосова и В.Л. Цымбурского. и др. Известны работы В.А. Шаповалова, В.М. Юрченко, Ю.Г. Запрудского, В.Н. Коновалова. А.Г. Дугин обозначает многообразие геополитической реальности, историческом и в современном актуальном контексте, подчеркивая уникальность Российского евразийского феномена. (4). Д.Н. Замятин проводит анализ путей моделирования географического образа и технологий формирования образов регионов (5). А.А. Кара-Мурза и А.С.Ахиезер обосновывают продуктивность синтеза цивилизационной и геополитической идентичности, которые функционируют в комплексе, дополняя друг друга (6) Особый интерес представляют докторские диссертации по политическим наукам В.А Семенова и П.В.Чернова (7), написанные с позиций геэтнополитологии.

Но, бесспорно особый интерес представляют исследования В. Х. Акаева, З. С. Арухова, Х. Т. Курбанова, М. М. Керимова, А. В. Малашенко, С. А. Модестова, Г. Б. Вока и др. рассмотрены геополитические цели радикальных и экстремистских группировок в кавказском регионе. Подобные группировки получили распространение в Дагестане, Чеченской Республике, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии. Мы выделяем аналитический доклад группы Р.Ф.Туровского «Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов». Геополитическое регулирование в этих республиках Северного Кавказа исследовано в трудах З.А. Махуловой, Н.Н. Миллера, С.С. Жильцова, И.С. Зонна, А.М. Ушкова, Л.С. Рубан, П.Л. Карабущенко. Проблемы конфликта между российской и зарубежными геополитическими стратегиями в регионе изучены в работах С.В. Ушакова, Л.С.–Э. Басхановой, Д.Е. Фурмана, А.В. Малашенко, Д.В. Тренина. Геополитические аспекты осетино-ингушского конфликта, взаимосвязь южноосетинской и абхазской проблем с геополитикой России на Северном Кавказе рассмотрены в работах А.А. Цуциева, И.Б. Саканоева, Б. Коппитерса, А.И. Кателевского, Н.А. Трапша, Е.В. Шараповой.

Постсоветское пространство на юге европейской части бывшего СССР включает в себя субъекты Северного Кавказа, в том числе примыкающие к Кавказу Ставропольский и Краснодарский края, и Южный Кавказ. Все эти субъекты, включая закавказские республики, длительное время связаны с Россией политическими, экономическими, культурными, интеллектуальными, конфессиональными, этническими и иными отношениями в рамках единого многонационального, многокультурного и многоконфессионального многосоставного государства. Сравнительный анализ политического процесса в этих регионах и выявление геополитических позиций власти и оппозиционных структур показывает закономерности и перспективы развития всех сегментов. Одной из таких закономерностей стало то, что после распада СССР и крушения цементировавшей советское общество коммунистической идеологии на первый план вышли националистические идеологии, опирающиеся на геополитические теории, интерпретируемые в интересах ведущих этнократических групп. Но на современном этапе в субъектах РФ на Северном Кавказе геополитические взгляды власти и системной оппозиции в основном развиваются в русле российской геополитики и не являются предметом разногласий и дискуссий, за исключением немногочисленной национально-террористической оппозиции. В субъектах Закавказья геополитические взгляды власти и оппозиции имеют определенные, хотя и не принципиальные отличия, и они значительно влияют не только на внешнюю политику, но и на внутривнутриполитический процесс.

Мы считаем, что объяснить в известной мере ситуацию в кавказском макрорегионе можно на основе методологического конструкта изучения политического процесса, что предполагает его рассмотрение на цивилизационном, этническом и политическом уровнях в следующей последовательности: цивилизация – геополитическая культура как часть общей политической культуры, – архетип поведения – модель политического поведения. Цивилизационная матрица предопределяет влияние государства, традиционной культуры, традиционных конфессий (прежде всего православия и ислама) в качестве доминантной модели интеграции.

В научной литературе доказано, что цивилизационный фактор является самой общей детерминантой политического поведения этносоциальных общностей в современной России. Сущность политического процесса в цивилизационном контексте определяется ценностно-детерминированным образом действий людей в политической сфере в строго определенных естественно-географических, общественно-политических и культурно-конфессиональных условиях. Типы и формы политического поведения означают конкретизацию цивилизационной детерминации в определенных условиях и историческом времени соответствующих ценностей, стереотипов поведения, ментальности.

Роль цивилизационного фактора проявляется в этнических детерминантах политического поведения этносоциальных общностей. Трансформация этнических моделей политического поведения любого этноса в рамках российского общества первично обусловлена его цивилизационной спецификой, вторично – относительно самостоятельными развившимися на этой основе национальными интересами. Под влиянием имманентных факторов, характерных для российской цивилизации, сформировались менталитет великорусского этноса, специфика его национального характера, патриархально-подданический тип политической культуры, определяющие свойственные ей традиционалистские стереотипы: духовность, общинность, имперский дух, патриотизм, изоляционизм, державный этатизм, государственный патернализм, политическая пассивность, персонификация власти, наличие традиционализма, правового нигилизма. Под влиянием имманентных факторов, характерных для северокавказской цивилизации, сформировались близкие по ряду позиций к менталитету великорусского этноса черты менталитета горского суперэтноса, специфика его национального характера, патриархально-подданический тип политической культуры, определяющие свойственные ей традиционалистские стереотипы: духовность, общинность, патриотизм, изоляционизм, в известной мере религиозный фанатизм. Политическая культура включает разнородные пласты, обуславливающие ее многослойность, гетерогенность, фрагментарность и внутреннюю противоречивость. Ее конкретную специфику определяет цивилизационный раскол, вызванный антагонизмом между процессами модернизации и традиционалистскими ценностями. Особенности российской политической культуры выражены в варианте геополитической культуры основного населения макрорегиона в рамках развития той или иной цивилизации.

В ходе произошедшей трансформации советского общества особое значение приобрели геозтнополитические ценности. В этих условиях процессы трансформации этнических отношений протекала в плотной увязке с геополитическими интересами своего государственного образования и внешнеполитических партнеров. В процессе цивилизационного надлома великорусский суперэтнос постепенно теряет свою имперскую идентичность и пассионарность и частично отходит от активной геополитической борьбы за лидерство в зоне своих жизненных интересов в политическом пространстве евразийской цивилизации. В свою очередь обретшие свою государственность бывшие советские республики как союзные, так и автономные, и доминирующие в них этносы ведут самую активную борьбу за новое место в системе геополитических отношений.

Геополитическое пространство Кавказского макрорегиона, формируемое в условиях цивилизационного надлома, многомерно и противоречиво. В каждом субъекте макрорегиона можно выделить властные и оппо-

зиционные образования, борющиеся за различные варианты общественного развития России (государственнический, коммунистический, национально-патриотический, конфессиональный). Замедленное структурирование среднего класса усиливают цивилизационную маргинальность новых и старых социальных образований. Трансформационная структура современного российского общества отражает основные латентные характеристики российской цивилизации, опосредствованно влияющие на политическое поведение.

В кавказском обществе отчетливо проявилась тенденция к социальной активности, в ходе которой происходило усиление традиционных коллективных связей и нормативно-моральных регуляторов поведения. В тоже время активизация терроризма временно дестабилизировала геополитическое сознание, усилила тенденцию маргинализации северокавказского общества, что в целом определило многообразие форм девиантного поведения. Образовалась модель формирования протестной модели политического поведения: относительно высокая политическая активность населения - контролируемые административным ресурсом выборы, частичная легитимность политической власти. Уровень политического сознания и поведения различных социальных групп на Юге России зависит от развития институциональных форм выражения и защиты их социальных интересов.

Формирующийся в России инновационный тип политической активности, отражает противоречивый процесс реализации социально-политических нововведений с целью обеспечения эффективности общественного саморазвития на основе культивирования имманентных факторов, но он не востребован властью и не играет роли регулятора социальных отношений. Развитие инновационной модели политической активности отдельных социальных групп предполагает относительный отход от традиционализма при сохранении здорового консерватизма, рациональное следование мировым ценностям, освоение ценностей гражданской геополитической культуры, толерантности и гуманизма как интегральной идеологии, дающей ощущение принадлежности к мировой цивилизации. Общей чертой геополитической конфронтации и консолидации на современном этапе развития является то, что в их основе лежит пересечение геополитических интересов как основных детерминант современного политического процесса. Демократизация как основная тенденция современного политического процесса, сопровождается двумя тенденциями – суверенизацией и регионализацией. Эти две тенденции характеризуются объективной взаимосвязью и единством, которые выражаются в различии геополитических интересов стран и регионов с разной ментальностью, уровнем развития и ролью в политике. В условиях современной геополитической ситуации современная Россия сохраняет возможности

для реализации своих геополитических интересов на Южном Кавказе на основе политики двойного участия во власти и оппозиции регионов.

В структуре геополитических интересов России весь Кавказ занимает особое место. От степени контролируемости и предсказуемости ситуации в данном регионе в известной степени зависит государственная политическая стабильность, безопасность и устойчивое развитие российского общества, по крайней мере, на Юге страны. В связи с этим, без урегулирования геополитических проблем на Северном Кавказе и взвешенной региональной политики центра невозможно реализовать основной геополитический интерес российского государства — сохранение целостности геополитического пространства.

Особой составляющей политической культуры является геэтнополитическая культура, которая связана со способностью объективно оценивать происходящие в мире события, геополитическую картину мира, геополитический статус страны. Геэтнополитическая культура является одним из факторов современного политического развития российского общества, направленным на укрепление геополитического статуса России и обеспечение государственных интересов в сфере международных отношений.

Основными функциями геэтнополитической культуры, оказывающими влияние на политическое развитие российского общества, являются: во-первых, формирование представлений о роли и месте России в современном геополитическом пространстве и связанное с научным знанием как элементом геополитической культуры; во-вторых, убеждения и эмоционально-психологические переживания, которые способствуют формированию мотивов политической активности в отстаивании геополитических интересов и национальной идентичности; в-третьих, формирование международных стандартов геополитического процесса в рамках международного права; в-четвертых, формирование представлений о перспективных направлениях геополитического развития; в-пятых формирование ориентации субъектов геополитического взаимодействия на нравственные ценности и традиции как элементы геэтнополитической культуры.

Ведущими субъектами формирования геэтнополитической культуры в современных условиях являются: во-первых, государство, система власть - оппозиция, которая, которая в процессе взаимодействия политических субъектов объективно формирует нормативно-правовую базу реализации геополитического курса в области международных отношений; во-вторых, подконтрольные средства массовой информации, которые осуществляют популяризацию знаний о геэтнополитических проблемах современности; и, наконец, высшее образование, распространяющее и формирующее геополитические знания в креативном классе.

Геоэтнополитическая культура современного российского общества имеет такие её черты, как политическая пассивность основной массы населения, особенно на периферии, противоречивость и фрагментарность представлений рядовых граждан о геополитике, которые обусловлены неоднозначностью восприятия россиянами геополитического статуса России; патернализм, проявляющийся как в убеждении, что государство обязано заботиться о гражданах, так и в обосновании заботы крупных держав над более слабыми государствами и неподконтрольными территориями; этатизм, выражающийся в отождествлении общества и государства. Эти черты геоэтнополитической культуры обусловлены особенностями геополитического положения страны и собственно историческим развитием российской государственности и менталитетом народов России. С распадом Советского Союза геополитический статус России как второй великой сверхдержавы сменился на статус «региональный лидер» и потенциальный полюс власти в многополюсном мире. Однако по-прежнему Россия обладает рядом геополитических преимуществ, связанных с уникальностью ее географического положения, с наличием огромных источников природных ресурсов, позволяющих эффективно взаимодействовать со странами мира. Россия обладает ракетно-ядерным потенциалом, обеспечивающим военную безопасность государства, и паритетные отношения в военной сфере с США, не говоря уже о других странах. Это влияет на характер и уровень геоэтнополитической культуры россиян, устойчивость и позитивность их национальной идентичности.

Главной проблемой формирования гражданской геоэтнополитической культуры в национальных республиках в границах ЮФО и СКФО является интеграция в нее национально-государственных культур, со всеми их особенностями социально-этических норм и правового сознания, базирующихся на этнических традициях и на сформировавшейся в советский период национально-государственной культуре. Серьезным препятствием интеграции является национализм с его главным проявлением – этнорегиональным сепаратизмом и религиозной ортодоксией. Богатство политической культуры Юга России заключается в разнообразии его операциональных элементов, способствующих раскрытию творческих возможностей своих субъектов и укреплению их общности. В сочинском анклав Краснодарского края в большей мере, чем в основной части Краснодарского края прослеживалась тенденция достижения множественности в единении, в реализации принципов общественной демократии, политической конкуренции, в развитии полноценного и толерантного гражданского диалога. Геоэтнополитические и социокультурные проблемы многонациональных российских субъектов, являющихся территорией Российской Федерации, не могут быть решены силами только региональных властей. Федеральный центр не должен оставлять без внимания, от-

ражающиеся в сознании всего российского населения процессы. Их игнорирование или табуирование ведет к непредсказуемому развитию событий на южных рубежах России, перспектива миграционно-демографического передела которых реально просматривается уже сегодня. Необходимо акцентировать внимание на том, что предпринимаемые меры федерального правительства должны быть ориентированы не только на экономические или политические мероприятия в названных регионах, но и на защиту прав и свобод реципиентного населения (русскоязычного и других коренных этносов) порубежных российских территорий.

Геополитические процессы на Кавказе, Армении, Грузии и Азербайджане в постсоветский период имели черты спонтанности, циклического нарастания конфликтов, постепенного вовлечения в трансграничные международные отношения, институционализации участия зарубежных акторов. Российская Федерация в силу комплекса исторических, социокультурных и правовых причин способна интегрировать Кавказ в евразийское геополитическое пространство. Реализация этого императива требует нарастить политические и военно-экономические ресурсы влияния РФ в регионе, ликвидировать очаги насильственного сепаратизма и терроризма на Северном Кавказе, способствовать соблюдению прав граждан и установлению миропорядка на Южном Кавказе.

Избрание в 1990-х гг. этнонационализма в качестве главного принципа построения нации-государства породило целый ряд этнических конфликтов и сепаратистских движений. Это привело в большинстве случаев к образованию новых государств, которые в реальности принадлежат к единой Кавказской цивилизации. Территориальные проблемы усугубляются политическими противоречиями.

Страны Южного Кавказа с момента обретения независимости постоянно стремятся преодолеть разрыв между современностью и традиционализмом на своем политическом поле, устранить несоответствие, порождаемое наличием формальных демократических процедур и авторитарных неформальных практик. Анализ политики Грузии, Азербайджана и Армении позволяет сделать вывод, что динамика политического процесса в этих странах отличается высокими темпами усиления политических институтов при относительно низких темпах роста гражданского общества и сплоченности нации. Решение актуальных проблем мира и войны связано с особенностями геополитики, экономики, культуры и социальной структуры государств Южного Кавказа. Принятие политических решений сосредоточено в рамках узкого круга политических лидеров. Деятельность политических институтов в сильной степени зависит от неполитических сил и групп.

Чисто геополитические факторы не являются постоянно действующими, но активизируются на определенных этапах и серьезно влияют

на внутривнутриполитические процессы при незавершенных процессах геополитической идентификации. В СССР длительное время отсутствовало влияние геополитического фактора (если не считать гонки вооружений). В условиях системного кризиса резко возросло воздействие геополитического фактора как извне, так и внутри СССР. В результате геополитический распад СССР стал итогом борьбы геополитических программ субъектов республиканских властей, выступавших в качестве оппозиции по отношению к федеральному центру.

Внутри отделившихся республик произошел новый раскол в связи с геополитической ориентацией, но он не стал определяющим фактором. В бывших союзных республиках Кавказа после выхода из СССР и образования независимых государств наблюдается единство власти и оппозиции по основным направлениям геостратегии, при сохранении разногласий по тактическим вопросам. В Азербайджане авторитарный режим и слабая политическая оппозиция выступают за возвращение Нагорного Карабаха, союз с Турцией и партнерство с Россией, оппозиция предлагает более умеренную тактику. В Армении демократический режим опирается на геополитическое единство власти и оппозиции, сохранение статус-кво Нагорного Карабаха, конфронтацию с Азербайджаном и союз с Россией при более умеренных требованиях оппозиции. В Грузии достигнуто геополитическое единство против России за возрождение Грузии в прежних советских границах при борьбе за власть оппозиции, выдвигающей умеренные геополитические требования.

Во вновь образованных малых государствах Кавказа в связи реализацией права наций на самоопределение вплоть до образования независимого государства проблема геополитического выбора не стала предметом политических разногласий власти и оппозиции. Оппозиции внутри таких государств стали оформляться, в общем и целом, в качестве устойчивых союзников режимов власти в процессе реализации общей геополитической стратегии. В Абхазии – почти все политические субъекты за сотрудничество с РФ при сохранении самостоятельности и противостояния агрессии Грузии. В Южной Осетии все политические субъекты выступают против возвращения в состав Грузии за вхождение в РФ, участвуя в политической борьбе за власть обычного типа.

На Северном Кавказе на современном этапе особые геополитические позиции имеет ваххабитская националистическая оппозиция в Чечне, Дагестане, черкесская оппозиция в Адыгее (и черкесская диаспора за пределами Адыгеи). Постсоветское пространство на юге европейской части бывшего СССР включает в себя субъекты Северного Кавказа, в том числе примыкающие к Кавказу Ставропольский и Краснодарский края, и Южный Кавказ. Сравнительный анализ политического процесса в этих регионах и выявление геополитических позиций власти и оппозиционных

структур показывает закономерности и перспективы развития всех сегментов. После распада СССР и крушения цементировавшей советское общество коммунистической идеологии на первый план вышли националистические идеологии, опирающиеся на геополитические теории, интерпретируемые в интересах ведущих этнократических групп. В субъектах РФ на Северном Кавказе геополитические взгляды в основном развиваются в русле российской геополитики и не являются предметом разногласий и дискуссий, за исключением немногочисленной национально-террористической оппозиции. В субъектах Закавказья геополитические взгляды власти и оппозиции имеют определенные, хотя и не принципиальные отличия, и они значительно влияют не только на внешнюю политику, но и на внутривластный процесс.

В известном смысле кавказский макрорегион в цивилизационно-геоэтнокультурном плане разделяется не на Северный и Южный Кавказ, а на христианско-евразийский сегмент (Краснодарский и Ставропольский края, Северная и Южная Осетия, Грузия и Армения) и исламско-восточный (республики Северного Кавказа и Азербайджан). Власть и оппозиция исламских республик Северного Кавказа направили в основном геоэтнокультурный потенциал в поддержку политического режима Путина-Медведева. В рамках больших южно-кавказских субъектов - Грузии, Армении и Азербайджана формируются различные подходы к решению проблемы геополитической ориентации и определению политической тактики в отношении отколовшихся автономий - вновь образованных государств Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Геополитический раскол Грузии и геоамериканизм ее власти и оппозиции вывел ее за пределы Российской евразийской цивилизации. Грузинская оппозиция в период боевых действий выразила готовность воздержаться от критики М. Саакашвили, «чтобы слишком его не ослаблять и дополнительно не усугублять положение Грузии», но уже через несколько месяцев после войны оппозиция поставила президенту в вину, что он «самочинно принял решение о войне и мире». Все это в комплексе привело к формированию политических союзов: Россия (Северная Осетия) - Южная Осетия - Абхазия; США - Грузия - Азербайджан - Нахичевань - Турция; Армения - Нагорный Карабах.

Элиты новых южно-кавказских государств практически единодушно решили вопрос о геополитическом самоопределении и выборе стратегического союзника - России на длительный период развития. В Абхазии и Южной Осетии существует относительное единство власти и оппозиции в вопросе о необходимости сохранения суверенитета и независимости, противостояния в этих вопросах с Грузией, требующей возвращения этих государств под свою юрисдикцию.(8) Противоборство правящих и оппозиционных структур происходит по поводу перераспределения

властных полномочий в рамках демократического развития страны. Единственное отличие в позициях заключается в том, что абхазская позиция предлагает некоторое дистанцирование от России в культурных, языковых и т.п. вопросах, то югоосетинская оппозиция – на более прочных связях с Россией по всем параметрам. Тип политического процесса в Абхазии и Южной Осетии соответствует политическим отношениям субъектов Северного Кавказа, прежде всего Северной Осетии. Эта ситуация детерминирована общей геотнпополитической культурой данных народов

Разрешение этнополитических конфликтов в Закавказье - карабахского, южноосетинского и абхазского зависит от исхода геополитического противоборства стратегических партнеров – России и США, а также от тактического решения: установить сотрудничество противоборствующих сторон до или после решения конфликтов. Руководство Азербайджана и Грузии отвергает всякое сотрудничество с противниками до политического разрешения конфликтов. Оппозиции в Грузии и Азербайджане не отвергают сотрудничество с оппонентами. Для него на первом месте стоит решение карабахской проблемы на базе восстановления старого статус-кво в соответствии с азербайджанской моделью, суть которой заключается в установлении азербайджанской юрисдикции над Карабахом. Правящий режим Армении предлагает найти инновационные подходы и нестандартные решения и проложить новые пути, которые будут способствовать решению Нагорно-Карабахского конфликта при сохранении статус-кво. Предполагается, что развитие экономического сотрудничества между сторонами, вовлеченными в конфликт, изменит ситуацию и создаст более благоприятные условия для его будущего разрешения. Оппозиция Армении выступает с более радикальными позициями, отвергая возможное сотрудничество с геополитическими противниками.

Успех развития Северного и Южного Кавказа возможен только при раскрытии всего геотнпополитического капитала региона с его уникальной евразийской ментальностью и культурно-историческим основанием. Это означает переосмысление в рамках геотнпополитического знания имеющегося отношения к цивилизационному и антропокультурному наследию народов этого макрорегиона.

Литература

1. Цымбурский В.Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы 1993-2006 гг. – М., 2007; Ильин М.В. Проблема формирования «острова Россия» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 1995. – № 1.
2. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001; Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). – М., 2011.
3. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д 2003.
4. Дугин. А.Г. Основы геополитики. М. 2009.

5. Замятин Д.Н. Россия и нигде: географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // Диалог со временем. Вып. 24. – М., 2008.
6. Кара-Мурза А.А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М., 1998.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (социокультурный словарь). М., 1991. Он же. Россия: критика исторического опыта. Т.1, Новосибирск 1997
7. Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России тема диссертации и автореферата по ВАК. Диссертация ...доктора политических наук. М.2000)) ; Чернов П.В. Россия: этногеополитические основы государственности Генезис и основные закономерности. Диссертация ...доктора политических наук. М.2000
8. См. подробнее: Маркедонов С.М.Пятидневная война: предварительные итоги и следствия», Неприкосновенный запас, №5 (61), 2008. – С.116-122.; Лакоба С. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период, 1991–2001 гг.; Цуциев А.А. «Территории проблемного суверенитета», Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 1. – М.: 2006.

УДК 325

Тремба В.А., нач. отдела международных связей ЮРИФ РАНХ и ГС

**Миграционные процессы в современном обществе:
политологический анализ**

В статье отмечается, что политические и экономические трансформации современного мира способствовали многократному росту миграционных процессов, приобретших к концу XX в. массовый характер и затронувших практически все страны мира. Став одним из ключевых вызовов XXI в., миграция повлекла за собой ряд серьезных проблем мирового масштаба.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, современное общество, глобализация.

В XX – XXI вв. проблема миграции вышла на передний план, чему в первую очередь способствовали начавшиеся во второй половине XX в. глобализационные процессы, повлиявшие на характер и специфику перемещений населения по всему миру, меняющих политическую, экономическую, социокультурную ситуацию во многих государствах, в первую очередь в странах Запада. Бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем выступлении определил миграцию как один из важнейших вызовов XXI века [1].

В конце XX в. популярность в научной среде приобрела синтетическая теория миграции, у истоков которой стоял социолог Дуглас Мэсси, поставивший рост миграционных потоков в современном мире в прямую зависимость от экономической глобализации и связанных с ней процессов на рынке труда [2].

Сегодня массовые миграции, прежде всего с целью трудоустройства, происходят во всех регионах планеты. Внимание мигрантов в первую очередь привлекают Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия как наиболее благоприятные в экономическом и политическом отношении центры притяжения миграционных потоков. Последние, в свою очередь, отличаются спецификой направленности. Латиноамериканцы мигрируют в США, Испанию, выходцы из государств Карибского бассейна – в США и Великобританию.

Привлекательны для некоторых групп мигрантов и страны Востока. В частности, выходцы из Индии, Пакистана, Бангладеш, Индонезии, Восточной Африки в поисках лучшей жизни нередко отправляются в «нефтяные державы» Персидского залива – Кувейт, Катар, ОАЭ, Оман, Саудовскую Аравию, выходцы из России, Украины, Молдавии, прибалтийских стран – в Европу, граждане среднеазиатских республик и Азербайджана – в Россию, Турцию, Иран.

Появляются и новые центры притяжения мигрантов – так, как отмечает Е.Ф. Авдокушин, «набирающим обороты центром привлечения рабочей силы становятся страны Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего азиатские "новые индустриальные страны". Так, по данным тайваньской печати, этому островному государству в середине 90-х годов требовалось 100 тыс. рабочих и 20 тыс. ИТР. Кроме "новых индустриальных стран", в этом регионе рабочую силу импортирует Бруней. В 60-е годы стал формироваться международный центр притяжения рабочей силы в Латинской Америке, где рабочих из других стран принимают в основном Аргентина и Венесуэла» [3].

Помимо этого, существуют внутренние миграционные потоки в большинстве стран мира, которые заключаются в перемещении большого количества людей из менее развитых в экономическом отношении районов в более развитые или те, в которых существует большая вероятность заработка денежных средств. В Российской Федерации такими центрами притяжения служат Москва и Санкт-Петербург, города и поселки – центры добывающей промышленности в Сибири, а также региональные и областные центры – для малых населенных пунктов. В Южном и Северокавказском федеральных округах региональными центрами притяжения миграции являются и сельские районы Краснодарского, Ставропольского краев, Астраханской и Ростовской областей, куда мигрируют выходцы из республик Северного Кавказа, а также из Азербайджана с целью занятия сельским хозяйством и аграрным бизнесом.

Понятно, что в этническом, конфессиональном, культурном отношении большинство мигрантов существенно отличаются от представителей коренного населения. Кроме того, весомую роль играют различия в уровне образования и общей культуры, ведь основными «поставщиками»

мигрантов являются экономически отсталые страны, в которых нет возможности обеспечить своим гражданам достойные условия существования, в том числе уровень образования.

Более того, жизнь во многих государствах, являющихся поставщиками мигрантов (Таджикистан, Узбекистан, Афганистан, Бангладеш, Сомали и др.) такова, что ставит население этих государств на грань физического выживания, заставляя их мигрировать хотя бы в целях сохранения собственной жизни. При этом мигранты отнюдь не заботятся о том, насколько плотно им удастся интегрироваться в принимающее общество, смогут ли они выучить его язык и ознакомиться с культурными особенностями. Нередко этот фактор становится причиной конфликтов, криминальных ситуаций.

Глубокие культурные различия между мигрантами и коренными жителями осваиваемых ими территорий приводят к конфликтам, а значит, препятствуют нормальной интеграции мигрантов в новый социум, приводя к непониманию между «хозяевами» и «гостями», что нередко заканчивается совершением преступлений, противоправность которых мигранты зачастую не осознают.

Согласно теории транснациональной миграции, в результате миграционных процессов в современном мире люди оказываются включенными сразу в несколько сообществ, которые формируют транснациональные сети, пересекающие государственные и географические границы [4]. Таким образом, мигранты предстают в качестве субъектов транснациональной активности. Однако можно подвергнуть сомнению реализуемый в рамках данной концепции тезис о невозможности контроля миграционных процессов со стороны государства.

Представление о неподконтрольности миграционных процессов сыграло немаловажную роль в отказе многих европейских государств от разработки и реализации мероприятий по управлению миграционными потоками в предыдущие десятилетия. К чему это привело показывает опыт современной Европы.

В последнее время многие европейские государства в буквальном смысле на собственном опыте ощутили, что процент выходцев из стран Азии и Африки в этих странах существенно возрос. Это вызывает обоснованное беспокойство коренного населения во многом потому, что переселенцы и их потомки не хотят интегрироваться в принимающее общество, продолжая и на новом месте жительства следовать исключительно своим традициям, что зачастую идет вразрез с обычаями «новой родины». Подобная ситуация характерна для РФ: в настоящее время, согласно данным миграционной службы Таджикистана, в российской столице проживают около миллиона мигрантов из этой республики [5].

Рост количества мигрантов и различия мигрантов и коренного населения в культуре и менталитете приводят к конфликтам, основанным на несовместимости ценностей и поведенческих установок. Причина в том, что большинство мигрантов относятся к этническим группам, чьи цивилизационные, культурные, конфессиональные нормы существенно отличаются от действующих в принимающей стране. Мигранты, продолжая придерживаться обычаев и традиций своих этнических групп, усугубляют эти различия; к тому же нередки случаи, когда эти обычаи противоречат законодательству принявшего их государства.

Между тем, социологи отмечают, что представители многих мигрантских сообществ сегодня сознательно демонстрируют нежелание ассимилироваться, делая это стратегией своего существования при «освоении» новых территорий. Итогом этой тенденции становится фрагментация и социокультурный раскол западного общества, что практически сводит на нет достижения многовекового строительства национальных государств в Европе.

Сегодня во многих европейских городах жители активно выражают недовольство, если на территории их страны возводятся культовые сооружения нетрадиционных для этих государств конфессий, настаивают на запрете чрезмерно помпезного проведения религиозных торжеств, поскольку подобные проявления расцениваются как намеренная демонстрация превосходства приезжих над коренными жителями, либо как скрытое желание осуществить конфессиональную экспансию. В любом случае, данные факторы вызывают заведомое неприятие со стороны коренного населения.

Крайне опасной для развитых государств проблемой стала криминализация общества, связанная с увеличением количества мигрантов, для многих из которых характерны социальная неустроенность, экономическое неблагополучие, сложности с получением легального статуса. В результате многие мигранты становятся участниками этнических организованных преступных групп (ОПГ), формирующихся в диаспорах, либо самостоятельно идут на совершение преступлений (кражи, грабежи, разбои, изнасилования). Для ОПГ, в свою очередь, характерны торговля наркотиками, оружием, организация проституции, похищения людей. Причем во многих случаях мигранты совершают преступления против «своих», что способствует сокрытию их от правоохранительных органов.

Многие исследователи полагают, что увеличение преступности в переселенческой среде является следствием слабой государственной политики, которая должна быть направлена на обеспечение и реализацию равных стартовых возможностей и достойных условий жизни мигрантам. Недоработки в этих вопросах, считают ученые, усиливают распространение

ние среди мигрантов преступности и правонарушений наряду с усилением экстремистских и националистических настроений [6].

Наконец, многие политологи склонны рассматривать в неконтролируемой нелегальной миграции прямую угрозу национальной безопасности, поскольку часто с нелегальными мигрантами на территорию принимающего государства проникают экстремисты и террористы, в том числе представители международных террористических организаций. Не стоит забывать и о модели т.н. «ползучей экспансии», т.е. заселения определенных сопредельных территорий мигрантами с целью их последующего отторжения от страны или провозглашения там национальной автономии (об опасности такого сценария часто говорят применительно к китайской миграции в Восточную Сибирь и на Дальний Восток) [7].

Связанные с миграцией перечисленные сложности сегодня являются актуальными для большинства стран, являющихся центрами миграционного притяжения – в том числе и для России, где эти процессы обладают особой остротой в связи с целым рядом аспектов:

- многонациональный и многоконфессиональный состав населения;
- огромная территория, привлекающая колоссальное количество мигрантов;

- существенные социально-экономические и политические изменения, пережитые Российской Федерацией в течение последних двух десятилетий. Эти трудности обостряются на фоне создаваемых бюрократическим аппаратом административных барьеров, распространения коррупции в органах власти, засилья криминалитета и предпочтения неформальных правил закону.

Чтобы с максимальной эффективностью решать проблемы, непосредственно связанные с миграцией, важно прежде всего создать наиболее оптимальный для каждой страны механизм адаптации переселенцев к новым для них социально-экономическим и бытовым условиям, способствовать их успешной интеграции в принимающем обществе. Поэтому особое внимание в данном контексте следует обратить на две диаметрально противоположные позиции, отражающие отношение современных государств к вопросам миграции: мультикультуралистскую и интегративную. Обе системы имеют своих приверженцев, как в социологии, так и среди представителей органов власти, политических партий и общественных движений, обычных граждан.

Основой мультикультуралистской позиции является сохранение национальной и культурной идентичности мигрантов. Это нередко предполагает определенную дистанцированность между приезжими и коренными жителями. Интегративная позиция, наоборот, базируется на утверждении необходимости ассимиляции и слияния мигрантов с новым для социумом и его обычаями. Сторонники интегративной позиции считают

данную модель наиболее эффективной для решения вопросов, неизбежно возникающих в странах, обладающих повышенной привлекательностью для мигрантов.

Очевидно, что мультикультуралистская модель тесно связана с постмодернистской философией, предполагающей приход «Множества», плюрализма, на смену универсализму, диктату «Метанарративов».

Согласно предложенному Н.Глэйзером определению мультикультурализма, он представляет собой «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре» [8]. В современном мире мультикультурализм находит отражение в политической жизни многих государств.

Как отмечает В.Котельников, «мультикультурная модель государственности основана на идее о том, что культурные различия внутри общества вполне в норме вещей. Иммигранты здесь являются полноправными пользователями системы образования, участниками рынка труда и жилья, а также полноправными участниками демократического процесса принятия решений...» [9].

Очевидно, что первостепенной задачей мультикультурализма является развитие и укрепление культурных различий. Являясь социальным движением с конкретно обозначенной идеологией, мультикультурализм, несмотря на новизну, прочно обосновался в определенной нише в качестве ещё одного варианта решения вопросов, относящихся к культурной, этнической, расовой и религиозной гетерогенности государств. Отметим, что в современном мире стран, разнородных по перечисленным параметрам, подавляющее большинство – лишь 10% считаются культурно однородными и мононациональными.

В качестве особой модификации комплексной либеральной идеологии мультикультурализм ставит своей целью достижение социального согласия и стабильности при условии гармоничного сосуществования различных культурных систем. В рамках мультикультуралистской концепции либеральная идея направлена на защиту культурных, языковых, этнических различий внутри населения, но не на реальную защиту прав и свобод человека в целом.

Новейшие теоретические разработки и исследования в области миграции отличаются от более ранних, в первую очередь, возросшим интересом к социологическим аспектам данной проблемы. К последним можно отнести взаимообусловленность непосредственного процесса миграции и дальнейшей интеграции переселенцев в принявшее их общество; совокупность факторов и условий, необходимых для успешной интеграции; формирование толерантного отношения к вновь прибывшим иностранцам у коренного населения и предотвращение возможных конфликтов на этнической почве.

На сегодняшний день анализ взаимодействия различных культур в обществе не представляется возможным без детального изучения социальной структуры общества, проблем социальной стратификации и социального расслоения. Мультикультурализм, признающий равноправие культур в современном обществе и возможность их открытого взаимодействия и обмена ценностями, подвергается резкой критике со стороны общества, где все более усиливаются расистские настроения. Многие ученые-обществоведы признают ценность и самобытность любой культуры, однако на практике сложилась совершенно иная ситуация. Равных возможностей для развития и самореализации любого гражданина, независимо от его национальной или конфессиональной принадлежности, в современном обществе не предоставлено.

В современных условиях концепция мультикультурализма получила весьма вольное толкование. Многие социальные группы, в прошлом считавшиеся носителями девиантного поведения, все активнее заявляют о себе и требуют признания своих прав. Таковыми являются, например, феминистки, представители сексуальных меньшинств, ВИЧ-инфицированные т.д. Теория мультикультурного общества основана на трех постулатах: равноправное взаимодействие культур, возможность для человека личного выбора того, к какой культуре себя относить, возможность покинуть или какую-либо группу или поменять ее на другую [10].

Предоставление возможности для граждан самим определять свою культурную принадлежность – важнейшее условие, позволяющее преодолеть этнические разногласия внутри государства.

Мультикультурализм подразумевает под собой открытое взаимодействие и готовность к диалогу, как со стороны приезжих, от которых требуется лояльное отношение к культуре принимающего их общества, так и со стороны коренного населения. Государство обязано создать условия для ускоренной интеграции переселенцев в новое для них общество, безболезненной адаптации и усвоению принятых в нем правовых и культурных норм.

И все же, необходимо заметить, что реальность пока далека от идеала, и мультикультурализм еще далеко не в полной степени раскрыл и использовал свои возможности.

События последнего десятилетия свидетельствуют о том, что в европейских странах обозначился поворот в сторону политики интеграционизма, также накладывающей заметное воздействие на ход миграционных процессов. В современных политических и социальных науках выделяются два подхода к решению проблем адаптации мигрантов к принимающему их обществу: интеграция и ассимиляция. Интеграция предполагает сохранение мигрантами в новой стране их национальной и культурной идентичности, однако, при этом, мигранты должны признавать приоритет

норм права и законов принявшей их страны по отношению к нормативным основаниям того общества, откуда они прибыли, а также неукоснительно соблюдать все эти законы и уважительно относиться к культурным ценностям большинства. Также интеграция подразумевает и отсутствие любой активности, направленной на дестабилизацию общества и подрыв существующей государственной системы.

Сегодня многие европейцы воспринимают укрепление и распространение идеологии мультикультурализма как национальную катастрофу. Трудно не согласиться с тем, что подобная модель интеграции не только низкопродуктивна, но и достаточна рискованна для тех государств, которые ее придерживаются – прежде всего потому, что чрезмерная свобода в выражении национальной и культурной идентичности меньшинств может способствовать проявлению сепаратизма, усугублению сегментации общества и его дезорганизации. В частности, применительно к современной России, исследователи отмечают, что появление в стране значительного количества мигрантов из числа представителей абсолютно чуждой в этническом, конфессиональном, культурном отношении общности станет прямой угрозой национальной безопасности российского государства, что может привести к непредсказуемым для страны последствиям [11].

В начале 1990-х гг. США и Канада столкнулись с явлением так называемого реактивного мультикультурализма, источником которого стали этнические и культурные меньшинства. Многочисленные национальные диаспоры, ранее расположенные к корреляции с коренным населением, сегодня, наоборот, стремятся к повсеместному установлению собственных обычаев и правил, принципиально настаивая на своих отличиях и отрицая возможность компромиссного сближения с представителями других культур и этносов. В качестве примера можно привести афроамериканцев, которые еще в 50-х гг. XX века старались нивелировать различия между собой и своими белокожими согражданами, однако по прошествии всего лишь 30 лет эту тенденцию сменила принципиально противоположная.

В современном мире следование мультикультуралистским принципам практически невозможно без уничтожения собственной идентичности. По мнению критиков мультикультурализма, его главная опасность состоит в том, что он является угрозой для любой национальной общности, способствуя ее вырождению: история человечества свидетельствует о том, что результатом попыток организовать сосуществование противоположных культур может стать лишь извечная «война всех против всех». Как отмечает О.А. Якимова, ««геттоизация» мигрантов не способствует межкультурному диалогу и отнюдь не создает условий для реализации концептуальных моделей совещательной демократии (С. Бенхабиб) или дискурсивной этики (Ю. Хабермас). В крайних случаях подобная автаркия выплескивается в различных агрессивных формах проявления этно-

центризма и интолерантности, в стремлении навязать принимающему обществу собственные этнокультурные атрибуты и стереотипы» [12].

Происходящие в западном мире, а в последние годы и на территории Российской Федерации конфронтации мигрантов и коренного населения являются лишь непосредственным результатом провальных попыток государственной власти реализовать мультикультуралистскую модель миграционной политики без учета существующей политической, культурной, экономической специфики конкретных стран и регионов. Наличие большого количества совершенно чуждых в культурном отношении людей является лишь мощным провоцирующим фактором для разжигания все новых и новых очагов социальной и политической нестабильности.

В завершение настоящей статьи подведем ее основные выводы:

Политические и экономические трансформации в жизни современного мира, начавшиеся во второй половине XX в. и включавшие, в первую очередь, деколонизацию «третьего мира», глобализацию экономических отношений, углубляющуюся социальную поляризацию в мировом масштабе, способствовали многократному росту миграционных процессов, приобретших к концу XX в. массовый характер и затронувших практически все страны мира. Став одним из ключевых вызовов XXI в., миграция повлекла за собой такие проблемы как изменение этнического и конфессионального состава населения в странах – центрах притяжения миграционных потоков; дифференциацию и фрагментацию западных обществ на этносоциальной основе; криминализацию социума и развитие теневого бизнеса, связанного с миграцией; распространение религиозного и политического экстремизма; рост конкуренции на рынке трудовых ресурсов. Данные проблемы являются неизбежными спутниками массовой миграции и представляют собой значимую угрозу для стабильности стран, являющихся центрами притяжения мигрантов.

Актуализация проблем миграции в современном мире способствовала выработке ряда концептуальных подходов, ориентированных на поиск наиболее адекватных путей управления миграционными процессами и интеграции мигрантов в принимающий социум. В большинстве стран Запада утвердился мультикультуралистский подход, подразумевающий сохранение множества сообществ со своими идентичностями в рамках единого государства. Однако социальная и политическая ситуация в странах, принявших мультикультурализм за основу миграционной политики, показывает, что данный подход в конечном итоге не только не способствует совершенствованию миграционной политики, но и влечет за собой крайне опасные последствия сегментации принимающих обществ, их дифференциации по этнокультурным признакам, в конечном итоге подрывая сами устои национального государства. В этой связи более актуальным стано-

вится интегративный подход, который подразумевает ассимиляцию мигрантов в принимающем обществе.

Литература

1. Проблемы миграции в современном мире // http://www.agnuz.info/tl_files/reading_room/migration/
2. *Massey D. S.*, Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration, *Population Index*, 56 (1), 1990, pp. 3-26
3. *Авдокушин Е.Ф.* Направления миграции и современные центры притяжения рабочей силы // Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения. М., 1999. // <http://economuch.com/page/mekonomika/ist/ist-4--idz-ax251--nf-29.html>
4. *Glick S.N.* Building a Transnational Perspective on Migration / *Transnational Migration: Comparative theory and Research Perspectives. An informal workshop.* Oxford, England. 2000.
5. Собянин посчитал незаконных мигрантов в Москве // http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/08/110805_sobyenin_migrants_opinion.shtml
6. *Арбутина З.* Молодежная преступность имеет не этническую, а социальную подоплеку // <http://www.dw.de/dw/article/0,,3089460,00.html>
7. *Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю.* Нелегальная миграция и организованная преступность: региональные аспекты // <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1000&more=1&c=1&tb=1&pb=1>
8. Цит. по: *Борисов А.А.* Мультикультурализм: Американский опыт и Россия/ Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. Изд-во Аспект-пресс, М., 2003 г. С.8-9.
9. *Котельников В.* Мультикультурализм для Европы: вызов иммиграции // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a263.htm>
10. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. М., 2003.
11. *Копшева О.* Задача: совместить прозрачность с закрытостью // Независимая газета. 2003. 4 марта, с. 4; *Чернов Д.* Мигранты крадут у России миллиарды // *Время МН.* 2002. 10 декабря и др.
12. *Якимова О.А.* Концепции интеграции мигрантов в контексте современного развития России // *Известия Уральского государственного университета. Общественные науки.* № 2 (91), 2011. // [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0091\(04_\\$02-2011\)&xsl=show Article.xslt&id=a05&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0091(04_$02-2011)&xsl=show Article.xslt&id=a05&doc=../content.jsp)

Оценка и прогноз развития потенциала промышленных инноваций с позиции ресурсно-нормативного подхода

Аннотация. В статье в соответствии с принципами ресурсно-нормативного подхода проводится оценка и прогнозирование развития научно-инновационного потенциала промышленности по его основным показателям в разрезе регионов России.

Ключевые слова. Научно-инновационный потенциал промышленности; кластеризация регионов; оценка и прогноз; ресурсно-нормативный подход.

С учетом современного состояния и тенденций развития научно-инновационного потенциала российской промышленности инструментарий управления его целеориентированным наращиванием должен базироваться на процедурах перманентного мониторинга для адекватной и своевременной коррекции его величины, что позволяет формировать вектор поступательного развития промышленных инноваций. В связи с этим для объективной оценки и прогнозирования развития научно-инновационного потенциала промышленности представляется целесообразным использование ресурсно-нормативного подхода, позволяющего увязывать и оценивать с применением точных количественных методов «участие» потенциала промышленных инноваций в росте важнейших макроэкономических показателей. Суть данного подхода состоит в следующем.

На первом этапе оценивание потенциала следует проводить для мезоуровня, то есть промышленного сектора территории (региона). Это вызвано рядом причин. На микроуровне возрастает вариабельность параметров предприятий, а также возникают разного рода проблемы с информационным обеспечением, что детерминирует необходимость привлечения экспертов, а это потенциально способно привести некоторую субъективность в результат оценивания. На макроуровне же производится только «рамочное» управление научно-инновационным потенциалом промышленности, поэтому и оценка, будучи агрегированной по России в целом, получится достаточно огрубленной для целевого управления. В связи с этим для оценки состояния и динамики научно-инновационного потенциала промышленности был выбран мезоуровень, представленный регионами Российской Федерации. Статистических данных по промышленности, а также науке и промышленным инновациям регионов, достаточно для количественной оценки данного вида потенциала, кроме того, значительные различия в уровне развития российских регионах позволяют наглядно проиллюстрировать применяемый подход.

Исследование проводилось с использованием информационной базы Росстата по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» [1]. В качестве эмпирической базы оценки научно-инновационного потенциала промышленности были выбраны показатели, характеризующие, с одной стороны, промышленность региона, с другой, – науку и инновации. Это связано с особенностью объекта управления – его возникновением при взаимодействии науки и промышленных предприятий. Так как информация об инновациях и научно-исследовательских разработках непосредственно в промышленности отсутствует, то оценка научно-инновационного потенциала производится корреляционными связями показателей развития промышленности и инноваций. Перечень показателей, использованных в процессе анализа, представлен в таблице 1, из которой видно, что большинство переменных характеризует именно инновационную активность, однако показатели, отображающие развитие промышленности, обладают значительно более высокой информационной емкостью.

Результаты анализа в ретроспективном аспекте свидетельствуют о том, что показатели научно-инновационного потенциала наиболее тесно коррелированы с развитием промышленности в сферах обрабатывающего производства и производства и распределения газа, электроэнергии и воды. Очевидно, что обрабатывающие производства являются более технологичными, и, соответственно, более восприимчивыми к инновациям. Однако показатели ВРП на душу населения и индекса промышленного производства демонстрируют весьма слабую связь с показателями научно-инновационной активности. Это можно интерпретировать как индикатор низкой доли инновационной продукции в ВРП, а также недостаточную инновационную активность в целом. Несмотря на то, что на уровне государства предпринимается ряд стимулирующих мер, направленных на повышение научно-инновационного потенциала, роль наукоемких технологий в экономике остается незначительной. Повышение величины инвестиций не приводит к ожидаемому росту внедряемых инноваций в промышленности, в связи с чем актуализируется потребность в комплексном управлении научно-инновационным потенциалом промышленности, нацеленным на повышение его не столько количественных, сколько качественных параметров. Управление же требует адекватного информационного обеспечения, заключающегося в систематическом сборе и обработке данных о состоянии и динамике научно-инновационного потенциала промышленности.

Поэтому первой задачей оценки научно-инновационного потенциала промышленности России было получение бинарных оценок наличия/отсутствия потенциала согласно разработанной методике [2]. При оценивании научно-инновационного потенциала отдельно взятого про-

мышленного предприятия целесообразно проведение экспертных процедур для получения оценок в требуемой форме, но информационная база в разрезе регионов позволяет предложить еще один, более формализованный вариант получения необходимых бинарных оценок, базирующийся на методах прикладной статистики и многомерного статистического анализа.

Исходим из предположения, что выбранные для анализа переменные в совокупности характеризуют научно-инновационный потенциал промышленности регионов. Предположим также, что в Российской Федерации имеются регионы, обладающие научно-инновационным потенциалом промышленности. Данное предположение (априорное в рамках текущего анализа) представляется обоснованным, так как для управления необходим объект управления. Если же ни в одном из российских регионов нет научно-инновационного потенциала промышленности, то отсутствует объект управления (и, соответственно, оценки) как таковой. Однако это обстоятельство не подтверждается эмпирическими данными, следовательно, выдвинутое предположение можно считать целесообразным.

Априори неизвестно, насколько различным является научно-инновационный потенциал промышленности отдельных российских регионов. Тем не менее, предположив, что выбранные показатели его характеризуют в достаточной степени, можно с применением методов кластерного анализа выявить, на какое количество (и каких) групп по данным показателям делятся российские регионы. На основании этой оценки получаем возможность ранжирования полученных кластеров по уровню развития научно-инновационного потенциала промышленности по избранным переменным. Тем самым получим естественную классификацию регионов России по уровню развития научно-инновационного потенциала промышленности.

Данная задача решалась с помощью математико-статистических методов. Были использованы методы кластерного анализа с применением Евклидова расстояния. Первоначально была построена дендрограмма в Евклидовой метрике, анализ которой позволил прийти к выводу о наличии трех основных кластеров – достаточно однородных групп регионов по исследуемым параметрам. Для дальнейшей классификации был использован метод k -средних. В результате применения метода k -средних исследованные 78 регионов РФ были разделены на три кластера, включающих регионы, сходные по своим характеристикам научно-инновационного потенциала.

Как показали расчеты, первый кластер значительно отстоит от второго и третьего практически по всем показателям, особенно по инновационной активности, а также превалированию обрабатывающих производств. Среднее по кластеру регионов число организаций, выполнявших исследования и разработки, в 3 раза превышает значение для второго, и в 8 – для третьего кластера.

Таблица 1

Показатели научно-инновационного потенциала промышленности регионов Российской Федерации, использованные в исследовании

№ п/п	Показатель	Ед. изм.
1.	Число организаций, выполнявших исследования и разработки	шт.
2.	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками	чел.
3.	Внутренние затраты на исследования и разработки	тыс. руб.
4.	Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ (фундаментальные исследования)	млн.руб.
5.	Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ (прикладные исследования)	млн.руб.
6.	Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ (разработки)	млн.руб.
7.	Поступление патентных заявок и выдача охранных документов (выдано патентов)	шт.
8.	Число созданных передовых производственных технологий	шт.
9.	Число используемых передовых производственных технологий	шт.
10.	Инновационная активность организаций (число организаций, осуществляющих технологические инновации)	шт.
11.	Затраты на технологические инновации	млн.руб.
12.	Объем инновационных товаров, работ, услуг	млн.руб.
13.	Валовой региональный продукт	млн.руб.
14.	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности (добыча полезных ископаемых)	млн.руб.
15.	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности (обрабатывающие производства)	млн.руб.
16.	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности (производство и распределение электроэнергии, газа и воды)	млн.руб.
17.	Индексы промышленного производства	в % пред. году

Следовательно, в регионах, попавших в первый кластер, научно-инновационный потенциал промышленности присутствует, так как имеет место и развитое производство и заметная инновационная активность. Однако данный кластер является самым малочисленным – в него попали Московская и Нижегородская области.

Второй кластер включает 16 регионов и отличается от первого по уровню инновационной активности, однако разрыв между вторым и первым кластерами меньше, чем между вторым и третьим. Количественно эти различия представлены в таблице 2. Во второй кластер попали следующие регионы: Воронежская область, Калужская область, Ярославская область, Ленинградская область, Ростовская область, Республика Татарстан, Пермский край, Самарская область, Ульяновская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Красноярский край, Новосибирская область, Томская область, Приморский край.

Наиболее многочисленный, третий, кластер включает все остальные регионы. Следовательно, можно сделать вывод, что большая часть российских регионов обладают крайне низким уровнем научно-инновационного потенциала промышленности. Основная часть инновационной активности России сосредоточена всего лишь в 18 регионах, при этом максимальный уровень отмечен лишь в двух.

Таблица 2

Евклидовы расстояния между кластерами

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Кластер 1	0	4,816078E+13	6,668185E+13
Кластер 2	6939797	0,000000E-01	1,506924E+12
Кластер 3	8165896	1,227568E+06	0,000000E-01

Это свидетельствует о настоятельной необходимости управления им для выравнивания его уровня между регионами, поскольку выравнивание будет означать в данном случае повышение промышленного потенциала инновационной направленности в масштабе экономики всей страны.

Следующим этапом исследования, в соответствии с применяемым подходом, явилось построение прогнозов для основных переменных, характеризующих состояние и развитие научно-инновационного потенциала промышленности России. Прогноз был построен для макроуровневых значений переменных, аналогичных использованным в процессе мезоуровневого анализа, для выявления основного вектора развития инновационного потенциала промышленности страны в целом. Использовались значения по РФ за период с 2000 по 2008 г., прогноз осуществлен до 2015 г.

Построенные модели по своему типу являются трендовыми, что придает им дополнительную аналитическую ценность – они позволяют выделить основные тенденции изменения ключевых показателей, характеризующих научно-инновационный потенциал российской промышленности, в числе которых: численность персонала, занятого исследованиями и разработками; внутренние затраты на исследования и разработки; число используемых передовых производственных технологий.

Все полученные модели оказались статистически значимыми на высоком уровне значимости и обладают высокой прогнозной способностью – скорректированные коэффициенты детерминации равны соответственно 95,9, 99,2 и 97,9 %. Для динамики показателей «численность персонала, занятого исследованиями и разработками» и «число используемых передовых производственных технологий» характерны линейные тренды, но для первой – нисходящий, для второй – восходящий. Для переменной «внутренние затраты на исследования и разработки» свойственен восходящий параболический тренд.

Результаты анализа показали, что наблюдается тенденция линейного убывания численности персонала, занятого исследованиями и разработками, что, несомненно, имеет негативное влияние на научно-инновационный потенциал промышленности. Если текущая тенденция сохранится, то к 2015 г. значения данного показателя упадут более чем на 25 %. Следовательно, управленческие усилия по наращиванию научно-инновационного потенциала промышленности должны быть направлены на устранение данного «узкого места» или лимитирующей составляющей этой компоненты потенциала промышленности, задействованного для осуществления целей ее развития и модернизации, прежде всего, в сфере промышленного производства.

На рис. 1 представлен прогноз для переменной «внутренние затраты на исследования и разработки». За исследуемый период произошел весьма значительный рост данного показателя, о чем свидетельствует выделенный параболический тренд. Прогнозные и фактические значения на рис. 1 практически неразличимы, так как коэффициент детерминации модели превышает 99 %. Если тенденция роста показателя сохранится и далее, то к 2015 г. прирост составит более 13 раз по сравнению с 2000 г. Это, несомненно, положительная динамика, так как внутренние инвестиции в инновации приводят к значительному росту научно-инновационного потенциала промышленности, а также к его реализации. Однако следует иметь в виду объективно существующую проблему – неравномерность развития научно-инновационного потенциала промышленности по территории РФ. Следовательно, часть этих инвестиций должна быть направлена на территориальную диффузию инноваций, их распространение по регионам для сглаживания сложившейся диспропорциональной ситуации.

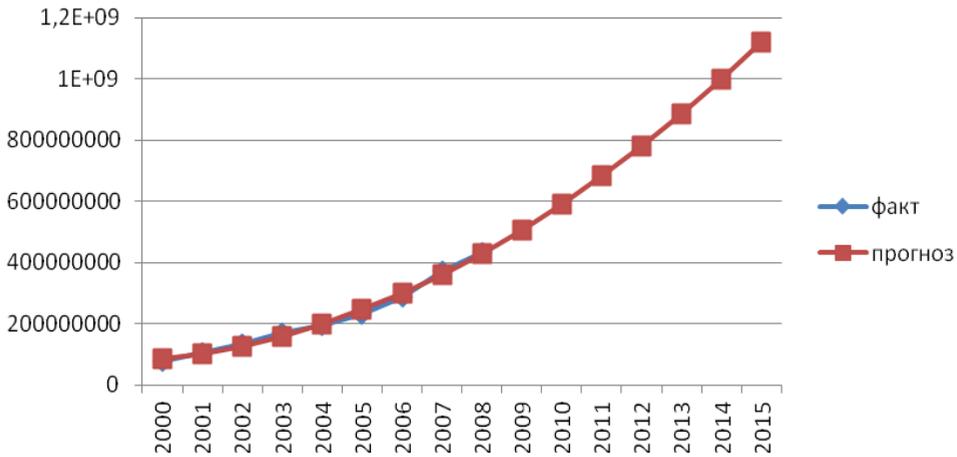

Рис. 1. Прогноз внутренних затрат на исследования и разработки до 2015 г.

Как видно на рис. 2, число используемых передовых производственных технологий также имеет тенденцию к росту, однако не столь стремительную, как затраты на внутренние исследования и разработки. Тенденция к росту по линейной функции, при условии ее сохранения, обеспечит увеличение их числа к 2015 г. более чем в 3 раза по сравнению с 2000 г., что можно расценивать как наращивание инновационного потенциала промышленности.

Однако в совокупности построенные прогнозы также иллюстрируют противоречивость сложившихся тенденций: возрастание финансовой составляющей научно-инновационного потенциала промышленности при несомненном количественном росте отдачи от его применения, на фоне снижения кадровой, «человеческой» составляющей. Это служит основой для важного вывода в отношении управления научно-инновационным потенциалом промышленности. Оно должно иметь два постоянных равнозначных вектора: повышение инвестиций в научно-инновационный потенциал промышленности, а также развитие и стимулирование его человеческого потенциала. Значительный рост инвестиций на фоне заметного снижения численности занятых в данной сфере свидетельствует о том, что инвестиции не направляются на мотивацию работников, в то время как именно человеческий потенциал, несомненно, является главной составляющей научно-инновационного потенциала промышленности. Привлечение финансовых ресурсов осуществимо значительно проще, нежели наращивание ресурсов человеческих - ученых, исследователей, разработчиков. Следовательно, основные усилия должны быть направлены на перераспределение финансовой поддержки таким об-

разом, чтобы создать заметные стимулы к направлению инновационных усилий в сторону промышленного производства.

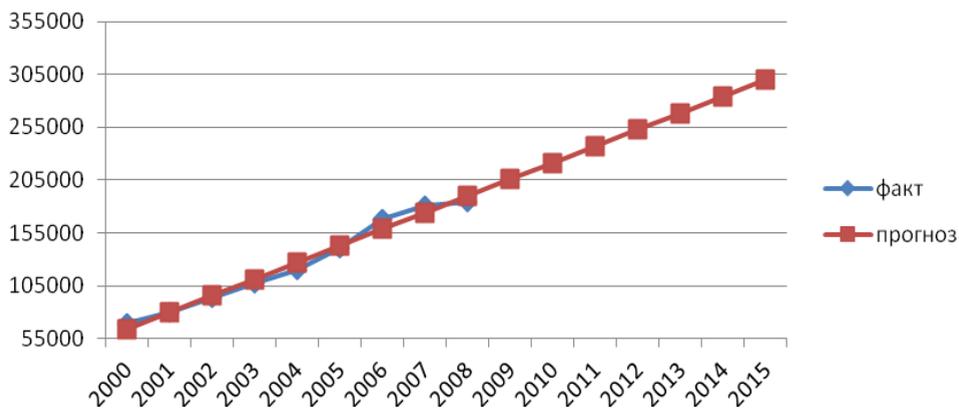

Рис. 2. Прогноз числа используемых передовых производственных технологий до 2015 г.

В таких условиях, несомненно, возрастает роль мониторинга и контроля результатов управления развитием потенциала промышленных инноваций, причем на всех выделенных уровнях – макро-, мезо- и микро. При этом очевидно, что обратная связь является обязательным условием устойчивого управления: субъекту управления постоянно необходимо получать данные о состоянии объекта управления – научно-инновационного потенциала промышленности. Вследствие стохастической природы и высокой сложности процессов управления данным объектом, получение информации о состоянии научно-инновационного потенциала должно быть постоянным, регулярным, чтобы субъекты управления имели возможность своевременно корректировать траекторию движения объекта управления. В связи с тем, что субъект и объект управления в данном случае имеют сложную, трехуровневую структуру, информация должна также поступать на каждый уровень обособленно. При этом на каждом уровне также присутствует значительное число дополнительной информации, не относящейся к управлению потенциалом, что затрудняет принятие решений. Таким образом, неопределенность на более высоких уровнях управления нарастает. Также возрастает и сложность управления, так как ослабляются возможности непосредственного воздействия на объект управления при одновременном увеличении числа подлежащих контролю параметров. Тем самым становится все более и более важным получение информации о состоянии и динамике научно-инновационного потенциала промышленности.

В настоящее время увеличивается число инновационно-ориентированных государственных программ различного уровня. Часть из

них направлена на поддержку науки, часть – на внедрение инноваций в промышленности. Однако эффективность данных мероприятий как системы не доказана. То есть неясно, приводят ли они к инновационному росту экономики и промышленности в целом, а не отдельных коллективов и предприятий. Особенно сомнительной становится эффективность таких мер, принимая во внимание их исключительно финансовый характер и размах российской коррупции.

Системная поддержка и развитие промышленного потенциала науки и инноваций должна заключаться, прежде всего, в единомразмерном и сбалансированном росте всех составляющих его элементов. При разовом и целевом распределении отдельных сумм бюджетных средств роста и развития того элемента системы, куда они направлены, не происходит. В частности, потому, что оплата труда научных коллективов разных форм (в подавляющем большинстве являющихся бюджетными учреждениями) настолько низка и неконкурентоспособна, что денежные средства, распределяемые в виде грантов, премий и прочих видов помощи, воспринимаются не как поощрение, а как единовременный выход на «достойный» накопленного человеческого капитала уровень. В тех же случаях, когда средства направляются не единовременно и однократно, а на постоянной основе, также возникают системные сложности, так как отдельные элементы всей системы научно-инновационного обеспечения экономики становятся приоритетными. Даже в случаях, когда с точки зрения реального уровня потенциала это обоснованно, в условиях колоссального разрыва с остальными элементами это не создает «здоровой конкуренции», а только и исключительно способствует оттоку молодых ученых и исследователей как в другие государства, так и в пределах «внутренней утечки умов» – их перехода в другие сектора экономики, где они могут обеспечить себе достойную заработную плату, но при этом «выпадая» из научно-инновационного потенциала не только промышленной сферы, но и государства в целом.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2009. – 990 с.
2. Рощина Л.Н. Концептуальная модель оценки научно-инновационного потенциала промышленного предприятия //Известия КБНЦ РАН. 2011. № 3 (41).

УДК 316.3

Зинченко Я.Г., к. соц. н., доц.

Бюрократия: динамика и трансформация

Аннотация. На основе пространственного подхода рассматриваются социальные параметры, динамика и трансформация современной государственной бюрократии в России.

Ключевые слова и словосочетания: бюрократия, социально-профессиональная общность, «слоевая» модель бюрократии, социальное пространство, социальное поле, социальные параметры, индексы, индикаторы, переменные.

Бюрократия давно «прописана» в российском обществе. Чиновники занесены в реестр должностей особой корпоративной общности, встроенной в социальную структуру. Она представляет собой относительно замкнутое целостное образование, характеризующееся общностью условий существования, административной формой деятельности, единой системой ценностей и норм, а также сходными чертами образа жизни. Это реальная, эмпирически фиксируемая, статусная группа людей, воспроизводство которой связано с осознанием чиновниками своих интересов, их самоидентификацией и механизмами самоорганизации.

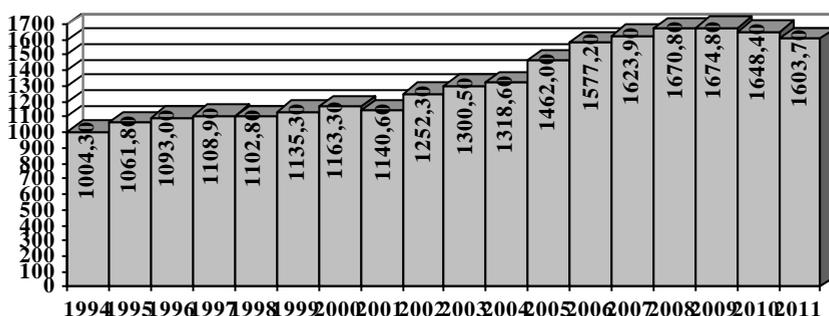
В российском обществе сложилось неоднозначное отношение к бюрократии. Одни оценивают ее как высокостатусную группу, признают престиж и привилегированность административного труда. Другие полагают, что это не обычная профессиональная группа, а обособившийся слой или даже класс, «присвоивший» себе государство. Им инкриминируются корысть и произвол, формализм и карьеризм, паразитический образ жизни.

Безусловно, смена общественного строя, административная реформа должны были изменить основные социальные параметры данной группировки. В связи с этим следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, на динамизм перехода от идеократического к профессиональному основанию функционирования бюрократии. Во-вторых, трансформационный характер этого процесса, связанный с движением как вперед, так и вспять.

Основные данные о численности сотрудников органов государственной и муниципальной власти, используемые в данной статье, взяты из источников Госкомстата России. Они собираются, начиная с 1994 г. в ходе сплошного единовременного обследования. Самое последнее из них фиксирует состояние на 11 октября 2011 г. [1]. Численность чиновников в стране имеет тенденцию к разрастанию (см. гр. 1).

График 1

Динамика численности работников органов государственной власти и местного самоуправления (тыс. чел.)

Объектом нашего исследования является государственная бюрократия. В России она росла по разным причинам. Во-первых, в связи с активизацией процесса разделения властей и укрепления органов законодательной, судебной власти, прокуратуры и др. Во-вторых, за счет формирования новых служб и агентств органов исполнительной власти. В-третьих, по причине издержек перераспределения функций и полномочий от федеральных органов власти к региональным и местным. В-четвертых, из-за внутренне заложенной тенденции бюрократии к размножению независимо от объективных факторов.

Очевидно, динамичное развитие бюрократии сопровождается ее трансформацией. В социологии сложились разные подходы к исследованию данной социальной общности в сопряжении с различными парадигмами [2]. Определенные перспективы открывает пространственный подход.

Нынешняя российская бюрократия предстает перед социологом как пространство различных групп (федеральных, региональных, ведомственных и др.), действующих порой противоречиво. Социальное пространство объединяет совокупность полей (П. Бурдьё), в которых группы занимают определенную позицию.

Поле представляет собой конфигурацию связей между позициями, которые объективно определены, во-первых, их актуальной и потенциальной ситуацией в структуре распределения различных видов капитала, во-вторых, связями с другими позициями (доминирование, подчинение и т.д.) [3].

Понятие «поле» отражает функциональную дифференциацию общества на относительно замкнутые сферы практик: экономических, политических, культурных и др. Для каждого поля можно определить индексы и провести соответствующие замеры. Так, политическое поле репрезентирует индекс *власти*, который выражает следующие переменные: наличие подчиненных; полномочия; управленческие функции, стаж служебной деятельности. *Экономический* индекс проявляют такие переменные как доход, наличие в собственности чиновника акций и недвижимости (основное и вспомогательное жилище, земля, культурно-бытовые предметы длительного пользования) и т.п. Индекс *культуры* складывается посредством переменных, отражающих уровень образования, квалификацию, ценности, престиж, образ жизни и др. [4].

Таким образом, пространственный подход позволяет предложить «слоевую» модель бюрократической общности. Всю совокупность государственных чиновников можно разложить на слои, имеющие близкие характеристики по трем указанным индексам. В результате мы выделим страты, различающиеся между собой местом в служебной иерархии, пространственной локализацией и другими доминирующими признаками (см. табл. 1).

Государственная бюрократия подразделяется на политическую и профессиональную [5]. И те, и другие занимают определенные должности. Под должностью понимается первичная организационная единица, характеризующая роль и полномочия лица, занимающего ее. Это базовая штатная структура государственного аппарата. Политическую бюрократию составляют лица, замещающие государственные должности, а профессиональную – лица, замещающие должности государственной гражданской службы.

Исходя из полномочий, выделяются профессионально-квалификационное и структурно-функциональное разделение труда. Профессионально-квалификационное разделение труда учитывает виды и сложность выполняемых работ. Структурно-функциональное разделение труда обусловлено уровнем и сферой деятельности государственного органа, отраслевой и территориальной спецификой.

Вследствие вертикального разделения труда формируются группы государственных служащих среднего и нижнего уровней администрирования; в результате горизонтального разделения труда образуются группы служащих, специализирующихся на выполнении конкретных функций администрирования.

Таблица 1

Виды бюрократии	Политическая	Профессиональная			
		Руководители	Помощники	Специалисты	Обеспечивающие специалисты
Категории чиновников	Лица, замещающие государственные должности	Лица, замещающие должности государственной гражданской службы			
Социальные слои	Верхний	Средний	Субсредний	Нижний	Субнижний
Власть	Есть подчиненные	Есть подчиненные	Нет подчиненных	Нет подчиненных	Нет подчиненных
Доход	Богатые	Зажиточные	Обеспеченные	Среднеобеспеченные	Низкообеспеченные
Образование	Высшее	Высшее	Высшее	Высшее	Высшее, среднее

Это классифицированные государственные служащие, т.е. имеющие классные чины, ранги, звания, от которых в определенной мере зависят их полномочия.

По состоянию на 11 октября 2011 г. в государственных органах РФ находилось 827503 работников. Укомплектованность составила 91,8 %. В том числе в федеральных государственных органах законодательной власти 3683 человек, исполнительной власти – 484533, судебной власти и прокуратуры – 114000, других государственных органах – 1558 чел.

В государственных органах субъектов РФ насчитывалось 221645 работников. Из них в органах законодательной власти 9174 чел., исполнительной власти – 182609, судебной власти – 21055, других государственных органах – 8807 чел.

Политическая бюрократия (лица, замещающие государственные должности) в целом по стране насчитывает 36936 чел. Это верхний слой чиновников (административно-политическая элита) составляющий всего 4,5 %. Среди них 42,9 % мужчин и 57,1 % женщин. Абсолютное большинство этих лиц – 36086 чел. действует на региональном уровне.

Состав политической бюрократии по возрасту: до 30 лет – 2,4%; 30-39 лет – 31,3 %; 40-49 лет – 34,1 %; 50-59 лет – 25,7 %; 60-65 лет – 2,3 %; старше 65 лет – 0,1%. Статистика свидетельствует об обновлении данного слоя людей. Ключевые позиции покинула «старая гвардия» советского

периода. Их место заняла «новая генерация», получившая опыт работы в современных административных структурах.

Процесс обновления элиты отражает также группировки бюрократии по стажу: 1) вновь нанятые в течение года (3,5 %); 2) нанятые в период президентства Медведева со стажем от 1 года до 5 лет (8,8 %); нанятые в период первого и второго президентства Путина со стажем от 5 до 15 лет (36,0 %); 4) нанятые в период первого и второго президентства Ельцина со стажем от 15 до 25 лет (31,4 %); 5) нанятые в период президентства Горбачева со стажем от 25 лет и старше (20,2 %).

Политическая бюрократия обладает наибольшими властными полномочиями и ресурсами. Для нее характерен довольно высокий уровень доходов, позволяющий относить этих людей в группу «богатых»: от 1871318 руб. (Попов М.М., помощник Секретаря Совета Безопасности РФ) до 484014080 руб. (Хлопонин А.Г., полномочный представитель Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе). Кроме того, у них в собственности находятся земельные участки, недвижимость, автомобили и др. [6].

Политическая бюрократия обладает также символическим капиталом в форме высшего образования (99,9 %). В их числе лиц, имеющих два и более высших образования – 12,6 %; послевузовское образование – 2,9 %; ученую степень кандидата наук – 5,4 % и доктора наук – 1,2 %. По укрупненным группам специальностей и направлениям подготовки состав кадров распределен следующим образом: гуманитарные и социальные науки – 90,7 %, из них 89,6% – юриспруденция; экономика и управление – 3,7 %, в том числе по специальностям – государственное и муниципальное управление – 1,1%, управление персоналом – 0,1 %; физико-математические и естественные науки – 0,5%, образование и педагогика – 1,1 %, здравоохранение – 0,4 %, культура и искусство – 0,1 %, сельское и рыбное хозяйство – 0,7 %, другие – 2,7%. Статистика показывает снижение технократического влияния на систему публичного администрирования. Если 20 лет назад значительная часть региональной элиты (79,5 %) испытывала недостаток знаний в сфере права, то в настоящее время таких единицы [7].

Профессиональная бюрократия представлена лицами, замещающими должности государственной гражданской службы: руководителями, помощниками, специалистами и обеспечивающими специалистами. Все они составляют профессиональное сообщество, которое приобрело свою современную форму в процессе длительного исторического развития. В результате осознания «чисто технической неизбежной потребности управления» – подчеркивал М. Вебер, – в европейских развитых государствах в XVII в. «происходила постепенная передача княжеского самовластия (Selbsthennseft) профессиональному чиновничеству» в трех ключевых об-

ластях: управлении финансами, военном деле и судопроизводстве [8].

В этот период профессия государственной службы приобретает социально выраженную форму, закрепляется за определенными группами людей (придворными), стала наследоваться, передаваться через специальное обучение, т.е. воспроизводиться в социальной форме. Со временем на смену средневековому чиновнику приходит новый специалист государственной службы, не скованный сословными ограничениями, не прикрепленный к знатному сообществу, а подготовленный на основе рационального использования научных знаний.

Историческое развитие профессии государственной службы осуществляется через социальные механизмы семьи, культуры, образования, через накопление профессиональной памяти и передачу традиций, когда «незримый университет» распространяется не только вширь, но и в глубь веков. Субъектом социальных форм профессии являются группы государственных гражданских служащих федерального и регионального уровня.

Профессия гражданской службы в современной России приобретает высокий статус, который закрепляется социальными механизмами престижа, оплаты труда, льгот, гарантий и т.д. Высокостатусная профессиональная группа требует особых способностей, определенного уровня профессионализма, которыми обладают индивиды.

Тем не менее, гражданская служба нуждается в профессионализации. Речь идет не просто о развитии профессиональных способностей чиновников, а о формировании профессионального подхода к обеспечению ими полномочий государственных органов. Профессионализация гражданской службы – это социальное явление, обусловленное изменениями в содержании административной работы, связанное с возникновением новых специальностей в сфере государственной службы, новых технологий, форм и методов профессиональной деятельности.

Иерархическое строение профессионального сообщества определяет социальную диспропорцию между средними и нижними слоями бюрократии, демографические, социокультурные и другие различия.

К средним слоям профессиональной бюрократии относятся руководители и помощники. Доля руководителей составляет 16,1 %. Половозрастные группы руководителей соразмерны по численности друг другу (см. табл. 2, 3). Одна треть – тридцатилетние, устремленные к инновациям. Другая треть – сорокалетние, использовавшие для своего карьерного роста возможности, предоставленные рынком и демократией. Наконец, еще одна треть – пятидесятилетние, обеспечивающие устойчивость традиций. В состав руководителей входят лица, занимающие довольно сильную социальную позицию. Они возглавляют государственные органы и их структурные подразделения, представительства, т.е. обладают властными ресурсами. Авторитет руководителей опирается на солидный стаж гражд-

данской службы (см. табл. 4). По уровню дохода руководителей можно отнести к зажиточным (см. табл. 5).

Значительная часть руководителей (40,9 %) имеет образование по экономике и управлению, в том числе по государственному и муниципальному управлению только 4,5 %, а по управлению персоналом лишь 0,7 %. Между тем, для данной категории служащих типична управленческая форма труда. Они выполняют функции по планированию, организации, координации, мотивации, регулированию, анализу и контролю за состоянием дел. Таким управленцам важнее умение работать бригадным методом, «сколачивать» команду.

Доля помощников (советников) в структуре бюрократии невелика – 4,0 %. В большинстве своем это молодые люди с юридическим образованием (см. табл. 3, 7), содействующие руководителям в исполнении властных полномочий. У них нет подчиненных, но имеются возможности влияния, как на специалистов, так и на руководителей. Официальные данные о доходах помощников отсутствуют, но, судя по социологическим опросам помощников можно отнести к обеспеченным.

К нижним слоям профессиональной бюрократии относятся специалисты и обеспечивающие специалисты. Их доля составляет соответственно 57,7 % и 17,7 %. Это наиболее феминизированные группы служащих. Большинство из них лица в возрасте до 39 лет (см. табл. 2). Анализируемые страты близки друг другу по отсутствию подчиненных и по стажу служебной деятельности (см. табл. 3). По величине доходов специалистов можно отнести к среднеобеспеченным, а обеспечивающих специалистов к низкообеспеченным.

Рассматриваемые слои отличаются по уровню образования. В составе обеспечивающих специалистов значительная часть лиц, имеющих среднее профессиональное образование (см. табл. 5). Это допустимо, поскольку для данной категории работников характерна операторная форма труда, связанная с обработкой документов, сбором, учетом и хранением информационных баз данных. Специалисты занимаются в основном администрированием в той или иной отрасли хозяйства и оказанием публичных услуг населению.

Об особых навыках этих категорий чиновников можно судить по укрупненным группам специальностей и направлениям подготовки базового высшего профессионального образования (см. табл. 7).

Как видно, данные статистического обследования чиновников дают возможность оценить размеры, динамику и трансформацию российской государственной бюрократии и проанализировать ее основные социально-демографические характеристики.

У российской бюрократии «женское лицо» (71,3 % женщин). Безусловно, это во многом определяет социальную ориентацию и административ-

ную культуру чиновников, «женское» восприятие общественных явлений и процессов. Вместе с тем, четко просматривается тенденция: чем выше слой бюрократии, тем больше в нем мужчин: обеспечивающие специалисты – 15,4%; специалисты – 29,3 %; руководители – 38,6 %; лица, замещающие государственные должности – 42,9 %. Гендерный дисбаланс можно объяснить влиянием традиционных представлений о «мужском характере» деятельности руководителя, а также низким размером оплаты труда, особенно обеспеченных специалистов, что не могут себе позволить многие мужчины.

Имеет место тенденция влияния возраста на распределение бюрократии по слоям. В нижних слоях чиновников доминируют лица в возрасте до 30 лет, в средних от 30 до 39 лет, в верхнем от 50 до 59 лет. В целом возрастная структура бюрократии достаточно пропорциональна. Вместе с тем в структуре бюрократии увеличивается доля молодежи в возрасте до 30 лет и составляет в настоящее время 26,9 %. Она в основном концентрируется на младших и старших должностях. Это закладывает тенденцию длинной очереди на служебное продвижение молодежи, снижения ее мотивации. Ни материально, ни социально деятельность молодых специалистов не стимулируется.

Фиксируется прямая зависимость возраста и стажа служебной деятельности. Среди обеспечивающих специалистов доминируют чиновники со стажем от 1 до 5 лет, специалистов – от 5 до 10 лет, руководителей и лиц, замещающих государственные должности – от 15 до 25 лет. Вместе с тем, наблюдается обратная зависимость возраста и материального благополучия. «Новая генерация» чиновников имеет более высокие доходы по сравнению со «старой гвардией».

Современная бюрократия представляет собой одну из самых образованных профессиональных общностей в России. Абсолютное большинство чиновников имеет высшее образование (90,6 %), обладают ученой степенью. Например, в органах законодательной власти 9,9 % служащих кандидаты наук и 2,1 % – доктора наук.

Анализ данной социальной общности по профилю образования показывает, что управленцы среди чиновников составляют всего 4,1 %. Вряд ли данный факт отражает востребованность в служебной деятельности управленческих компетенций. Вместе с тем, возможно, что характер деятельности профессиональных чиновников в большей мере носит не управленческий, а административный характер.

Дальнейшая логика исследования бюрократии требует дополнить объективные характеристики этой социально-профессиональной общности субъективными, такими как профессионализм, корпоративность, идентичность и др.

Социологи получают сведения об этом методом опроса. Особое значение имеет идентичность, которая выражает интегральную характе-

ристику группы профессиональной бюрократии в рамках социального пространства.

Цель идентификации состоит в интеграции чиновника в группу профессионалов и самой этой группы в социальную структуру общества. Идентичность облегчает взаимодействие индивида с группой. Она повышает солидарность, кооперацию, мотивацию, взаимовыручку между гражданскими служащими.

Подводя итог анализу основных социальных параметров российской бюрократии, можно сделать вывод, что в настоящее время они представляют собой профессиональную полузакрытую общность с четкими стратификационными очертаниями. Институциональные изменения российского общества формируют новую модель бюрократии, ее слоевую социокультурную дифференциацию. В настоящее время можно эмпирически зафиксировать и проанализировать ясно выраженные позиции социальной самоидентификации. Для этого социологи используют следующие индикаторы:

1. *Общность ценностных установок.* В совокупности ценностей, разделяемых государственными служащими, выделяются: профессиональная честь, служение Отечеству, секретность, взаимное доверие, патриотизм, постоянство, самопожертвование, честность и неподкупность, нейтральность.

2. *Социальная самоидентификация.* Степень осознания служащими специфики администрирования достаточно высока. Эмпирически установлено, что свобода в выборе путей решения управленческих задач способствует реализации творческого потенциала личности в профессиональной деятельности.

3. *Сходство мотивации.* Самой значимой для большинства чиновников является установка на карьере, связанные с должностным продвижением социальные, организационные и правовые статусы.

4. *Общие принципы служебного поведения.* В административной среде утверждается кодекс поведения чиновников, представляющий собой нравственные основы деятельности должностных лиц.

5. *Осознание идентичности.* Материалы социологических исследований показывают достаточно высокую степень осознания бюрократией своей принадлежности к государственной службе. Несмотря на снижение престижа профессии, нестабильность служебного положения, чиновники ориентированы на особый характер труда в сфере администрирования, связывают с ней свои социальные ожидания.

Итак, статистика фиксирует тенденцию становления качественно новой социально-профессиональной общности государственных служащих. Вместе с тем, этот процесс протекает противоречиво в условиях напряженности административной среды. Причины этого кроются в заты-

нующемся процессе институционализации современной государственной службы, полузакрытости ее формальных структур, устаревшей профессиональной культуры, низком уровне самоорганизации чиновников.

Таблица 2

	Состав кадров по полу в %			
	руководители	помощники	специалисты	обеспечивающие специалисты
мужчины	38,6	24,2	29,3	15,4
женщины	61,4	75,8	70,7	84,6

Таблица 3

	Состав кадров по возрасту в %					
	до 30 лет	30-39	40-49	50-59	60-65	старше 65
руководители	5,6	28,0	30,9	31,3	4,2	0,0
помощники	36,7	43,0	12,3	6,3	1,5	0,1
специалисты	28,0	31,8	20,8	17,5	1,9	0,0
обеспечивающие специалисты	46,5	23,2	13,9	14,8	1,6	0,0

Таблица 4

	Состав кадров по стажу гражданской службы в %					
	до 1 года	от 1 года до 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 15 лет	от 15 до 25 лет	25 лет и свыше
руководители	1,3	6,8	19,5	19,6	34,5	18,3
помощники	2,7	24,7	38,5	17,4	12,8	3,9
специалисты	6,7	23,8	27,2	15,1	19,7	7,6
обеспечивающие специалисты	16,3	36,9	22,9	8,1	10,8	4,9

Таблица 5

	Среднемесячная начисленная заработная плата			
	руководители	помощники	специалисты	обеспечивающие специалисты
В федеральных гос. органах: на федеральном уровне на региональном уровне	122236	нет данных	57307	38936
	39634		25983	18334
В государственных органах субъектов РФ	65181	нет данных	36498	25794

Таблица 6

	Состав кадров по образованию в %						
	Имели профессиональное образование		Не имели профессионального образования	Справочно из числа лиц с высшим профессиональным образованием			
	высшее	среднее		2 и более высших образования	послевузовское образование	ученую степень	
						кандидатов наук	докторов наук
руководители	99,4	0,5	0,1	18,1	2,8	3,5	0,3
помощники	99,2	0,3	0,4	14,2	1,4	1,9	0,2
специалисты	94,2	4,4	1,5	10,5	1,2	1,0	0,0
обеспечивающие специалисты	66,5	30,6	3,0	6,1	0,4	0,2	0,0

Таблица 7

	Имели базовое высшее профессиональное образование по укрупненным группам специальностей в %													
	гуманитарные и социальные науки	из них по направлениям подготовки		экономика и управление	из них по специальностям		физико-математические и естественные науки	образование и педагогика	здравоохранение	культура и искусство	информационная безопасность	сфера обслуживания	сельское и рыбное хозяйство	другое
		юриспруденция	международные отношения		государственное и муниципальное управление	управление персоналом								
руководители	26,3	23,0	0,3	40,9	4,5	0,7	3,5	4,1	3,3	0,4	0,2	0,2	2,9	18,1
помощники	88,4	86,2	0,1	4,8	1,3	0,2	0,6	1,8	2,2	0,1	0,0	0,1	0,4	3,5
специалисты	30,9	27,0	0,3	37,1	4,2	0,7	3,5	5,1	2,2	0,3	0,4	0,3	3,5	16,8
обеспечивающие специалисты	27,5	22,8	0,2	46,0	5,7	1,1	3,3	6,4	0,4	0,4	0,6	0,4	1,9	13,0

Литература

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. www.gks.ru
2. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности// Социологические исследования. 2010. № 4.
3. Bourdieu P. Wacquant L.J.D. Responses. Por une anthropologie reflexche. – Paris: Seuil, 1992.
4. Зинченко Г.П. Госслужащие региона: состав и социальные особенности // Социологические исследования. 1999. № 2.
5. В нашей стране пока не существует четкого разделения между политической и профессиональной бюрократией, так как при смене властных элит в некоторых госструктурах состав профессиональной бюрократии чуть ли не полностью меняется.
6. Сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера федеральных государственных служащих Администрации Президента Российской Федерации, а также их супругов и несовершеннолетних детей за период с 1 января 2009 г. по 31 декабря 2009 г. // <http://президент.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/7427>
7. Зинченко и др. Государственный служащий: проблемы и перспективы. Ростов н/Д. 1992. С. 29.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 658.

УДК 316.356.2+330.567.28

Кравченко Ю. В., асп.

**Устойчивость молодой сельской семьи
в социально-экономическом пространстве региона
(по материалам исследования в Ростовской области)**

Анализ результатов социологического опроса населения Ростовской области позволил выявить и определить степень влияния социально-экономического состояния региона на семейную стабильность с учетом специфики сельского пространства.

Ключевые слова: адаптация, молодая семья, социально-экономическое пространство, устойчивость семьи, бюджет семьи.

Любые серьезные изменения в обществе имеют свое преломление в быту молодой семьи в связи с особенностями этого института. Статистика свидетельствует, что переход к рыночной экономике, а также длящийся в настоящее время мировой финансовый кризис весьма болезненно отразились на устойчивости молодой семьи, проживающей в сельской местности.

Полноценное удовлетворение материальных потребностей семьи выступает одним из важных факторов сохранения ее устойчивости. Такую позицию разделяют многие западные и отечественные социологи, психологи. В зарубежной социологии были предприняты серьезные усилия по изучению различных форм семейно-брачных отношений, их влияния на последующую стабильность молодой семьи (Р. Джонсон, Р. Кейт, К. Келли, Б. Маркей и др.). Интересен подход к построению объяснительной модели влияния добрачных факторов удовлетворенности браком Ф. Ная и Р. Хилла. Удовлетворенность браком, по их мнению, тем выше, чем больше у жениха и невесты материальных ресурсов, чем выше качество воспитания и образцов супружеских отношений в родительской семье, чем большую поддержку оказывают паре «значимые другие».[1]

Проблема устойчивости молодой семьи во взаимосвязи с уровнем удовлетворенности супружеских потребностей получила освещение в работах ряда российских социологов. Прямую зависимость между потребностями молодых супругов и устойчивостью брака выявил А.В. Сысенко. Он полагал, что частичное или полное неудовлетворение тех или иных потребностей одного или обоих супругов ведет к ссорам, а затем и к хроническим конфликтам, разрушая устойчивость брака.[2]

Ряд российских ученых провели некоторые исследования по выявлению специфики сельской молодой семьи. Особенности функционирования семьи в сельской местности рассматриваются в исследованиях М.Г. Панкратовой, Я.С. Смирновой, Т.П. Насырова, В.И. Гасиев и др. Особый интерес представляют те разделы работ Я.С. Смирновой, в которых автор анализирует изменения характера внутрисемейных отношений на селе.[3] Влияние состояния экономики и инфраструктуры села на степень устойчивости молодой семьи была выявлена в работах В.И. Гасиева. Он полагал, что период, сопровождающийся обострением материальных проблем сельчан, широким распространением безработицы и бедности привел к ухудшению социального самочувствия в сельском сообществе и нарастанию негативных настроений.[4] Однако вопросы устойчивости сельской молодой семьи во взаимосвязи со спецификой социально-экономического состояния региона проживания семьи не получили должного освещения в научной литературе. В связи с этим актуальным представляется проведение и анализ исследований механизма адаптации сельской семьи и ее традиционных устоев к новым экономическим реалиям.

Оценка состояний современной молодой семьи, тенденций протекающих в этом социальном институте, в данной статье проведена на примере Ростовской области. Организуя социологическое исследование молодых сельских семей на территории области, мы попытались найти и определить те направления, которые позволили бы создать благоприятные условия для формирования и реализации ее потенциала. Одним из важнейших условий развития социально-экономического потенциала семьи является ее материальное положение. В этой связи нами изучались доходы, расходы молодых семей, и самооценка молодежью своего материального положения. Также супруги опрашивались на предмет изучения обеспеченности молодежи жильем.

Поскольку исследование было направлено на то, чтобы выявить влияние социально-экономического потенциала региона на устойчивость молодой семьи, то нас, прежде всего, интересовало, какую нишу занимает материальное состояние в семейном благополучии. Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют, что проблема материального достатка семьи находится на втором месте по значимости (54,7 % ответов), после отношений между супругами.

Как правило, основными источниками формирования бюджета молодой семьи являются заработная плата супруга или супруги, стипендия супруга или супруги и финансовая помощь родителей. О том, насколько важна для молодой семьи помощь родителей, говорят данные проведенного нами исследования, 54 % пар указали на то, что материальная помощь со стороны их родителей является одним из основных источников формирования бюджета семьи, дополнительный заработок имеют 42%

опрошенных, спасает также и подсобное хозяйство, что составило лишь 14% всех ответов. Экономический кризис, охвативший современный мир, в том числе и нашу страну, не страшен тем, кто живет сегодня на селе и имеет свое хорошее подворье. Но молодая семья все же больше ориентируется на основное место работы или случайные заработки, постепенно происходит отход от сельскохозяйственной ориентации, особенно на личное хозяйство.

Достаточно низкая финансовая обеспеченность сельских семей подтверждается данными о расходах. Основная часть бюджета семьи тратится на питание, содержание жилья и одежду. И лишь сравнительно небольшая доля молодых семей может позволить себе тратить основную часть семейного бюджета, откладывая средства на покупку недвижимости или автомобиля.

Таблица 1

Структура расходов обследованных молодых семей

Статья расходов	Семьи, указавшие на то, что именно на данную статью расходуется одна из основных частей семейного бюджета, %
Питание,	31
Покупка одежды	17
Оплата жилищно-коммунальных услуг	18
Покупка медикаментов	8
Оплата учебы супруга/супруги	9
Ежемесячные расходы, связанные с откладыванием средств на покупку жилья	9
Ежемесячное откладывание материальных средств на покупку автомобиля	5

Полученные результаты демонстрируют достаточно низкий качественный уровень жизни молодых семей, позволяющий удовлетворить только основные базовые потребности.

Молодые люди, создав семью, чаще всего сталкиваются с жилищными проблемами. Жилищные условия семьи являются не только важным аспектом материального благосостояния, но и показателем качества жизни. Согласно результатам нашего исследования, оценивая степень значимости трудностей семьи с учетом специфики места проживания 2/3 опрошенных респондентов обоих полов считают, одной из важных и трудноразрешимых проблем молодой семьи является жилищная. Данная ситуация во многом обусловлена сокращением жилищного строительства, свертыванием практики предоставления бесплатного жилья государством и недоступностью жилья из-за его высокой стоимости на свободном рын-

ке [5, с.85]. Важность решения жилищного вопроса молодыми семьями во многом вытекает из того, что они связывают неудовлетворительные жилищные условия со степенью достигнутого семейного счастья.

Согласно данным многочисленных исследований, материальная и жилищная обеспеченность на стабильность семьи непосредственно не влияет. Но плохое экономическое положение семьи зачастую усиливает конфликтные ситуации. Чтобы выявить какое же влияние на молодую семью оказывают жилищные и материальные проблемы, респондентам было предложено конкретизировать, что может способствовать распаду их семьи.

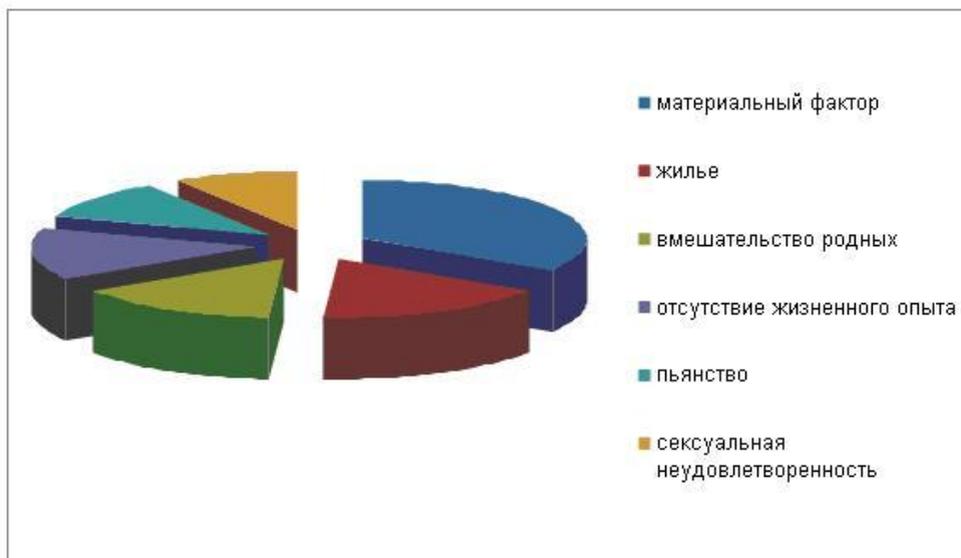

Рис.1 Мотивы распада молодых семей села

Из предложенных вариантов 66% респондентов, из них большая часть – женщины, чаще всего отмечали легкомысленное отношение к созданию семьи, в частности моральная и материальная безответственность. На втором месте оказались жилищные трудности, что составило 34% ответов. Далее были выбраны вмешательство родных (29%), отсутствие жизненного опыта (28%) и пережитки прошлого, куда вошли пьянство и ревность (21%). Половая неудовлетворенность (17,5%) заняла последнее место в иерархии основных причин развода среди молодежи.

Экономическое положение молодых семей в пределах одной области, в данном случае Ростовской, как показало наше исследование, имеет существенные различия. Примерно 45% семейных пар отнесла себя к экономически стабильной категории семьи, а остальная часть – к социально незащищенной категории, из которых 30% отметили низкую заработную плату и 20% проблемы с трудоустройством. Оценивая уровень собствен-

ного материального благополучия, больше половины респондентов ответило, что на необходимое хватает. Семей, живущих от зарплаты до зарплаты, составило 25,3% от общего числа респондентов, а 18% опрошенных отнесли себя к обеспеченным семьям, и лишь 4,3% человек, отметили «не хватает на самое необходимое». Данные результаты позволяют судить об общей финансовой картине молодой семьи в регионе. На фоне снижения уровня жизни сельского населения такие показатели говорят о процессе социально-экономического расслоения деревни. Разница в уровне социально-экономической обеспеченности семьи во многом связана со степенью отдаленности деревни от районного центра или города. Степень урбанизированности является, очень важным фактором, влияющим на выбор первоочередных мер государственной помощи семье. Различия в урбанизации проявляются не только в разных регионах, но и в пределах одной области в зависимости от типа поселений. В малых селах меньше вариантов для выбора профессии по душе. Как правило, все местные жители ориентированы на занятие преимущественно сельским хозяйством. Стоит заметить, что во многих отдаленных уголках страны сельский быт находится на уровне начала прошлого века. Проживание же в крупном населенном пункте означает более тесную связь с городом, большую обеспеченность культурно-бытовыми услугами и возможности для выбора профессии и достойной работы. Сельская молодежь, лишенная нормальных культурно-бытовых условий, испытывает желание переселиться в город. Это стремление приобретает все более тревожный характер, так как происходит старение сельского населения, а город оказывается перенаселенным.[6]

Неблагоприятная экономическая ситуация в области во многом отражается на репродуктивной функции молодой семьи. Результаты нашего исследования показывают явную зависимость между ожидаемым и желаемым числом детей и совокупностью доходов семьи. Желаемое количество детей практически не зависит от доходов семьи, в то время как планируемое число детей зависит от материальной обеспеченности в большей степени. Большая часть опрошенных респондентов пока не обзавелись детьми. А на вопрос: «Причиной мешающей рождению детей может стать?» большинство семейных пар отметило отсутствие материальной базы. Все заметнее утверждается желание пожить для себя. Вышесказанное говорит о наличии признаков дезорганизации среди молодежи. В связи с этим важным становится проблема рождаемости в молодых семьях, репродуктивные установки современной молодежи.

Всегда ли семья может справиться со своими проблемами самостоятельно, и какие меры по укреплению семьи являются более эффективными? В ходе исследования выяснилось: больше половины опрошенных считают, что улучшение жилищных условий, а также всесторонняя по-

мощь со стороны государства будет самой эффективной мерой в укреплении их союза, 48,4% придерживаются мнения, что трудоустройство и организация быта также значимо для сельской молодежи, 39,8% респондентов отметили увеличение доходов в связи с рождением детей, и лишь 32,4% человек заявило об улучшении подготовки молодежи к браку как об одной из эффективных мер сохранения семейного счастья.

Результаты социологического исследования позволили выявить зависимость уровня стабильности молодой семьи от социально-экономического состояния региона. Проблема материального достатка современной семьи является одной из значимых составляющих семейного благополучия. Для региона характерен достаточно низкий качественный уровень жизни молодых семей, позволяющий удовлетворить только основные базовые потребности. Но при этом существует явная дифференциация материального состояния молодых семей в пределах одного региона. Наблюдается процесс социально-экономического расслоения сельских поселений. Данную специфику экономического состояния семей можно брать во внимание при разработке и реализации комплексной социальной программы поддержки молодых семей на региональном уровне. Таким образом, социально-экономическое положение сельской молодой семьи требует повышения роли государства в создании нормальных условий для достижения ими необходимого уровня благополучия.

Литература

1. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
2. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1989.
3. Смирнова Я.С. Новое и традиционное в быту осетинской сельской семьи. Кавказский этнографический сборник, М.: Наука, 1980. Т. УП. 230 с.
4. Гасиев В. И. Становление и функционирование молодой сельской семьи (На примере Республики Северная Осетия-Алания): Дис. канд. социол. наук. М., 2006.
5. Мацковский, М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М.: Экст, 2009.
6. Исакова Е.В. Основные проблемы молодых семей и анализ существующих путей их решения /Интернет-конф. «Дети и молодежь URL» // <http://ecsocman.hse.ru/text/33373537>.

УДК 352

Основные направления реформирования системы муниципального управления

В статье рассматриваются ключевые направления реформирования системы муниципального управления.

Ключевые слова: муниципальное управление, местное самоуправление, реформирование, гражданское общество.

Потребности в реформировании системы муниципального управления продиктованы перманентными трансформационными изменениями в политической, экономической, культурной жизни современного общества. Современный мир отличается повышенным динамизмом своего развития, что предполагает и необходимость столь же динамичных преобразований в управленческой сфере, в особенности на ее низовом уровне, значимость которого в условиях дальнейшей демократизации политической системы и повышения значимости гражданской активности и инициативы в процессе принятия решений, неуклонно возрастает.

Рассматривая возможные варианты дальнейшего реформирования и модернизации системы муниципального управления, в первую очередь следует обратить внимание на необходимость максимизации гражданского участия в процессе муниципального управления. В настоящее время, несмотря на заявления руководителей страны о необходимости демократизации политической системы посредством повышения значимости органов местного самоуправления и участия населения в их деятельности, все же следует признать, что уровень гражданского участия в реальном управлении муниципальными образованиями остается крайне низким, что не может удовлетворять потребности современного общества в повышении задеятельности граждан в управленческом процессе.

Однако, реальное вовлечение граждан в процесс муниципального управления возможно лишь в том случае, если они почувствуют, во-первых, действительную эффективность муниципальной системы, перестав воспринимать ее только лишь в качестве низового подразделения государственной власти, а во-вторых смогут убедиться в том, что их участие в муниципальном управлении будет оказывать непосредственное влияние на политику муниципальных образований в социальной, экономической, культурной сферах.

На наш взгляд, важным компонентом системы муниципального управления могут стать структуры общественного самоуправления, созданные по типу домовых комитетов, квартальных и районных советов (ассамблей), советов сельских поселений. Формы общественного

самоуправления могут варьировать в зависимости от территориальной специфики, национальных и культурных особенностей каждого муниципального образования. К примеру, в ряде регионов страны с сильными казачьими традициями вполне возможно привлечение к решению вопросов муниципального управления казачества, в первую очередь посредством обозначения казачьего круга в качестве одного из органов общественного самоуправления.

В национальных регионах РФ схожую роль могут выполнять советы старейшин, диаспоральные советы, структуры традиционных конфессий. В особенности это относится к республикам Северного Кавказа, для которых традиционно уважение к авторитету старейшин, мусульманского духовенства.

Важным средством повышения эффективности деятельности органов муниципального управления является постепенное снижение избыточного контроля за ними со стороны органов государственной власти. Муниципалитеты, пользуясь поддержкой государства и регионов, в то же время должны быть в известной степени самостоятельны в сфере принятия решений. Автономизация муниципального управления является одним из залогов его действительного развития, поскольку лишь обладая определенным уровнем самостоятельности, муниципальное управление сможет решать отнесенный к его компетенции круг вопросов, постепенно повышая авторитет и значимость в глазах населения, а следовательно и вовлекая все более широкие слои граждан в управленческую деятельность на местах. Ведь именно вовлечение граждан в управленческий процесс с целью оптимизации последнего в конечном итоге выступает одной из ключевых целей реформ с целью модернизации и демократизации системы муниципального управления.

А.В. Шляпин, рассматривая вопрос о сокращении дистанции между органами исполнительной власти и общественным самоуправлением, что также является одной из компетенций муниципального управления, подчеркивает, что «смешанная пропорционально-мажоритарная система выборов для крупных городов, особенно на переходном этапе формирования полноценной местной власти (отчасти государственной, отчасти "самоуправляемой"), является оптимальной, позволяет ликвидировать колоссальный разрыв между последним "оком государевым" в лице территориальных органов государственной власти (налоговые инспекции, мировые судьи, службы пожарного, санитарного, строительного надзора) и реальным местным самоуправлением в лице товариществ собственников жилья, жилищно-строительных кооперативов, кондоминиумов и, главное, Советов органов территориального общественного самоуправления» [1].

В настоящее время муниципальные управленческие структуры практически не представлены на федеральном управленческом уровне, отсутствует связь между муниципалитетами и федеральными органами, что фактически изолирует муниципальную систему от реального участия в процессе принятия решений. Выборы по партийным спискам в законодательные органы власти лишают население муниципальных образований возможности выдвижения кандидатов снизу, минуя структуры парламентских партий, что также становится существенным препятствием на пути демократизации управленческой системы. В качестве альтернативы можно предложить создание муниципальных секций в федеральных органах законодательной власти, возможно создание всероссийского Муниципального собрания, которое бы отражало интересы муниципальных образований в высших органах государственной власти Российской Федерации.

Однако, здесь следует отметить, что нельзя игнорировать различия в сфере муниципального управления, существующие между городскими и сельскими поселениями. Города, обладающие самостоятельной инфраструктурой, в большей степени готовы к тому, чтобы их органы управления действовали в режиме максимальной автономии, в первую очередь в финансово-экономической сфере. Тем более, что в городе гораздо проще организовать систему управления и контроля, поскольку его территория ограничена определенной площадью и прилегающими районами. Как правило, в городах существует развитая жилищно-коммунальная инфраструктура, действуют учреждения социального обеспечения, образования и здравоохранения, что позволяет городскому поселению функционировать в значительной степени автономно. Соответственно, автономия городских поселений в контексте общей модернизации системы муниципального управления должна лишь повышаться.

Несколько иная ситуация складывается в сельских районах. Во-первых, сельские территории гораздо протяженнее, инфраструктура в сельских поселениях развита слабее, а в некоторых районах практически не развита, население в среднем отличается меньшим уровнем образования, гражданской активности, что также накладывает определенные ограничения на деятельность органов муниципального управления. Вряд ли возможно предполагать, что без помощи со стороны государственной власти сельские поселения будут справляться с задачами по строительству крупных объектов, будь то предприятия, жилые комплексы или жилищно-коммунальная инфраструктура. Соответственно, что бюджеты сельских поселений в большей степени, нежели городские, требуют дотационных влияний из федерального и регионального бюджетов.

Важнейшее значение для повышения эффективности муниципального управления и увеличения его самостоятельности приобретает обеспечение финансово-экономической самодостаточности муниципальных образований. Вплоть до последнего времени основная часть бюджетов муниципальных образований складывалась за счет поступлений из федеральных и региональных бюджетных средств, что отражалось на размере финансовых средств, находившихся в распоряжении органов местного самоуправления и, следовательно, на возможностях последних в направлении улучшения жизни граждан на подконтрольных территориях.

Зависимость муниципального управления от федерального и регионального финансирования продиктовывалась тем, что средства от налогообложения предприятий, действовавших на муниципальной территории, торговой деятельности и т.д. поступали в региональный и федеральный бюджет, минуя бюджет муниципального образования. Естественно, что региональные элиты оказывались заинтересованными в таком положении дел в первую очередь, поскольку получали возможность контроля над значительным потоком средств, поступающих от налогообложения предприятий и торговли на муниципальных территориях с одной стороны, и благодаря использованию этого рычага влияния могли полностью контролировать деятельность муниципальных органов управления, с другой стороны.

Исследователи отмечают, что финансовая независимость органов муниципального управления является первым и необходимым шагом в направлении общей децентрализации административной системы в стране, повышения эффективности последней. В частности, подчеркивается, что помимо доступа к средствам, поступающим от налогообложения действующих на территории муниципальных образований объектов промышленности и торговли, следует «исключить бессмысленное циркулирование средств от муниципального образования в бюджеты вышестоящих уровней бюджетной системы, с последующим возвращением их в тот же муниципалитет в качестве межбюджетных трансфертов. Следует рассмотреть вопрос о закреплении за местными бюджетами на долгосрочной основе дополнительных налоговых источников, стимулирующих муниципалитеты к работе над собственной доходной базой. Это позволит в перспективе расширить налогооблагаемую базу не только для местных, но также для федерального и региональных бюджетов» [2].

Необходимость повышения финансовой самостоятельности муниципалитетов, в особенности городских центров, осознается и руководителями российского государства. В частности, Владимир Путин в своей программной статье подчеркнул, что «усиление экономической

самостоятельности особенно необходимо крупным и средним городам. Здесь в основном сосредоточен экономический потенциал страны и наиболее активные граждане. Города выступают источниками экономического роста и очагами гражданских инициатив. Передавая сейчас в руки региональных властей от Федерального центра многие полномочия и финансовые ресурсы, важно позаботиться, чтобы это не обернулось беззащитностью городов перед руководителями региона [3].

Таким образом, мы можем отметить повышение экономической самостоятельности муниципальных образований в качестве важнейшего компонента оптимизации деятельности органов муниципального управления. Собственно, от данного компонента всецело зависят и остальные составляющие муниципальной реформы, поскольку муниципалитет может быть сколько угодно реформирован и демократизирован, но если он не обладает должным уровнем автономии, основанной на наличии самостоятельно пополняемого (за счет налоговых поступлений, а не дотаций центра и региона) бюджета, то вряд ли можно расценивать его как самостоятельный полноценный субъект управленческой системы государства, действующий в определенном территориальном пространстве. Тем самым, реформа муниципального управления тесно связана с реформированием его финансовой и экономической базовой составляющей, что можно добиться посредством пересмотра самой системы организации налогообложения на муниципальном уровне.

Совершенствование системы муниципального управления подразумевает и необходимость более активного использования новейших методик и технологий в организации управленческого процесса. Современное общество вошло в информационную эпоху и информационно-коммуникационные технологии занимают важное место в социальной жизни, включая и сферу управления. Значимость ИКТ для социально-политической жизни общества будет лишь возрастать, что заставляет нас обратить более плотное внимание на возможности их использования в целях совершенствования деятельности системы муниципального управления.

Концепция «электронной демократии», которая в последние годы активно обсуждается и специалистами – социологами и политологами, и политическими лидерами российского государства, на наш взгляд в наибольшей степени применима именно на муниципальном уровне. Создание специальных электронных систем, облегчающих коммуникацию между населением муниципального образования, административными институтами и органами общественного самоуправления будет способствовать дальнейшей демократизации процесса управления, а в

перспективе может стать основой для децентрализованной системы «электронной демократии» на региональном и даже федеральном уровнях.

Завершая нашу статью, необходимо подвести ее основные итоги. Реформирование муниципального управления в России в первую очередь должно осуществляться по следующим направлениям: повышение роли общественного самоуправления и его структур в жизни муниципальных образований и страны в целом; вовлечение граждан в процесс общественного самоуправления; информатизация деятельности органов муниципального управления, в том числе в актуальном направлении развития «электронной демократии» на низовом уровне; обеспечение финансово-экономической автономии муниципальных образований посредством корректировки системы налогообложения и поступления средств от налогообложения малого бизнеса на территории муниципальных образований непосредственно в муниципальные бюджеты; снижение зависимости муниципального управления от региональных элит, деbüroкратизация и докоррупциозация системы муниципального управления. Данные меры будут способствовать укреплению муниципального управления, превращению его в действенный и эффективный инструмент политической модернизации страны, развития гражданского общества и политической демократии.

Литература

1. *Шляпин А.В.* Варианты реформирования органов власти в крупных муниципальных образованиях Российской Федерации // <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=532>
2. Российское местное самоуправление. Итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг.
3. *Путин В.В.* Демократия и качество государства // <http://www.ekburg.ru/news/2/32467-vladimir-putin-my-spravilis-s-oligarkhией-spravimsya-i-s-korrupsией/>.

**Проблемы совершенствования миграционной политики
в условиях Республики Ингушетия**

В статье рассматриваются основные направления государственной миграционной политики, отмечается, что миграционная политика должна быть прерогативой не только государства, но и общественных институтов.

Ключевые слова: миграция, вынужденная миграция, государственная миграционная политика, неправительственные организации.

Северный Кавказ является регионом хронической вынужденной миграционной активности населения. Хотя здесь существуют и внешние факторы вынужденной миграции, в целом доминируют внутренние миграционные перемещения населения между соседними субъектами РФ. Из этой закономерности выбивается лишь Северная Осетия, где 45% прибывших мигрантов переселились из Южной Осетии – бывшего региона Грузии. В пределах Южного федерального округа в недавнем прошлом (в 2003 г.) находился каждый пятый вынужденный мигрант России, или 960 тыс. человек, в том числе более 182 тыс. вынужденных переселенцев из "горячих" точек страны, 24,5 тыс. беженцев из стран ближнего и дальнего зарубежья. В регионе почти в 2 раза превышен показатель миграционной нагрузки по сравнению со средним по России. Максимальную миграционную нагрузку на Северном Кавказе испытали Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия, Карачаево-Черкесская Республика и Ставропольский край [1].

Республика Ингушетия с первых дней существования в качестве субъекта Российской Федерации оказалась в эпицентре острого политического кризиса в Северо-Кавказском регионе. Вооруженный конфликт в Чечне и начало антитеррористической операции обусловили форсирование стрессовой массовой вынужденной миграции – огромного потока беженцев в районы Ингушетии. Эта республика оказалась фактически единственным регионом России, принимающим большие массы вынужденных переселенцев из Чечни. Реализованная возможность выезда в РИ, безусловно, спасла жизни многих людей. Ингушетия последнее время испытывала огромные нагрузки, связанные с пребыванием на ее территории большого количества вынужденных мигрантов, пострадавших в результате чеченского и осетино-ингушского конфликтов.

Начиная с конца 1994 года, на территории Ингушетии было сосредоточено (в том числе и в палаточных лагерях) более 300 тысяч внутри

перемещенных лиц и вынужденных переселенцев из Чеченской Республики и вынужденные переселенцы из Республики РСО-Алания.

В результате совместных с ФМС России и правительством Республики Ингушетия мероприятий удалось завершить работу по ликвидации палаточных городков и оказать содействие в возвращении в места прежнего проживания на территорию Чеченской Республики преобладающего большинства внутриперемещенных лиц.

На основании Постановления Правительства РФ от 6 марта 1998 года № 274 «Об оказании государственной поддержки гражданам РФ, лишившимся жилья в результате осетино-ингушского конфликта в октябре-ноябре 1992 г.» проводились мероприятия по оказанию государственной поддержки вынужденным переселенцам, пострадавшим в ходе осетино-ингушского конфликта.

Правительство небольшой республики было поставлено перед необходимостью обеспечения жизнедеятельности постоянно возраставшего в численном выражении населения. Согласно закону вынужденный переселенец имеет право получать денежное пособие, направление в центр временного проживания, содействие в проезде и провозе багажа, питание, бесплатную медицинскую помощь. В этих целях были созданы лагеря - центры временного размещения вынужденных переселенцев. (ЦВР) Создание системы таких центров было главной задачей правительственных структур Ингушетии, в первую очередь органов МЧС. Правительство РФ выделило средства из государственного резерва и возложило непосредственно на МЧС задачу решения проблемы первичного обустройства ВПЛ в Ингушетии с последующим включением в этот процесс структур ФМС.

Миграционные процессы вынужденного характера накалили обстановку в регионе, вызвали сложности и затруднения в деятельности управленческих органов, особенно муниципального уровня. Непомерно большое количество ВПЛ для маленькой республики вызвало некоторые элементы напряженности в отношениях между местным ингушским и пришлым чеченским населением, что нашло отражение в указе президента РИ об ограничении некоторых прав ВПЛ. Ситуация требовала не просто внимательного контроля за происходящим в среде мигрантов по месту нового их расселения и своевременного реагирования властей на возникающие проблемы, а непосредственного упреждающего постоянного воздействия государственных структур чрезвычайного управления с целью недопущения возникновения очагов этно-социальной напряженности. В процессе обустройства переселенцев госорганы, в частности, обеспечили необходимые материальные и санитарно-эпидемиологические условия, продовольственное снабжение и должный уровень финансово-экономического обеспечения, личную безопасность и

возвращение домой желающих. В решении этих задач прослеживались недостатки, в частности стремление отдельных руководителей лагерей преувеличить количество ВПЛ в целях махинаций с поступающей гуманитарной помощью и т.п. Реально в вопросе возвращения властями основное внимание было уделено переселенцам, проживающим в лагерях, а не в частном секторе Ингушетии. По мнению части прессы, палаточные лагеря слишком наглядное следствие военных действий в Чечне, бросающееся в глаза международным миссиям, однако реально МЧС, ФМС заинтересованы в последовательном решении этой проблемы исходя в первую очередь из интересов самих переселенцев. Многочисленные проблемы естественно обостряли политическую ситуацию в лагерях. Seriously усложняло проблему вынужденных мигрантов то, что переселенцы использовались манипулятивным образом как аргументы в пропаганде и даже исполнители в политике противоборствующих сторон в продолжающемся конфликте в Чечне. Переселенцы в Ингушетии являлись реально действующим дестабилизирующим политическим фактором, используемым антироссийской чеченской оппозицией. В частности ВПЛ из Чечни периодически выступали с политическими заявлениями, организовывали акции протеста типа голодовок или митингов, на которые приглашались иностранцы. Со временем для журналистов и представителей международных фондов стала очевидна политизированность и ангажированность подобных мероприятий. Целый ряд комиссий из различных европейских организаций отметили позитивным образом деятельность МЧС и других государственных структур РИ (например, председатель комиссии Парламентской Ассамблеи СЕ Т. Ивиньски).

Большое значение имела деятельность международных и российских неправительственных некоммерческих организаций по организации помощи ВПЛ, проблемам взаимодействия властей с ними. Некоммерческие организации были представлены в основном правозащитными структурами, которые пытались оказывать гражданский контроль за деятельностью исполнительной власти, соблюдением законов по вынужденным миграциям, а также по сбору, доставке и распределению материальной помощи переселенцам. В деятельности таких организаций четко прослеживается две тенденции: глобальное расширение влияния мирового сообщества в регионах и странах, а также реализация международных требований в тех сферах, где проявляется невысокая способность Российского государства регулировать определенные отношения. Ведущий принцип деятельности некоммерческих негосударственных организаций выражался формулой: «мыслить глобально, а действовать регионально». В Ингушетии действовало около 50 таких организаций, начиная от представителей Управления Верховного комиссара по делам беженцев ООН и других

международных организаций и заканчивая российскими некоммерческими организациями, которые отличаются критическим отношением по отношению к своему государству. Правительство РИ, органы МЧС и ФМС взаимодействовали с НКО на основе преимущественно технологий институционального правового регулирования и в ряде случаев – сотрудничества и партнерства. Технологии патронажа и умиротворения не получили распространения, так как эти организации занимают активную гражданскую, подчеркнута независимую позицию. В связи с этим наблюдались проявления во взаимодействии властей и НКО отношений конкуренции, соперничества, уклонения от запросов или проталкивания своих интересов. НКО недостаточно учитывают тот факт, что РИ находится в непосредственной близости от зоны антитеррористической операции, то есть вооруженного конфликта, что накладывает особый отпечаток на регулирование вынужденной миграции, оказание помощи переселенцам и определяет характер и масштаб ограничений деятельности НКО. Но это не означает, что власти всегда будут строить отношения с НКО в РИ на этой основе. По мере разрешения конфликтной ситуации властные структуры стали осуществлять использование цивилизованных технологий взаимодействия, с гражданским обществом. Поскольку именно в НКО и других ассоциациях население региона приобретает столь необходимую гражданскую политическую культуру, власти вынуждены содействовать их развитию и деятельности.

В целом опыт властей Ингушетии по управлению миграционными процессами по разрешению проблем ВПЛ носит позитивный характер и заслуживает изучения в целях недопущения повторения ошибок в аналогичных ситуациях в будущем. Регулирование вынужденных миграционных процессов чрезвычайного характера имеет выраженные черты. Это оперативное чрезвычайное воздействие органов государственной власти. В первую очередь значим опыт МЧС и ФМС и помогающих им общественных неправительственных организаций по регулированию миграционных процессов и обеспечению оптимального распределения миграционных ресурсов при согласовании интересов перемещенных лиц и государственных образований.

На наш взгляд, государственное регулирование вынужденной миграции основывается на познании всех закономерностей, принципов, функций, форм и методов миграционного вынужденного стрессового движения населения, а также обязательном выяснении сущностных интересов федеративного государства, обеспечивающего реализацию общенациональных интересов. Причем субъектами регулирования миграционных перемещений являются не только государственные, но неправительственные органы международного и внутригосударственного уровня формирования. Механизм взаимодействия данных субъектов нуждается в совер-

шенствовании, что связано с различным пониманием ими роли государства в этом процессе. Государственное регулирование вынужденных стрессовых миграционных процессов является приоритетной областью социальной политики государства, реализуемой посредством комплекса срочных административно-правовых, организационных, экономических методов, применяемых первоначально органами МЧС, затем МЧС и другими субъектами регулирования миграционных процессов, что не исключает в последующем помощь субъектов гражданского общества.

Координация МЧС, миграционной службой сотрудничества с неправительственными организациями является на настоящей этапе развития миграционной ситуацией одной из основных задач, особенно учитывая масштабы международной помощи. Эффективное воздействие на вынужденную стрессовую миграцию населения может осуществляться главным образом в форме государственного воздействия, так как основные параметры миграционного вынужденного движения зависят от характера военных и иных действий, осуществляемых государством. В процессе вынужденной стрессовой миграции населения выделяются направления, которые невозможно регулировать, например, действия факторов выталкивания и бегства; процесс возвращения вынужденных мигрантов; с большой эффективностью можно влиять на действие факторов притяжения мигрантов, пути миграции, обеспечение первичных потребностей беженцев.

Сформировавшаяся в Ингушетии система регулирования миграционных вынужденных стрессовых перемещений основана главным образом на ведомственном и административном подходе. Этот подход в чрезвычайной ситуации оказался весьма эффективным, так как обеспечил сосредоточение сил и средств при достижении определенных результатов. По мере нормализации положения процессы государственного регулирования должны стать предметом общегражданских ведомств.

В Ингушетии начинается реализация подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011-2015 годы. Реализация программы откладывается правительством Ингушетии, а выделенные средства перенаправляют на реализацию иных мероприятий. Согласно данной программе, право участия в ФЦП «Жилище» имеют граждане, признанные в установленном порядке вынужденными переселенцами и включенные территориальными органами Федеральной миграционной службы в сводные списки вынужденных переселенцев, состоящих в органах местного самоуправления на учете в качестве нуждающихся в получении жилых помещений. В соответствии с данной программой всем вынужденным переселенцам из Чеченской Республики, имеющим статус вынужденного переселенца (т.е. подтвержденный в Управлении Миграционной

службы РФ по РИ), будут оказываться единовременные выплаты или же выдаваться сертификаты на приобретение жилья. Для тех, кто не имеет подтвержденного статуса беженца (не продлили его своевременно), Миннац РИ формирует дополнительные списки на выплаты. Реализация программы осуществляется Минрегионразвития РФ.

12 января 2012 года в Магасе состоялось совещание при участии Главы Ингушетии, главным вопросом которого стала интеграция беженцев из Чечни. На совещании присутствовали представители правительства, руководители министерств, ведомств, главы администраций населенных пунктов, правозащитники и общественные организации. Был заслушан доклад о состоянии дел по оказанию государственной поддержки вынужденным переселенцам из Чеченской Республики.

Глава республики Ю. Евкуров подчеркнул, что господдержка не будет выплачиваться тем семьям беженцев, которые ранее ее уже получали. Он заявил, что целесообразнее будет построить вынужденным переселенцам многоквартирные жилые дома, а не выделять господдержку в виде финансовых средств. На эти цели, как отметил Евкуров, в Назрани определена площадь, где будет строиться жилой микрорайон. Но на «мероприятия по обеспечению жильем вынужденных переселенцев» выделяются суммы на субсидии беженцам: 2011 год — 100 млн. руб, 2012 г — 50 млн. руб, 2013- 2016 гг. каждый год по 1017,8 млн руб. итого в общем 4421 млн. рублей [2].

Тезис Ю. Евкурова о том, что «целесообразнее будет построить вынужденным переселенцам многоквартирные жилые дома, а не выделять господдержку в виде финансовых средств» подвергся критике. По мнению оппозиции эти решения лишают беженцев возможности получить средства на обустройство. Более того, оппозиция выступила в мае 2012 г. с почти программным заявлением, в котором анализу подверглась вся миграционная политика правительства, несмотря на достигнутые позитивные результаты. *«В Республике Ингушетия сложилась сложная социально-экономическая и общественно-политическая обстановка. ...Однако власть по своему решает проблему безработицы в Ингушетии. Большое число жителей республики эмигрировало в Европу, Турцию и арабские страны. Оставшееся население выдавливается в другие регионы Российской Федерации, а другую немалую часть из числа сотрудников ингушской полиции и мирного населения уничтожают, навешивая различные ярлыки. Несмотря на такое критическое положение с занятостью населения, мы все видим очень значительный наплыв в республику гастарбайтеров из среднеазиатских государств. Они заняты на государственных и частных объектах строительства, реконструкции и ремонта, в ЖКХ и многих других сферах жизни республики. Жители Ингушетии разъезжают по всей стране на лечение, так как больницы, поликлиники и другие*

медицинские учреждения чрезмерно перегружены, а мигранты усугубляют эту ситуацию, увеличивая и без того большие очереди. Они подкупают медперсонал для получения фальшивых справок, работников ФМС и правоохранительных органов, усложняют коррупционную, криминогенную ситуации и нравственный климат в обществе. Мы понимаем, что есть сферы в которых они востребованы и необходимы, но то что мы видим на наших улицах, городах и селах вышло за рамки разумного. Власть при этом все свои ресурсы мобилизует на противодействие «Мехк-Кхел» и считает не столь значимой проблему с мигрантами, которым недостатки власть предержажших безразличны...»[3]. Это заявление подписали: Председатель Президиума Координационного Совета тридцати пяти Общественных организаций Республики Ингушетия Гагиев Р.У. Представители сорока некоммерческих и молодёжных общественных организаций Республики Ингушетия (Комитет по делам молодежи И. Цечоев, Председатель Молодежного парламента РИ Р.Р. Угурчиев, Председатель Молодежного парламента РИ З. Зурабов. Представитель четырнадцати национально-культурных автономий Республики Ингушетия Баркинхоева М. [4].

На это жесткое заявление последовал не менее резкий ответ правительственных структур. На имя президента Российской Федерации Медведева Д.А. поступило письмо следующего содержания.

«Уважаемый Дмитрий Анатольевич! К Вам обращаются представители более 70 общественных организаций и четырнадцати национально-культурных автономий зарегистрированных на территории Республики Ингушетия. Нам стало известно, что в Ваш адрес, от имени общественности Ингушетии обратилась некая общественная организация под названием «Мехк кхел», обращение которой, как по форме, так и по содержанию мы считаем бестактным, за что мы приносим извинения. .... Самым большим богатством и достоянием ингуши считают заслужить уважение общества. Для этого необходимо уметь «держат себя в руках», сохранять чувство достоинства, избегать конфликтов, ссор, враждебности в поведении, чего не скажешь о членах «товарищества «Мехк кхел», никак не представляющих общественность республики. Лица, обратившиеся к Вам, представляют только самих себя и очень хорошо известны в республике, а некоторые из них пытаются дискредитировать, в том числе, федеральную власть. Попытки использования извращенной пропаганды для дискредитации должностного лица, неприемлемы для поведения человека, желающего добра своему народу. Мы не защищаем Евкурова или власть, мы просто хотим сказать правду. Мы возмущены тем, что не понятно кто позволяет себе обращаться от имени всего ингушского народа, при этом обращаться к Президенту России в некорректной, не этичной для ингушей форме размещая в интерне-

те этот и многие другие материалы, унижающие ингушский народ. Мы, представители общественных организаций Республики Ингушетия убеждены, что гражданское общество должно прилагать все возможные усилия для сохранения и укрепления общественного согласия в Ингушетии и объективности в оценке процессов происходящих в республике. В связи с этим заявляем Вам, что в Республике Ингушетия очевидна стабилизация общественно–политической ситуации, заметна позитивная динамика в социально–экономической сфере [5].

В последнее время миграционная ситуация и связанные с ней проблемы были поставлены в центр внимания структуры- Уполномоченного по правам человека. В течение 201-2011 гг. в Аппарат Уполномоченного поступали обращения от вынужденных переселенцев, проживающих на территории РИ. Основная категория обращающихся – это лица, получившие различного рода выплаты (компенсации) за утраченное жилье и имущество, не дающих возможности жилищного обустройства, и вследствие этого лишенных статуса вынужденных переселенцев, а также граждане, обращающиеся с просьбами защитить их права на жилье, предусмотренные ч. 3 ст. 40 Конституции РФ. В 2011 году поступило 52 жалобы от вынужденных переселенцев, большая часть которых была связана с лишением статуса вынужденных переселенцев, проблемами жилищного обустройства и требованиями от представителей органов местного самоуправления переселиться из мест компактного проживания вынужденных переселенцев. Суть большинства жалоб, связанных с лишением статуса вынужденного переселенца, заключается в отказе ОФМС России по РИ продлевать статус в связи с получением незначительных выплат, которые не позволяют приобрести жилье или в какой-то мере улучшить жилищные условия. Кроме того, лишение статуса вынужденного переселенца дает основание для утраты права на получение мер государственной социальной поддержки, предусмотренной нормативными правовыми актами по жилищному обустройству о вынужденных переселенцах. Данные граждане вынуждены обращаться ежегодно в суд для продления статуса вынужденного переселенца в связи с отказом ОФМС России по РИ продлевать статус на основании получения выплат в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30.04.1997 г. №510 «О порядке выплаты компенсаций за утраченное жилье и/или имущество гражданам, пострадавшим в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике и покинувшим ее безвозвратно» и Постановлением Правительства РФ от 28 января 1997 г. N 106 «О предоставлении вынужденным переселенцам долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство (приобретение) жилья». Граждане не имеют другой возможности восстановления статуса, кроме как через обращения с иском в суд, что в свою очередь, сопряжено с необходимостью определенных затрат времени и средств. В связи с

этим, Уполномоченным по правам человека в РИ направлено письмо в ФМС России с просьбой рассмотреть возможность внесения изменений в нормативные акты относительно прав вынужденных переселенцев. Правовое положение самых проблемных категорий вынужденных переселенцев стало предметом анализа не только работы Уполномоченного и его Аппарата, но Народного Собрания Республики Ингушетия, ОФМС России по РИ, Министерства по межнациональным отношениям и связям с общественностью РИ, Верховного суда РИ, УВКБ ООН по Северному Кавказу и общественных организаций. Острую дискуссию в общественных структурах вызвал федеральный закон о внесении изменений в статью 7 закона Российской Федерации «О вынужденных переселенцах», ограничивающий право на восстановление жилья вынужденных переселенцев.

В 2011 г. руководством республики велась работа по поиску альтернативных вариантов временного проживания вынужденных переселенцев на территории РИ. Так, Правительством РИ рассматривались несколько вариантов, при которых средства на аренду жилья будут либо перечисляться на лицевые счета вынужденных переселенцев, при их самостоятельной аренде жилья, либо, при изъявлении соответствующего желания вынужденным переселенцем, жилье будет арендоваться администрацией муниципального образования. При этом, одновременно с обеспечением временным жильем, планируется активная работа по строительству жилья для вынужденных переселенцев, решивших остаться на постоянное место жительства на территории Республики Ингушетия. Большое количество обращений к власти поступило от вынужденных переселенцев в связи с посещениями мест их компактного проживания представителей местных администраций с требованиями освободить занимаемые помещения и переселиться в частный сектор с обещаниями оплаты части арендной стоимости жилья. Данные посещения сопровождались присутствием представителей правоохранительных органов республики и угрозами насильственного выселения в случае отказа. Уполномоченный считает, что для преодоления сложившейся ситуации и создания условий для тех, кто желает переселиться из мест компактного проживания вынужденных переселенцев, необходимо провести контроль над разъяснительной работой представителей органов местного самоуправления; включить в комиссии по переселению вынужденных переселенцев Уполномоченного и специалистов его Аппарата; обязать органы местного самоуправления предоставить подробную информацию о состоянии вторичного рынка жилья; договоры аренды жилья составлять трехсторонними, с указанием прав и обязанностей органа местного самоуправления. [4]

Совет Федерации 13 октября 2010 года рассмотрел в рамках Дней Республики Ингушетия вопрос «О государственной поддержке социально-экономического развития Республики Ингушетия» и принял соответ-

ствующее постановление В нем говорилось, что социально-экономическое развитие Республики Ингушетия сопряжено с рядом проблем: являются высокий уровень безработицы, спад в промышленности и сельском хозяйстве, слабая производственная база, низкая обеспеченность объектами социальной сферы и образования, неразвитость инженерной инфраструктуры, сложная миграционная ситуация. В результате Ингушетия по основным макроэкономическим показателям значительно отстает от среднероссийского уровня. Серьезные экологические и социальные проблемы связаны также с нарушениями природного ландшафта в результате длительной и бессистемной нефтедобычи на территории города Малгобека и Малгобекского района, где на протяжении последних лет наблюдаются оползни, повлекшие разрушения жилых домов, зданий и сооружений. В результате 2293 семьи нуждаются в безотлагательном отселении из опасной зоны и обустройстве. Руководством Республики Ингушетия предпринимаются системные шаги по улучшению ситуации и решению насущных проблем. Так, в 2010 г. на 4 процента снизился уровень дотационности республики, на 40 процентов увеличилась собираемость налогов, более эффективно ведется борьба с преступностью. Реализуется федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010–2016 годы».

Несмотря на текущие противоречия и сложности миграционные проблемы в республике Ингушетия успешно решаются. Для того, чтобы в полной мере оценить успехи и достоинства проводимой у РИ миграционной политики, достаточно сравнить миграционные ситуации в республике Ингушетия и в зоне абхазско-грузинского конфликта.

По мнению абхазских властей, активное участие грузинской общины в войне и совершенные ею деяния против абхазской нации предрешили судьбу исхода большинства грузин из Абхазии вслед за побежденной грузинской армией, в том числе и их репатриации на историческую родину, в Грузию и невозможность их послевоенного возвращения в Абхазию. На сегодняшний день цифра грузин, покинувших Абхазию, по грузинским источникам составляет 300 тыс. человек; по абхазским источникам – 140 тыс. чел. Абхазские руководители считают, что под категорию беженцев не подпадают лица: а) служившие в войсках, полицейских подразделениях и иных вооруженных формированиях Грузии; б) в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности; в) сотрудничавшие с грузинскими оккупационными властями - коллаборационисты; г) препятствовавшие абхазскому народу в осуществлении права на самоопределение и права на самооборону от внешнего врага; д) репатриировавшие на свою историческую родину и воспользовавшиеся защитой государства своей гражданской принад-

лежности или восстановившие гражданство этой страны; е)приобретшие новое гражданство и воспользовавшиеся защитой страны своей новой гражданской принадлежностью. После войны многие «грузинские беженцы» свое положение еще более усугубили участием в созданных спецслужбами Грузии террористических формированиях - «партизанских групп», которые уже несколько лет ведут диверсионно-террористическую деятельность на территории Абхазии. Большинство грузинского населения, покинувшее Абхазию, не проявляет желание жить в независимой Абхазии, что объясняется как неприязнью к государственности Абхазии, так и их боязнью быть привлеченными абхазскими властями к ответственности за антиабхазские деяния [5].

В свою очередь, грузинские власти требуют немедленного возвращения на территорию Абхазии всех беженцев и вынужденных переселенцев. А.Сулаберидзе подчеркивает, что в настоящее время перед Грузией остро стоит проблема «насильственных мигрантов» из Абхазии, это проблема не только для тех, кому пришлось оставить свои дома, но и для остальной части населения. По этому, следует точно определить суть "насильственной миграции", что будет содействовать определения правильной миграционной политики и принятия более конкретных политических и социально-экономических мер для урегулирования конфликтов [6].

В Ингушетии подобные проблемы были, но уже ушли в целом в прошлое. В современных условиях основные направления государственной миграционной политики нацелены на создание новых возможностей регулирования занятости населения, улучшение качества рабочей силы, повышения ее мобильности. Анализ, прогнозирование и планирование динамики занятости населения в России должны сопровождаться мониторингом миграционных процессов. При этом, миграционная политика должна быть прерогативой не только государства, но и общественных институтов на основе согласованного разделения полномочий. Концепция в отношении вынужденной миграции в Ингушетии и во всех регионах Северного Кавказа должна быть связана с ликвидацией условий ее возникновения, со стабилизацией этнополитической обстановки, урегулированием кризисных ситуаций.

Литература

1. Современная миграционная ситуация в приграничных районах Южного федерального округа /Под ред. А.Г. Гришановой. М., 2003. С.17.
2. <http://www.georgiatimes.info/news/70372.html>
3. Обращение «Мехк-Кхел» к власти и народу Ингушетии в связи с неконтролируемой миграционной ситуацией в республике//<http://www.ri-online.ru/index.php/2009-11-07-18-24-34/3142-obrashhenie-lmexk-kxelr-k-vlasti-i-narodu-ingushetii-v-svyazi-s-nekontroliruemoj-migraczionnoj-situacziej-v-respublike>
4. // <http://www.ri-online.ru/index.php/2009-11-07-18-24-34/3142-obrashhenie-lmexk-kxelr-k-vlasti-i-narodu-ingushetii-v-svyazi-s-nekontroliruemoj-migraczionnoj->

situacziej-v-respublike <http://www.ri-online.ru/index.php/2009-11-07-18-24-34/3142-obrashhenie-lmexk-kxelr-k-vlasti-i-narodu-ingushetii-v-svyazi-s-nekontroliruemoj-migraczionnoj-situacziej-v-respublike>

4. Доклад о проблемах соблюдения конституционных прав и свобод граждан на территории Республики Ингушетия в 2011 году . Магас, 2001.

5. Ачугба Т.А. Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузинско-абхазского конфликта. Сухум, 2007.

6. Сулаберидзе А. Вынужденная и насильственная миграция: критерии разграничения. // <http://www.google.ru/#hl=ru&newwindow =1&output=search&scient=psy-ab&q>

УДК 338.366

Косенкова Е.Л., асп.

Государственное регулирование процесса сетевой корпоратизации в региональной системе

Аннотация. В статье предлагается набор методов и инструментов в механизме государственного регулирования процесса создания и функционирования крупных сетевых компаний в регионе с позиции поддержания конкурентного рынка.

Ключевые слова. Государственное регулирование, сетевая компания, корпоратизация, региональная система.

Процесс институциональных преобразований российской экономики поставил перед государством новые управленческие задачи, обусловленные появлением относительно новых, но все более стремительно развивающихся субъектов, функционирующих в территориально-хозяйственной системе мезоэкономики, – крупных сетевых компаний. Эти формы ассоциированного предпринимательства на многих территориях играют роль важнейших элементов институционально-организационных механизмов становления региональных рынков, поскольку создаются в таких жизненно важных секторах, как телекоммуникации, торговля, сервис и другие секторы сферы услуг. Крупные многопрофильные предприятия реального сектора экономики, производящие продукцию различного назначения, также могут рассматриваться как аналоги сетевых компаний.

В обозначенном контексте очевидна объективная необходимость развертывания эффективной системы государственного регулирования деятельности таких сетевых структур, которая имеет многоаспектный характер и определяется большим количеством разнородных факторов. В-первых, исключительным значением становления интегрированных конкурентоспособных сетевых корпораций в отечественной экономике, в особенности с точки зрения возможностей ее структурной перестройки.

Во-вторых, общемировым опытом специфических отношений государства с лидерами национальных экономик, каковыми являются в настоящее время сетевые интегрированные формы бизнеса. В-третьих, все более явными интеграционными тенденциями в российской экономике, выражающимися в росте числа фактически возникающих сетевых объединений. В-четвертых, объективными трудностями первого этапа государственного регулирования создания подобных структур, тормозящими естественный ход этого процесса. В-пятых, особенностями самих сетевых компаний, в силу своего положения на рынке требующих мер специального государственного контроля.

Представляется при этом, что формирование особой системы взаимодействия «государство- регион – сетевая компания» должно идти в русле обеспечения реализации общих функций государственного регулирования деятельности корпоративных структур (на федеральном и региональном уровнях), к числу которых, можно отнести:

1) соответствующее стимулирование и поддержку деятельности сетевых компаний, играющих заметную роль в решении социально-экономических проблем в регионе;

2) соответствующее сдерживание и контроль такого рода интегрированных структур в целях поддержания конкурентного рынка.

Анализ стимулирующей функции органов государственного управления на мезоуровне в отношении развития потенциала сетевых форм бизнеса показал, что в этом вопросе актуальными представляются разработка и задействование: а) механизма договорных начал сотрудничества сетевых компаний и государства; б) системы критериев отнесения той или иной сетевой структуры в регионе к приоритетным направлениям развития его социально-экономического потенциала; в) действенных алгоритмов оценки эффективности мер государственного стимулирования.

Практикой подтверждено, что содействие со стороны региональных администраций повышению рентабельности предприятий, расположенных на их территории, может в определенной степени способствовать увеличению собираемости налогов. Однако в этом вопросе интересы центра, имеющего возможность использовать альтернативные финансовые рычаги пополнения государственной казны, и интересы отдельных регионов, ограниченных в такой возможности, могут входить в противоречие относительно целей создания новых сетевых форм бизнеса. Это обстоятельство также свидетельствует о необходимости адекватного обоснования целесообразности формирования таких структур, причем как с точки зрения их значимости для отдельного региона, так и в масштабе страны. К числу этих вопросов относится, в частности, экспертиза документов рассматриваемой к созданию структуры. Уполномоченный орган по регулированию деятельности корпоративных структур в регионе дол-

жен повышать качество этой работы в отношении каждой сетевой компании на внесение в реестр, сориентировать эту экспертную работу на четкую систему критериев, среди которых, в частности, степень направленности деятельности новой интегративной структуры на направления, приоритетные с точки зрения государственной и региональной экономической политики и решения актуальных социально-экономических проблем регионов. Соответствие деятельности сетевых компаний конкретным приоритетным направлениям социально-экономической политики в регионе должно вести к первоочередному рассмотрению заявок и обоснований на получение законодательно установленных мер государственной поддержки. В ряде случаев можно рекомендовать заключение комплексных договоров о партнерстве и ответственности между сетевой структурой и государством, т.е. между корпорацией и региональными властями.

К числу задач, формируемых в рамках государственного регулирования сетевого предпринимательства, должны относиться также вопросы стимулирования их развития в целях усиления положительного воздействия на социально-экономическую ситуацию в регионе и связанного с этим рационального распределения для этих целей финансовых ресурсов.

С позиций концепции саморазвития региона и комплексного подхода к оценке влияния сетевых структур на состояние его потенциала целесообразно исследовать вопросы выбора приоритетов для соответствующей поддержки со стороны органов государственного управления, как на этапе создания, так и в процессе их функционирования.

К числу основных функций регионального регулирования деятельности сетевых структур относятся прежде всего: а) целеполагание их создания и функционирования на территории региона; б) соответствующее институциональное, экономическое, правовое и информационное обеспечение.

В условиях рыночной экономики функция прямого регионального целеполагания в существенной мере снимается. В то же время она сохраняет свое значение в плане формирования региональных целевых программ и номенклатуры регионального заказа, определения системы приоритетов развития тех или иных сфер экономики, пользующихся государственной и региональной поддержкой, задействования механизмов получения и доведения до хозяйствующих субъектов (с уровня федеральных и региональных органов) агрегированной аналитико-маркетинговой информации вспомогательно-рекомендательного характера.

Проблема рационального целеполагания развития потенциала сетевых форм бизнеса в регионе должна решаться уже на стадии проектирования корпораций или на стадии обоснования целесообразности создания той или иной сетевой компании на территории данного региона.

Таким образом, рассмотренные подходы к проблеме оценки взаимного влияния в системе «регион – сетевая компания» делают возможным осуществление попытки синтеза между пониманием неизбежности интеграционных процессов, происходящих в российской экономике, и старанием совместить их с социальным и общественным прогрессом на региональном уровне.

Использование договорных (контрактных) соглашений создает предпосылки для «индивидуализации» мер государственной поддержки, определения степени ответственности и способов контроля за деятельностью сетевой структуры, а также усиления скоординированности действий различных государственных органов в отношении новых форм ассоциированного предпринимательства в регионе. В процессе подготовки договора появляется возможность углубленного детального ознакомления с потенциалом компании, доскональной проверки реалистичности ее планов, то есть оценки соответствия объединенного потенциала ее участников целям создаваемой корпорации. В таком документе легче предусмотреть общие (для всех участников корпорации) льготы и реализовать более конкретный подход, обеспечить адресность льгот для отдельных участников группы с учетом специфики их деятельности и особенностей потенциала.

Большое значение в решении проблемы «регион – сетевая компания» имеет также в настоящее время информационное обеспечение взаимодействия корпоративных структур и региональных органов управления [1]. К числу ключевых направлений этой работы можно отнести следующие:

1. Оперативное доведение до центральных компаний принятых нормативно-правовых актов, касающихся хозяйственной деятельности крупных корпораций. Как показывает практика, корпоративное звено в экономике пока не имеет адекватной нормативно-правовой базы, позволяющей крупным объединениям без ущерба для развития конкурентной среды выполнять свои функции проводника и координатора государственной и региональной социально-экономической политики.

2. Организация в централизованном порядке повышения квалификации руководящих работников и специалистов сетевых компаний, находящихся на начальном этапе становления.

3. Предоставление доступа сетевым компаниям к информации относительно реализуемых в регионе проектов инновационной направленности и потенциальных инвесторах.

4. Направление центральным компаниям прогнозных материалов конъюнктурного характера и др.

При этом наиболее тщательно должна быть продумана организация и методы контроля тех крупных сетевых структур, которые получают фактическую ресурсную поддержку от администраций регионов или фе-

дерального уровня. В этом случае наиболее эффективным представляется индивидуальный подход, когда конкретная сетевая компания наделяется особыми льготами и преимуществами с учетом ее специфики и значения для решения социально-экономических проблем данного региона. Важно, чтобы льготы и преимущества были реальными, осязаемыми для отдельных участников объединения. Разрабатывать и устанавливать их следует одновременно с прохождением процедур образования и государственной регистрации сетевой компании. Кроме того, каждый регион имеет возможность в рамках существующего законодательства устанавливать и предоставлять такие льготы для создаваемых или функционирующих на его территории интегративных структур.

В существующей сейчас системе государственного регулирования деятельности корпоративных объединений можно выделить два основных вида механизмов регулирования - экономические и административные, для каждого из которых характерен специфический набор способов, рычагов и стимулов воздействия на объект регулирования.

Экономические методы регулирования деятельности корпоративных объединений реализуются главным образом через налоговую, финансово-кредитную и валютно-таможенную политику. Эти методы можно подразделить на прямые и косвенные [2].

К прямым методам экономического регулирования относится, прежде всего, непосредственная финансовая поддержка соответствующего направления промышленной деятельности, предоставление налоговых и таможенных льгот, государственных гарантий и инвестиций за счет бюджета.

Среди форм косвенного экономического государственного регулирования следует выделить, в частности, введение индивидуальных экономических регуляторов и нормативов, действующих в отношении конкретных корпоративных объединений. Важной составной частью экономических методов государственного регулирования деятельности сетевых компаний являются различного рода льготы, предусмотренные законодательством, большинство из которых, в настоящее время носит адресный характер. Причем эти льготы – не обязательно финансового характера: в их числе может присутствовать оказание содействия по выходу компаний на новые рынки сбыта, предоставление гарантий инвесторам (в том числе банкам) и т.п. Подобные меры должны реализовываться как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных субъектов федерации. Однако в настоящее время только 20 регионов России (среди которых Московская область, Самарская область, Новгородская область, Ленинградская область, Краснодарский край и др.), характеризуются наличием специализированного регионального законодательства, предусматри-

вающего использование специализированных льгот на соответствующих территориях.

Таким образом, экономические методы государственного регулирования выполняют, как правило, стимулирующую функцию, в то время как функции сдерживания и контроля отводятся административным методам, которые также могут быть прямыми и косвенными. Прямые методы административного регулирования в основном сводятся к регулированию цен на продукцию естественных монополий. Косвенные – к определению круга потребителей, потенциально заинтересованных в продукции данной сетевой компании на территории определенного региона, экономического района или страны в целом (в случае, если корпорация носит национальный характер). Это необходимо для обязательного отслеживания деятельности корпорации с целью осуществления контроля за ее положением на рынке определенного региона с выделением рыночной ниши.

Каждая из групп методов регулирования имеет свои сильные и слабые стороны. Так, процесс регулирования деятельности сетевых компаний при помощи административных методов дает возможность сдерживать неоправданный рост цен, смягчать воздействие инфляционных процессов. Но в то же время использование методов данной группы приводит к отрыву от реальных условий рынка, тормозит естественный перелив капитала, ограничивает инвестиции, сдерживает деловую активность. С другой стороны, использование экономических методов регулирования дает возможность увеличения наполняемости бюджетов различных уровней, повышение доходов корпораций через применение различного рода налоговых, кредитных, валютных рычагов. Экономические методы регулирования являются гибкими и обладают высокими адаптивными возможностями, вследствие чего позволяют учитывать специфические особенности и потребности как отдельных регионов, так и всей экономической системы страны в целом. Однако они действенны в условиях стабильной, бездефицитной и сбалансированной экономики, что ограничивает возможности их эффективного использования в современной российской экономике, характеризующейся высоким динамизмом и изменчивостью протекающих в ней процессов. В этих условиях более адекватными и результативными являются административные методы регулирования, среди которых особое место, как уже отмечалось, занимает антимонопольное регулирование.

Экономическая концентрация должна проводиться со строгим соблюдением антимонопольного законодательства. И антимонопольное регулирование должно способствовать не только созданию каких-либо запретов (превентивных мер), но и повышению эффективности функционирования крупных сетевых структур и противодействию использованию экономической концентрации для устранения или ограничения конку-

ренции. Наиболее успешно это может быть реализовано в результате применения индивидуального подхода (экспертиза конкретных ситуаций) к каждой сетевой компании и принятию, в случае необходимости, соответствующих стимулирующих либо ограничивающих мер.

Результатом экономической концентрации может являться монополистическая деятельность, т.е. деятельность, направленная на недопущение, ограничение или устранение конкуренции. Антимонопольным законодательством России предусмотрен механизм государственного контроля и регулирования, позволяющий при осуществлении экономической концентрации (как в результате создания, слияния, присоединения коммерческих организаций, так и вследствие приобретения прав и имущества) блокировать ее негативные антиконкурентные последствия на соответствующих товарных рынках.

Экономическая концентрация часто сопутствует масштабным финансово-промышленным объединениям, так как именно в их рамках осуществляется тесное взаимодействие между предприятиями, причем зачастую достаточно крупными, т.е. имеющими значительную долю товарного рынка. Каждая из крупных сетевых компаний в регионе может вызвать внимание, при определенных условиях, со стороны антимонопольного органа, однако наибольшую потенциальную опасность для конкуренции представляет горизонтальная концентрация. Здесь возникают две основные проблемы.

Первая связана с приобретением значительной власти в соответствующем секторе товарного рынка вследствие уменьшения конкуренции между его субъектами. Это происходит в результате координации их деятельности (через учреждение общего торгового дома и т.п.), тесного сотрудничества с одними и теми же кредитно-финансовыми учреждениями, переплетения директоратов, создания нового хозяйствующего субъекта путем объединения мощностей и др.

Вторая проблема сопрягается с расширением для оставшихся самостоятельными коммерческих организаций возможности координировать решения, касающиеся ценообразования и объема выпуска продукции. Возникает опасность скрытого вступления таких коммерческих организаций в монополистический сговор. Тайные антиконкурентные соглашения выявлять, как правило, очень трудно, а ущерб, наносимый ими потребителям и/или их поставщикам, в большинстве случаев оказывается весьма существенным.

Наименьшее беспокойство антимонопольных органов вызывает учреждение вертикально интегрированных структур. Проблема возникает тогда, когда в такие образования входят доминирующие на определенных рынках хозяйствующие субъекты при том, что другие участники оказываются их поставщиками и потребителями. Подобная вертикальная инте-

грация ограничивает конкуренцию, так как она приводит к закрытию рынка для не включенных в интеграцию поставщиков или потребителей продукции доминирующего предприятия или к росту барьеров для вхождения в рынок конкурентов. При участии в таких структурах доминирующих субъектов задачей антимонопольных органов является недопущение (как при создании, так и в процессе функционирования) соглашений вертикального характера, направленных на ограничение территории и круга покупателей, которым реализуются товары и услуги.

Таким образом, при определении целесообразности государственной поддержки создания в регионе крупных сетевых структур должно учитываться прогнозируемое вероятное влияние их деятельности на состояние конкуренции на региональных рынках. При этом, с другой стороны, формирование эффективного организационно-хозяйственного механизма управления потенциалом крупных сетевых компаний как системы ведения инновационного воспроизводства предпринимательского типа с помощью определенных экономических методов, способов и рычагов государственного регулирования может оказаться одним из решающих факторов устойчивого, сбалансированного роста экономики регионов и их включения в единое рыночное пространство России.

Литература

1. Информационное обеспечение процесса управления экономическими системами. Коллективная монография. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009.
2. Матвеева Л.Г., Никитаева А.Ю. Управление государственно-частными проектами. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.

Философия – современному образованию

25 мая в Южно-Российском институте Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ состоялся круглый стол на тему: «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования». Это девятая встреча, посвященная разработке нового междисциплинарного направления – философской инноватики. На сей раз она была обращена к философским и междисциплинарным проблемам российского образования.

Открыл работу форума научный руководитель проекта «Фундаментальная и прикладная философия» проректор по науке, послевузовскому и дополнительному профессиональному образованию, профессор А.М. Старостин. В его докладе «Модели образования в философии образования: механизмы формирования» было обращено внимание на когнитивные и проектные основания решения проблем современного образования. Эти проблемы носят междисциплинарный и сложносистемный характер. Но в современной России решаются на ситуативной основе и в условиях отраслевого целеполагания. Что на практике приводит к неудовлетворительным результатам. Начинать следует с выявления глубинных оснований проблем образования и механизмов, детерминирующих его развитие. В этом плане весьма востребована философская инноватика.

Докладчик обратил внимание на всю цепочку в процессе формирования образовательных инноваций: от оснований – до конкретных образовательных проектов. В верхней части этой цепочки ряд разделов прикладной философии, где вырабатываются наиболее значимые конструкты: философия науки (образы знания), философская антропология (образы человека), социальная философия (образы общества). Далее общие образы концентрируются в различных версиях современной философии образования, а затем трансформируются в научные теории современного образования и воспитания. И лишь на этой базе осуществляется разработка образовательных проектов, предлагающих новые институциональные, информационные и методические изменения, которые, как правило, и находятся на слуху у руководителей науки и образования, политиков и общественности. В современных дискуссиях о путях развития образования и предлагаемых образовательных инновациях мы, как правило, имеем дело уже с заключительными звеньями осмысления стратегии образования, которые зачастую не соответствуют сущностным течениям в его развитии.

В философии образования постановки и решения, ведущие к разработке новых культурно-образовательных систем, отличных от современной, рождаются не только на нижнем слое системы образовательной рефлексии, но и на вышестоящих философских уровнях. Сравнение характеристик классической и современной науки, индустриального и постиндустриального общества ведет к необходимости формирования новой философии образования.

Профессор А.М. Старостин остановился также на проблемах высшего образования России. Он выделил три основных его кластера: консервативный, сервисный и инновационный. Каждый из них представлен и в системе российского высшего образования в целом и отдельных вузах в разных пропорциях.

Вместе с тем, дифференцированной и долгосрочной политики по реформированию этих кластеров, изменению их пропорций и механизмов взаимодействия пока не проводится. Что приводит к неэффективным затратам и не способствует инновационным процессам в образовании и науке.

По мнению профессора Н.С. Авдулова (Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ), философия образования незаменима для переосмысления и модернизации современного образования. Общество вступает в полосу духовного кризиса. Жить в такой ситуации, когда рушатся старые универсалии, а новых еще нет, тяжело. Развитие системы образования предполагает непрерывный поиск новых идей, новых подходов, методов, целевых установок, мировоззренческих ориентаций. Методологической базой таких поисков может стать философское и педагогическое наследие П.П. Блонского, Л.С. Выготского, А.П. Макаренко, Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева.

В докладе «Русская философия о необходимости национального воспитания и образования» профессор ЮФУ А.В. Белов отметил, что в последнее время возрастает внимание к проблеме воспитания духовности подрастающего поколения. Современные философско-культурологические исследования пытаются обосновать необходимость сохранения культуры как носителя ценностей, смыслов, культурных языковых пространств, являющихся естественной средой становления духовности личности. Однако в условиях разрушения культурных традиций и опыта преемственности, нивелирования истинных ценностей культуры отечественная философия образования и педагогическая практика столкнулись с недостаточной разработанностью теоретической и методологической базы воспитания духовности личности, утратой аксиологических аспектов в ситуации модернизации содержания образования.

Профессор ЮРИФ РАНХиГС Н.В. Коломиец рассмотрела философско-антропологическую составляющую образования в процессе глобализации культур. В середине первого десятилетия XXI века заметно

увеличение глобальных проблем, что говорит о кризисе техногенной цивилизации. Данные проблемы характеризуются кризисом не только отдельных сторон жизнедеятельности человека, а базовых духовных элементов культуры. Изменяются способы и формы реализации человека, его самосознания, они все более унифицируются, что может привести к антропологической катастрофе. Другого способа, кроме утилитарной, прагматической, успешной самореализации, современный человек не знает. Вот почему можно сказать, что способ бытия современного человека находятся в глубочайшем кризисе. Принципиальное значение имеют поиски научно обоснованных и реалистических в практическом отношении способов решения глобальных проблем. Глобализация в образовании начинает формировать новый мир, изменяя традиционные макрокультуры, стремясь к неким универсальным схемам.

Преодолеть кризис в образовательной сфере поможет эвристичность и оригинальность мышления, ориентация на новизну и инновационность утверждает профессор ЮФУ Т.Г. Лешкевич. Свой доклад она посвятила субъектным приоритетам философии образования. В настоящее время на фоне мощных тенденций глобализации утверждается модель поликультурного образовательного пространства. Какие субъективные приоритеты современного образования напрямую связаны с усилением значимости гуманитарной составляющей образования, сбалансированности естественнонаучной и гуманитарной культуры? Важнейшей составляющей парадигмы образования XXI века профессор называет *гуманизацию*. Как субъективный приоритет образования и науки она означает корректировку целей развития всего интеллектуального процесса с ориентацией на идеалы человеческого существования, культуры и истории, запрет на нанесение ущерба личности. *Гуманитаризация* несет в себе внедрение во все сферы человеческой деятельности характеристик, отличающих человеческое отношение и человекообразное восприятие действительности. Острой проблемой образования становится не только его «догоняющий» характер, так как быстрое развитие наук значительно опережает содержание учебно-образовательной матрицы, но и невысокое качество и слабая устойчивость знаний. Поэтому для современного образовательного процесса важна и его фундаментализация, и его гуманитаризация. Еще одним значимым субъектным приоритетом является *конвергенция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания*. Она основывается на том, что естественные науки, исторически более разработанные в фактологическом и методологическом ключе и ориентированные на порождение новых технологий, остро нуждаются в сопровождающем их социогуманитарном дискурсе.

В ходе обсуждения проблемы целостности гуманитарного образования в России профессор Е.В. Золотухина-Аболина подчеркнула необхо-

димось реализовывать именно целостную систему гуманитарного образования и воспитания, а не внедрять произвольно вырванные ее фрагменты, как это наблюдается сегодня. Критерием эффективности такой системы должна быть сформированная в учебном заведении личность, стиль жизни человека, а не какие-то частные показатели. Изучение философии при этом остается одной из главных задач, поскольку именно философия стремится сформировать у человека современное мировоззрение, культуру мышления, культуру познания.

Профессор Л.В. Рябова остановилась на такой и вечной, и современной теме, как значимость Учителя жизни в процессе социализации человека. Профессор А.Г. Бермус проанализировал механизмы формирования Мифологии реформирования, с помощью которой создается искаженный и дезориентирующий гражданское общество образ современного профессионального и общего образования и путей его развития.

На круглом столе также обсуждались доклады «Конфликтология как инновационное междисциплинарное направление современного высшего образования» президента Международной ассоциации конфликтологов, профессора Института социологии РАН Е.И. Степанова, «О субъекте кризиса российского образования» доцента Педагогического института ЮФУ А.И. Субботина, «Философия образования в постнеклассическом дискурсе» аспиранта Таганрогского государственного педагогического института им. Чехова А.А. Заикина и другие актуальные вопросы философии образования и науки.

В дискуссии принимали участие ученые, аспиранты и студенты, интересующиеся проблемами методологии гуманитарного познания и образования.

По материалам круглого стола издан сборник «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования».

РЕЦЕНЗИИ

Кислицын С.А., д. ист. н., проф.:

Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М. Основы политической элитологии: Учебное пособие. (Допущено Министерством образования и науки РФ). 2-е изд., дополн. – Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012. – 608 с.

Выход в свет рецензируемой книги произошел уже после смерти ее ведущего автора - доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии военных наук, действительного члена Академии политической науки **Геннадия Константиновича Ашина**. Представляется, что уместно в этой связи сказать несколько слов об этом выдающемся ученом.

Г.К.Ашин скончался 6 января 2011 года на 81-м году жизни. Всю свою деятельность Геннадий Константинович посвятил науке и высшей школе. Выпускник МГИМО (1953), он большую часть своей жизни посвятил своей альма-матер. В 1974-1985 гг. он был здесь заведующим кафедрой философии, затем работал профессором этой кафедры и был ее неформальным лидером. Он начал заниматься политическими элитами и лидерством в 1970 – 1980-х гг., испытал сильное влияние марксистской парадигмы, но все его труды не утратили своей ценности и в наше время выглядят вполне современными и информационно насыщенными.²

Г.К.Ашин написал ряд крупных работ по теоретической и прикладной элитологии в последние 10-15 лет жизни. Это крупные статьи и фундаментальные труды по истории и теории развития элитологической мысли. Геннадий Константинович плодотворно занимался проблемами элитологии образования, видя в элитном образовании истоки рекрутирования элит будущего, что является чрезвычайно актуальной проблемой для управленческих вузов. В самое последнее время он осуществил сравнительный анализ политических элит России и США, а также ментальности россиян и американцев, ее влияние на политику элит и политические институты в целом. Все его теоретические исследования представлены в рецензируемом учебном пособии.

Концептуальные идеи основоположника российской элитологии Г.К. Ашина активно развиваются в трудах лидеров ростовской региональной

---

² Автор этой рецензии в своей докторской диссертации «Большевицкая политическая элита» прямо опирался на книгу Г.К.Ашина об элитах и считает, что именно благодаря этому обстоятельству прошел все испытания (защита диссертации по большевизму в условиях расцвета ельцинизма требовала особой подготовки). Нельзя сказать, что рецензент был его учеником, но он всегда сверял с его трудами свои ощущения и впечатления в этой сфере общественной науки.

элитологической школы – профессоров, докторов политических наук А.В.Понеделкова и А.М.Старостина. Они авторы оригинальных научных монографий и учебных пособий, которые получили высокую оценку научной общественности. Естественно, результаты их деятельности также нашли полное отражение в рецензируемом учебном пособии. Эти исследователи оценивают своего соавтора Г.К.Ашина как «патриарха отечественной элитологической мысли». Они особенно выделяют тезис проф. Г.К. Ашина: «Пора в полный голос заявить о формировании российской школы элитологии. Эта школа сложилась в последние полтора десятилетия XX в. (главным образом, в последние десять лет). И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а значит, и цензурным) соображениям... И исторически элитологическая проблематика входила в советскую науку с «черного хода» – через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии»... Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия «выстрадала» элитологию»³. А.В.Понеделков и А.М.Старостин подчеркивают, что проф. Г.К. Ашин отмечает не только результаты современного политико-элитологического подхода, но и более высокий статус методов и оснований, лежащий в их основе – формирование подхода – «Что касается новых традиций в области элитологических исследований, то термин «элитология» – российская новация»⁴. Поэтому элитология может претендовать на междисциплинарный статус со своими «выходами» в социологию, политологию, психологию, экономику и теорию управления и даже на парадигмальный статус в современном социально-гуманитарном знании и познании.

****

Второе издание учебного курса «Основы политической элитологии» отражает осуществляющийся процесс антропологизации отечественной политической философии и политологии. На современном этапе кризиса политических элит особенно активно и содержательно разрабатываются такие проблемы и темы, как «политические элиты», «политическое лидерство», «политическое участие», «политическая культура» и т. п. Это, несомненно, способствует сдвигу методологических ориентиров и установок в этой области знания с объективистских схем и социоцентричных конструкций к социально-политической картине мира, включающей субъектно-творческий аспект.

Курс «Основы политической элитологии» ставит задачу раскрыть роль таких активных «пассионарных» групп в политическом процессе, как политические и политико-административные элиты, показать ключевую роль политических элит в цивилизационном процессе. Рецензируемая книга представляет собой полномасштабное учебно-научное системное освещение сущности и основного содержания политических элит, и современной россий-

---

³ См.: Элитологические исследования. Ежегодник – 2005. Ростов н/Д, 2006.

⁴ Там же. С. 5.

ской элиты. Книга позволяет по новому взглянуть на роль, место, структуру и «природу» политической власти в России

В данном учебном пособии основательно освещаются следующие блоки вопросов:

- методология элитизма, где раскрываются роль и место элитистского подхода к обществу как антипода эгалитаризма; связь элитизма с цивилизационным подходом к обществу; методологические основания элитизма и его представленность в основных школах и направлениях элитологической мысли;

- социально-исторический обзор основных типов политико-элитных систем, основанный на социально-стратификационной классификации. Характеризуются политические элиты кастового, сословного, классового, профессионально-меритократического и номенклатурного типов;

- анализ политических элит России. В истории российского общества определяющую роль всегда играли административно-политические элиты, включая современную историю, поэтому анализ касается сословно-административной, номенклатурной и современной элит.

Раскрывая структурные, деятельностные и ментальные особенности политических элит, авторы используют данные политической социологии, исследуют социальную принадлежность и происхождение, возраст, уровень образования и профессиональной подготовленности, ценностные ориентации политических элит современного западного общества. Основные показатели, характеризующие представителей элит, даются в сравнении с США, Великобританией, Францией, ФРГ.

Российские административно-политические элиты также характеризуются с точки зрения основных социально-стратификационных показателей: возраст, образование, происхождение (город, село), преемственность; анализируются социологические данные, характеризующие основные когорты номенклатурной элиты.

Отдельный раздел, посвященный современным региональным административно-политическим элитам России, построен на материалах нескольких социологических проектов, проведенных в Москве и Ростове-на-Дону при непосредственном участии ростовских авторов.

Предлагаемый курс апробирован впервые в 1996 – 1998 гг. в Московском государственном институте международных отношений, а также в Северо-Кавказской академии государственной службы, в ИППК при РГУ – в рамках программ повышения квалификации преподавателей политологии и социологии вузов Северо-Кавказского региона, а также на философском факультете РГУ – в рамках программ, преподаваемых в Ростовском межвузовском гуманитарном центре. В последующем данный курс более 10 лет читался на факультете государственного и муниципального управления Северо-Кавказской академии государственной службы (СКАГС), а в настоящее время – в правопреемнике СКАГС – Южно-Российском институте-филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – на факультете политологии и других факультетах.

Вместе с тем, учебное пособие не лишено некоторых условных резервов по дальнейшему улучшению. В отдельных моментах, авторы выходят за пределы жанра учебного пособия и дают материал исследовательского порядка. В других случаях, - наоборот – упрощают изложение сложных вопросов, например, марксистской концепции элиты. Кроме того, нам представляется, в частности, что во втором издании можно было бы больше внимания уделить проблеме формирования и функционирования контрэлит в мире в России в частности. Эта проблема только упомянута в курсе. В условиях развития демократического процесса в современных условиях именно взаимодействие элит и контрэлит во многом определяет его характер и содержание. На наш взгляд, важно, чтобы этот принципиальный актуальный вопрос не выпал из учебного курса.

В целом содержательное и инновационное учебное пособие по курсу «Основы политической элитологии», содержащие все необходимые атрибуты учебника (контрольные вопросы, задания, список литературы и т.д.) будет очень полезно студентам, магистрам, аспирантам, слушателям, изучающим курсы «Политология», «Политическая элитология». «Политическая социология».

Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М.

Основы политической элитологии: Учебное пособие. Гриф Министерства образования и науки РФ. 2-е изд., доп. Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012. – 608 с.

В учебном пособии освещаются актуальные для отечественной политологии проблемы политических элит. Анализируются концепции и школы элитологии, излагаются принципы и методы элитологических исследований. На материалах эксклюзивных социологических исследований рассматриваются процессы развития и трансформации политических элит России.

Адресуется бакалаврам и магистрам политических факультетов и отделений, студентам и аспирантам гуманитарных факультетов вузов, всем, интересующимся проблемами политической власти и политических элит.

Акопов Л.В.

Авторское кредо: о праве, о власти. Избранное. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 352 с.

В настоящем издании представлены избранные произведения профессора Акопова Л.В. по актуальным проблемам государственного строительства и права.

Предназначено для преподавателей, ученых, аспирантов, государственных и муниципальных служащих, а также интересующихся проблемами права и власти.

Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю.

Русский язык. Культура речи. Деловое общение: Учебник. Гриф ФИРО. М.: КНОРУС, 2012. - 424 с.

Подготовлен с учетом требований федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования нового поколения на основе компетентностного подхода. Дается характеристика современного русского языка и его функциональных стилей, рассматриваются различные аспекты культуры речи (нормативный, коммуникативный, этический), основные жанры устного делового общения (беседа, переговоры, совещание, разговор по телефону), излагаются основы ораторского искусства и полемического мастерства. Значительное внимание уделяется эффективности письменного делового общения.

Для бакалавров нефилологического профиля. Может быть использован на курсах повышения квалификации кадров управления, менеджеров и предпринимателей, а также будет полезен всем, для кого русский язык является средством профессиональной деятельности.

Введенская Л. А., Павлова Л. Г.

Риторика и культура речи. Изд. 12-е, стер. Гриф Министерства образования РФ. Ростов н/Д: Феникс, 2012. — 537 с. (Серия «Высшее образование»).

В пособии рассказывается о деловом общении, об ораторском искусстве, об основах полемического мастерства. Особое внимание уделяется речевой культуре, методам подготовки различных видов публичных выступлений, умению вести конструктивный диалог.

Предназначено для студентов вузов, а также учащихся школ, лицеев, гимназий. Может быть использовано в работе школ менеджеров, на курсах повышения квалификации деловых людей. Представляет интерес для широкого круга читателей, всех, кто желает самостоятельно научиться говорить правильно и убедительно.

Прежнее название книги — «Культура и искусство речи. Современная риторика».

Введенская Л.А., Павлова Л.Г.

Риторика для юристов: Учебное пособие. 9-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2012. — 568 с. (Серия «Высшее образование»).

Пособие посвящено рассмотрению теоретических и практических аспектов коммуникации в юридической практике. В нем описываются различные виды делового общения; излагаются основы ораторского искусства и полемического мастерства; говорится о вербальных и невербальных средствах общения. Особое внимание в работе уделяется коммуникативной стороне судебных прений, искусству доказывания в состязательном судебном процессе, характеристикам обвинительной речи прокурора и защитительной речи адвоката, а также реплики и напутственного слова председательствующего.

В Приложении дается статья А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе» и приводятся материалы по делу Качки (1880) и по делу о краже сарматских фаларов (1971).

Предназначено для студентов юридических вузов и факультетов, юристов различного профиля. Может быть использовано на курсах повышения квалификации специалистов. Представляет интерес для широкого круга читателей.

Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика: Учебное пособие. 6-е изд., перераб. М.: КНОРУС, 2012. — 416 с. (Для бакалавров).

Рассматриваются теоретические и практические аспекты делового общения, культуры речи, ораторского мастерства, искусства спора. Характеризуются различные виды делового общения. Важное значение придается технологиям эффективной речевой коммуникации, национальным особенностям деловых людей, нравственным установкам общающихся. Подготовлено с учетом требований федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования.

Для студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по направлениям: «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Экономика», «Юриспруденция», «Политология», а также для широкого круга читателей, желающих самостоятельно овладеть искусством устного слова и делового общения.

Швец Л.Г. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами: Учебное пособие. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 324 с.

В учебном пособии освещаются инновационные аспекты работы с персоналом, кадровой политики в государственно-административной и корпоративной сферах. Учитывается и освещается процесс менеджериализации государственного и муниципального управления, в практику которого входят технологии PR, HR-менеджмента и GR-менеджмента, SOFT-менеджмента, визуальной психодиагностики, технологии обеспечения надежности персонала.

Рекомендуется магистрам-политологам, бакалаврам и магистрам других специальностей, изучающим новые аспекты управления персоналом и кадровой политики.

Историко-философские исследования М.К. Петрова в горизонте проблем современности: Материалы международной науч. конф. (25-е «Петровские чтения») / Под ред. А.Н. Ерыгина. Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012. – 200 с.

В сборнике материалов конференции, посвященной памяти выдающегося российского ученого и философа М.К. Петрова (1923–1987) впервые рассматривается применительно к его наследию тема истории философии и ее значения для современности. Основные вопросы сборника – теоретико-методологические новации в области истории философии, философское антиковедение, о личном и безличном в научной деятельности, концепция «онаучивания общества», лингвокультурология, регионология, философия образования и философия творчества. В разделе «Из творческого наследия М.К. Петрова» впервые публикуются четыре материала. Работы о М.К. Петрове и по современной проблематике распределены в два раздела: «М.К. Петров и проблемы истории философии» и «М.К. Петров и современные проблемы философии». В материалах сборника широко представлены ученые не только из Ростова-на-Дону, но и из других городов, в том числе из Украины.

Для всех интересующихся проблемами философии и истории философии, а также и глубоко современным классическим отечественным философским наследием.

Давидович В.Е. и проблемы методики преподавания философии: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.М. Старостин, Е.В. Золотухина-Аболина, Т.Г. Лешкевич. Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012. – 124 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основе текстов докладов, представленных на заседание секции «Методика преподавания философии», проведенной в рамках научной конференции «Человек, свобода, культура», посвященной памяти профессора В.Е. Давидовича.

Освещены актуальные проблемы преподавания философии в современных условиях. Адресуется преподавателям гуманитарных дисциплин, студентам, магистрам, аспирантам философских факультетов вузов.

Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования. Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 400 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основе текстов докладов участников одноименного «круглого стола», прошедшего в Южно-Российском институте-филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ 25 мая 2012 г. Это 9-й «круглый стол», посвященный разработке нового междисциплинарного направления – философской инноватики как сферы прикладных философско-методологических и философско-аксиологических исследований и разработок. В данном случае философская инноватика обращена к философским и междисциплинарным проблемам образования и, прежде всего, современного российского образования, находящегося в процессе поисков форм, методов, технологий, отвечающих духу и требованиям времени.

Адресуется научно-педагогическим работникам, аспирантам, магистрам, бакалаврам, интересующимся проблемами методологии гуманитарного познания и образования.

Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.М. Старостин, Т.Г. Лешкевич. Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012. – 300 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основе текстов докладов, представленных на заседании круглого стола VI Российского философского конгресса 27-30 июня 2012 г. в г. Нижний Новгород.

В представленных материалах на основе инструментария философской инноватики дан анализ актуальных философско-антропологических, культурологических, методологических, аксиологических, междисциплинарных и конкретно-дисциплинарных проблем, связанных с подвижками в современном понимании субъектности.

Наши авторы

Ахба Мурат Мухадинович – аспирант Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(495) 436-08-20

Akhba M.M. – a post-graduate student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8(495) 436-08-20

Бабанов Андрей Борисович – кандидат экономических наук, доцент, докторант Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-909-42-700-75

Babanov A.B. – candidate of economic sciences, associate professor, doctoral student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8-909-42-700-75

Голобородько Андрей Юрьевич – проректор по международному сотрудничеству и воспитательной работе, кандидат филологических наук, доцент Ростовского государственного университета путей сообщения (ФГБОУ ВПО РГУПС).

Тел. 8-919-873-45-14

Goloborodko A.U. – the pro-rector for Upbringing and International Affairs, a candidate of philological sciences, associate professor of The Rostov State University of Railway Transportation.

Tel. 8-919-873-45-14

Добаев Игорь Прокопьевич – доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Тел. 8-918-555-44-44

Dobaev I.P. – Ph.D in Philosophy, professor of the South Federal University (Rostov-on-Don).

Tel. 8-918-555-44-44

Доманов Валерий Георгиевич - доктор политических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Тел. 8-908-188-07-26

Domaniv Valery G. - Ph.D in political sciences, professor of the South Federal University (Rostov-on-Don).

Tel. 8-908-188-07-26

Еременко Константин Петрович – аспирант Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-909-42-700-75

Eremenko Konstantin P. – a post-graduate student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8-909-42-700-75

Жученко Евгения Николаевна – кандидат политических наук, старший преподаватель Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(863)-240-27-75.

Zhuchenko E.N – Ph.D. in Politology, a senior teacher of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8(863)-240-27-75

Зинченко Ярослава Геннадиевна – кандидат социологических наук, доцент Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(863)-240-97-19

Zinchenko Y.G. – candidate of sociological sciences, associate professor of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8(863)-240-97-19

Исаков Артур Леонидович – доцент Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), докторант.

Тел. 8-928-227-37-00

Isakov A.L. - associate professor of the South Federal University (Rostov-on-Don).

Tel. 8-928-227-37-00

Картоева Заира Магомедовна - аспирант Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-928-628-48-86.

Kartoeva Z.M. - a post-graduate student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8-928-628-48-86

Кислицын Сергей Алексеевич – доктор политических наук, профессор Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(863)269-62-19.

Kislitsin S.A. – Ph.D. in political sciences, professor of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8(863) 269-62-19.

Кокин Александр Васильевич – доктор геолого-минералогических наук, профессор Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(863)240-70-78.

Kokin A.V. – Phd (geology and mineralogy), South-Russian Institute of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8(863)240-70-78.

Корниенко Виктор Иванович – доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(495) 436-08-20

Kornienko V.I. - Ph.D. in economic sciences, professor of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8(495) 436-08-20

Кравченко Ю.В. – аспирант факультета социальной работы Новочеркасской государственной мелиоративной академии.

Kravchenko U.B. - a post-graduate student of the Faculty of Social work of Novocherkassk State Land-improvement Academy.

Косенкова Екатерина Леонидовна - аспирант СКНЦ ВШ Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Тел. моб. 8-960-444-11-11.

Kosenkova E.L. – a post graduate of North-Caucasus Scientific Center of Southern federal university.

Tel. 8-960-444-11-11.

Кузина Светлана Ивановна – доктор политических наук, профессор Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(863)-240-44-83.

Kuzina S.I. - Ph.D. in political sciences, professor of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(863)-240-44-83

Максимова Елена Николаевна – кандидат экономических наук, доцент Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-928-603-09-59

Maksimova E.N. - Ph.D. in Economics, associate professor of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Department of Economic Theory and Business).

Тел. 8-928-603-09-59

Петрова Светлана Владиславовна – докторант Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-988-233-88-89

Petrova S.V. – a doctoral student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Тел. 8-988-233-88-89

Полочанская Ольга Геннадьевна – ведущий специалист министерства по физической культуре и спорту Ростовской области, аспирант Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(863)269-62-74.

Polochanskaya O.G. – a leading specialist of the Ministry of Physical Culture and Sports of the Rostov Region, a post-graduate student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Тел. 8-904-446-79-44

Понеделков Александр Васильевич – заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заместитель директора Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 863-240-27-75

Ponedelkov A.V. – an honored worker of science of the Russian Federation, Ph.D. in politology, Deputy Director of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Тел. 8 (863)-240-27-75.

Репинская Олеся Васильевна – кандидат политических наук, докторант Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8 (861)-33-451-26

Repinskaya O.V. –candidate of political sciences, doctoral student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(861)-33-451-26

Рощина Лидия Николаевна - кандидат экономических наук, старший преподаватель Ростовского международного института экономики и управления.

Тел. моб. 8-928-102-96-08.

Roshina L.N. – candidate of economic sciences, head teacher of Rostov International institute of economy and management.

Tel. 8-928-102-96-08.

Рубинская Этери Девисовна - кандидат экономических наук, доцент, докторант, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Тел. 8 (918)509-61-03

Rubinskaya E.D. – candidate of economic sciences, associate professor, doctoral student of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8-918-509-61-03

Сапрыкина Наталья Венедиктовна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и социологии Донского государственного аграрного университета.

Тел. 8-918-540-60-55

Saprikina N.V. – Ph.D. in Economics, professor, the Head of the Chair of Economic Theory and Sociology of the Don State Agrarian University.

Tel. 8-918-540-60-55

Точиев Иса Бесланович – руководитель аппарата Народного собрания Республики Ингушетия, соискатель Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-928-790-50-06.

Tochiev I.B. – the head of the popular assembly personnel department of Ingushetia, an applicant of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8-928-790-50-06

Тремба Вадим Александрович – начальник отдела международных связей Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-928-778-77-77.

Tremba V.A. – the Head of International Relations Department of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tel. 8-928-778-77-77

Умаров Джамбулат Вахидович – аспирант Пятигорского государственного лингвистического университета.

Umarov D.V. - a post -graduate student of Pyatigorsk State Linguistic University.

Фасс Юлия Сергеевна – преподаватель Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8-918-558-13-01

Fass Y.S. – a teacher of the Faculty of Politology and Ethnopolity of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Тел. 8-918-558-13-01

Федан Марина Анатольевна – заместитель декана по заочному обучению РЮИ РПА МЮ РФ.

Тел. 8-928-147-85-87

Fedan M.A. – Deputy Director for Correspondence Education of Rostov Law Institute of the Russian Law Academy of Justice.

Тел. 8-928-147-85-87

Чернобродова Людмила Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и экономической теории Рязанского государственного радиотехнического университета.

Тел. 8-910-902-53-57

Chernoborodova L.A. – candidate of economic sciences, associate professor of the Chair of State and Municipal Management and Economic Theory of Ryazan State Radio Engineering University.

Тел. 8-910-902-53-57

Шагошев Рустам Валентинович – кандидат экономических наук, доцент Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тел. 8(863)269-62-74.

Shagoshev P.B. – a candidate of economic sciences, associate professor of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Тел. 8(863)269-62-74

Шпекторенко Игорь Валентинович – доктор наук по государственному управлению, доцент Днепропетровского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

Тел. 056 794 58 29.

Shpektorenko I.V.- Ph.D. in Public Administration, an associate professor of Dnepropetrovsk Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration, Office of the President of Ukraine.

Tel. 056 794 58 29

Шустов Владимир Геннадьевич - кандидат политических наук, старший преподаватель Адыгейского филиала Московской открытой социальной академии.

Тел. 8-928-470-66-40.

Shustov V.G. Ph.D. in political sciences, a senior lecturer of the Adygei branch of Moscow Open Social Academy.

Tel. 8-928-470-66-40.

ABSTRACTS

Kislitsin S.A. STATE AND SCIENTIFIC ELITES AT THE PRESENT MOMENT

Areas of cooperation between the political power and the scientific elite determined by the interests of the state and the internal needs of the development of science. The participation of scientists in the development of policy in Russia and in other leading countries is mediated nature. Updating of scientific policy in the future will create new opportunities for the emergence of a new scientific elite.

Key words: scientific elite, political power, scientific leadership, government regulation of scientific activity.

Kokin A.V. POWER, BUDGET AND NATURE RENT: A HISTORICAL CHANCE

One of the corruption components of the state is non-target using and direct stealing of budget means on different levels of its formation. In the Russian Federation a significant share of the budget is made at the expense of the natural rent, which according to the Constitution must belong to the people. On condition of political will of power elite this share of budget must be taken out and given to the citizens of the RF and on the development of mineral-raw basis. This will allow to reduce a corruption component of the process in a complex procedure of redistribution of the budgets of all levels and will help the improvement of the population social security.

Key words: natural rents, budget, redistribution, power elite, society welfare.

Kornienko V.I., Achba M.M. THE DEVELOPMENT OF A COMPANY ORGANIZATION HUMAN POTENTIAL IN THE SYSTEM OF INTERESTED PARTIES

The problem of managing the development of a company organization human potential is investigated within the frame of the article.

The analysis main assumption is the presupposition that cooperating companies basing upon the rational evaluation of expectations of mutual interests satisfaction seek educating partnership aimed at a long-term strategic cooperation to attain a competitive position in the market.

Key words: organizational human potential, efficiency of management, partnership of bodies of power and companies.

Shpectorenko I.V. TO THE PROBLEM OF COMPETENT ESSENCE OF PROFESSIONAL STAFF EXPERTISE

The article deals with scientific views of the scientists, working in the sphere of defining of professional expertise components. The author's view of the inner components of the professional expertise are offered, main factors of its formation are singled out.

Key words: professional expertise, professional competence, professionalism, professional mobility.

Saprykina N.V., Tchernobrodova L.F. MARKETING ASPECTS OF THE STRATEGY OF THE REGION DEVELOPMENT FORMATION

In the article the problems of regional development on the example of the Ryazan Region are concerned with, the necessity of marketing approach to the development and

realization of the innovation strategy of the region are grounded, concrete directions of its providing are offered.

Key words: region development strategy, marketing approach, marketing instruments, innovation scenario.

Shchagoshev R.V., Polochnskays O.G. EFFICIENCY IMPROVEMENT OF MANAGEMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS DEVELOPMENT: REGIONAL ASPECT

In the article authors consider the basic approaches to improvement of management of regional sports complex. The importance of propagation in development of physical culture, sport and a healthy lifestyle is noted.

Keywords: sport, physical culture, health, region, management

Shustov V.G. нет названия статьи на англ.

The article examines the powers of different levels of public authorities, and the process of differentiation and the transfer of authority from public authorities to the local self-government bodies in the framework of municipal reform. In our opinion, this is the most difficult challenge of all municipal reform.

Key words: power lines, transmission, devolution decentralization, deconcentration, devolution and noncentralism.

Rubinskaya E.D. CONTROL PROBLEMS OF INTERNATIONAL LABOR MIGRATION AT REGIONAL LEVEL IN THE LIGHT OF STRATEGIC LAND-MARK OF MIGRATION POLICY

This article analyzes the problems in the management of migration to the most relevant to today's Russia categories of migrants - labor immigration, the lawful by the example of the Rostov region. The paper attempts to estimate migration flows according to the professional qualifications of migrants from some countries, working at the enterprises of Rostov region, based on a differentiated approach to the sample survey.

Key words: foreign workers, migration registration, qualified professionals, organized recruitment, educational migration.

Babanov A.B., Eremenko K.P. INVESTMENT-TAXATION INSTRUMENTS OF INNOVATION SPHERE OF THE RUSSIAN ECONOMY SUPPORT

This article presents a comparative analysis of existing economic instruments to support innovation in the Russian Federation and the United States, a description of the priorities of innovative sources of financing infrastructure, examples of effective use of tax-credit instruments to promote innovation activity.

Key words: innovation, the innovation infrastructure, innovation policy, globalization, integration, global crisis, the law of (legal act), technology transfer, intellectual property, CRADA, SBIR, technopolis.

Maksimova E.N. THE ROLE OF EUROREGIONS ON MODERNIZATION AND DEVELOPMENT OF THE REGION ECONOMY

The article deals with the integrative form of cross-border cooperation by type of Euroregion, analyzes general theoretical aspects of this phenomenon, the estimation of the influence of the formation of the Euroregion on the economic development of its constituent territories as an example foreign and domestic practice.

Key words: Euroregion, cross-border cooperation, integration, foreign trade activities, foreign economic relations, Euroregion Donbass.

Ponedelkov A.V., Zhuchenko E.N., Fass I.S. THE PLACE AND ROLE OF THE ROSTOV SCIENTIFIC ELITOLOGICAL SCHOOL IN STUDYING OF REGIONAL ADMINISTRATIVE-POLITICAL ELITES

This paper deals with the place and role of the scientific political school in the studying of regional administrative and political elites.

Key words: scientific researches; elitology, transformations, regional elites, leadership, meritocracy.

Dobaev I.P., Umarov D.V. THE VECTORS OF DEVELOPMENT OF MODERN IDEOLOGICAL DOCTRINE OF RADICAL ISLAMISTS IN THE WORLD AND IN THE NORTH CAUCASUS

The article depicts the vectors of evolution of modern ideological doctrine of radical islamists in the world. The authors prove the exceptional external influence on the development on the terrorist movement of the North Caucasus, which is based on the ideological platform of religious-political extremism.

Key words: “Al-kaida”, Muslim Brotherhood, Global Jeehad, Imarat Caucasus, Islamism, radical Islamism, North Caucasus, Terrorism, Extremism.

Kuzina S.I., Fedan M.A. ETHNIC IDENTITY AS A FACTOR OF SELF-CATEGORISATION OF GROUPS IN THE POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA

The article considers the problems of searching ethnic identity in multinational Russian society, it also proves the necessity of balance between tolerance and ethnic identity.

Key words and phrases: ethnos, ethnic identity, self-categorization, tolerance, intolerance, multiculturalism.

Goloborodjko A.Y. STATE CULTURAL POLICY IN THE SYSTEM OF PROVIDING NATIONAL SECURITY OF MODERN RUSSIA

The article deals with the system of actions, incorporated in the state cultural policy as an instrument of search of adequate answers to challenges and threats of contemporary life. The author proves the necessity of developing of the methodology of cultural policy research on the basis of conceptualization of mechanisms of preserving and development of cultural potential and legacy of the country.

Key words: state cultural policy, national security, challenges and threats of the contemporary life, culture and political reality, succession, degradation, washing out of spiritual basis, cultural expansion, mass culture.

Isakov A.L. POSSIBILITIES, WAYS AND MEANS OF MODELLING OF THE POLITICAL PROCESSES ARCHAIZING

The article is devoted to the analysis of ways and means of modelling of the system political processes archaizing.

Key words: archaizing, traditions, public development, modernization, means and methods of modelling.

Repinskaya O.V. INTERNATIONAL TERRORIST THREATS AND CO-OPERATION OF THE RUSSIAN ON THE POST-SOVIET SPACE

In the article it is noted that the Russian working in the area of resisting terrorism must systemically take into account the world experience.

Key words: terrorism, national security, endogenous and exogenous factors, globalization.

Domanov B.G. URBIS ET CIVIS: THE STATE VRS CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF URBANIZATION

The article is devoted to the problem of town culture formation and urban development in historical retrospective review. A town was used as a source of European tradition and a political state and a civil society. In the article the author gives the modern glance on the fact of originating the town civilization and standards of town self-government. It is analyzed the essential difference of West-European town culture and the culture of the Middle Ages of Rus. However the ambivalent process came to one civilized result – the formation of local municipal self-government is a necessary condition of forming the system of civil relations.

Key words: the civil society, town, urban development, political state.

Petrova S.V. GEOETHNOPOLITICAL DETERMINANTS ON THE POST-SOVIET SPACE OF THE NORTH AND SOUTH CAUCASUS

The success of the North and the South Caucasus is possible only if the disclosure of all capital geoethnopoliticheskogo region with its unique Eurasian mentality and cultural and historical grounds. This means rethinking within the existing knowledge geoethnopoliticheskogo relation to civilizational heritage of the peoples and antropokulturnomu this macro. The success of the North and the South Caucasus is possible only if the disclosure of all capital geoethnopoliticheskogo region with its unique Eurasian mentality and cultural and historical grounds. This means rethinking within the existing knowledge geoethnopoliticheskogo relation to civilizational heritage of the peoples and antropokulturnomu this macro.

Key words: determination, geopolitics of civilization, ethnopolitics, eurasian mentality, cultural and historical traditions of the Caucasus.

Tremba V.A. MIGRATION PROCESSES IN CONTEMPORARY SOCIETY: A POLITOLOGICAL ANALYSIS

In the article it is mentioned that political and economic transformations of the contemporary world promote a multiple growth of migration processes, which by the end of the XX century acquired a mass character and touched upon practically all countries of the world.

Key words: migration, migration processes, contemporary society, globalization.

Roschina L.N. ASSESSMENT AND PROGNOSIS OF POTENTIAL OF INDUSTRIAL INNOVATIONS FROM POSITION OF RESOURCE-NORMATIVE APPROACH

The article argues that assessment and prognosis of research-innovation potential of industries are held concerning principles of resource-normative approach and main regional indicators.

Key words: research-innovation potential of industries, regional clusterization, assessment and prognosis, resource-normative approach.

Zinchenko Y.G. BUREAUCRACY: THE DYNAMIC AND TRANSFORMATION

Based on a spacial approach social parameters, dynamic and transformation of the modern state bureaucracy in Russia are considered.

Key words: bureaucracy, social and professional community, "stratum model of bureaucracy," social space, social field, social parameters, indices, indicators and variables.

Kravchenko Y.B. THE STABILITY OF A YOUNG RURAL FAMILY IN THE SOCIO-ECONOMIC SPACE OF THE REGION (IN THE RESEARCH MATERIALS OF THE ROSTOV REGION)

The analysis of the sociological poll of the population of the Rostov Region allowed to single out and define the influence of socio-economic state of the region on the family stability, taking into account the peculiarities of the rural space.

Key words: adaptation, a young family, socio-economic space, family stability, family budget.

Tochiev I.B. THE MAIN DIRECTIONS OF THE MUNICIPAL MANAGEMENT SYSTEM REFORMING

The article deals with the key directions of management system reforming.

Key words: municipal management, local management, reforming, civil society.

Kartoeva Z. THE PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF THE MIGRATION POLICY IN THE INGUSH REPUBLIC

In the article the main ways of state migration policy are concerned with; it is noted that migration policy must be the prerogative not only for the state, but for public institutions as well.

Key words: migration, forced migration, state migration policy, non-government enterprises.

Kosenkova E.L. GOVERNMENT REGULATION OF THE PROCESS OF NET CORPORATIZATION IN THE REGIONAL SYSTEM

The article argues that the set of methods and instruments of government regulation mechanism in the process of founding and functioning big net companies in the region are held concerning support of competitive market.

Key words: government regulation, net company, corporatization, regional system.

CONTENTS

HIGHLIGHTS

Kislitsin S.A. State and Scientific Elites at the Present Moment

IT IS ACTUAL

Kokin A.V. Power, Budget and Nature Rent: a Historical Chance

THE PROBLEMS OF MANAGEMENT

Kirnienko V.I., Achba M.M. The Development of a Company Organization
Human Potential in the System of Interested Parties

Shpectorenko I.V. To the Problem of Competent Essence of Professional Staff
Expertise

Saprykina N.V., Tchernobrodova L.F. Marketing Aspects of the Strategy of the
Region Development Formation

Shchagoshev R.V., Polochnskays O.G. Efficiency Improvement of Manage-
ment of Physical Culture and Sports Development: Regional Aspect

Shustov V.G. Differentiation of Power Lines between State and Local Authori-
ties

THE PROBLEMS OF ECONOMICS

Babanov A.B., Eremenko K.P. Investment-Taxation Instruments of Innovation
Sphere of the Russian Economy Support

Maksimova E.N. The Role of Euroregions on Modernization and Development
of the Region Economy

POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS

Ponedelkov A.V., Zhuchenko E.N., Fass I.S. The place and Role of the Rostov
Scientific Elitological School in Studying of Regional Administrative-Political
Elites

Kuzina S.I., Fedan M.A. Ethnic Identity as a Factor of Self-Categorisation of
Groups in the Political System of Russia

Goloborodjko A.Y. State Cultural Policy in the System of Providing National
Security of Modern Russia

Isakov A.L. Possibilities, Ways and Means of Modelling of the Political Pro-
cesses Archaizing

Repinskaya J.V. International Terrorist Threats and Cooperation of the Russian
on the Post-Soviet Space

Domanov B.G. Urbis et Civis: the State vrs Civil Society in the Context of Ur-
banization

Petrova S.V. Geoethnopolitical Determinants on the Post-Soviet Space of the
North and South Caucasus

Tremba V.A. Migration Processes in Contemporary Society: a Politological
Analysis

SOCIOLOGY

Zinchenko G.P. Bureaucracy: Dynamics and Transformation

YOUNG SCHOLARS

Kravchenko Y.B. The Stability of a Young Rural Family in the Socio-Economic Space of the Region (in the Research Materials of the Rostov Region)

Aguzarov Z.A. The State Stimulation of Innovation Processes in Political Ethnical Regions

Tochiev I.B. The Main Directions of the Municipal Management System Reforming

Kartoeva Z. The Problems of Improvement of the Migration Policy in the Ingush Republic

SCIENTIFIC LIFE

Philosophy to the Modern Education

REVIEWS

Kislitsin S.A., Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Foundations of political elitology

PUBLISHED

OUR AUTHORS

ABSTRACTS

The rules of presenting manuscripts by the authors

Правила представления рукописей авторами

В связи с рекомендациями ВАК редакцией журнала устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

1.Статья должна соответствовать профилю журнала, т.е. быть ориентированной на актуальные проблемы политологии, государственного и муниципального управления

2.Названию статьи должен предшествовать индекс УДК, соответствующий названной теме.

3. Фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание автора.

4.Заглавие материала.

5.Аннотация до 6 строк, включая ФИО автора и название статьи.

6.Ключевые слова или словосочетания 5-6 (выбираются из текста материала, несущие в тексте основную смысловую нагрузку).

7.Библиографический список – пристатейный.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником/ Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

К статье прилагаются:

- сведения об авторах (на русском и английском языках) фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и занимаемая должность, почтовый адрес, контактные телефоны, адрес электронной почты;

- заголовок статьи;

- аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках);

- рецензия-рекомендация кафедры, (научного подразделения), специалиста.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию в электронном и в распечатанном вариантах. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией статьи к печати научным руководителем.

Рецензии - рекомендации кафедр и рецензии специалистов сторонних организаций заверяются печатью.

Объем статьи не должен превышать 10 страниц (до 10 тыс. знаков с пробелами и сносками). Шрифт Таймс, 14 кегль, межстрочный пробел - 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ - 1см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70. Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС».

Телефоны: (863) 269-77-84, 203-63-89. E-mail [jurnal @ skags.ru](mailto:jurnal@skags.ru)

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ СКАГС.**

**НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

№ 3. 2012

Редактор – Т.В. Лозовая

Подписано в печать 20.09.2012. Формат 70x100 1/16.

Офсетная печать. Бумага писчая. Объем 12 п.л.

Тираж 200 экз. Заказ № 826.

ЮРИФ РАНХ и ГС

344007 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»

Ростов-на-Дону, пер. Ахтарский, 6.